

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ФЕВРАЛЬ
2011**

**ШВАТ
5771**

N 2(226)

ЛЕХАИМ 2/226

**Ежемесячный литературно-публицистический журнал
выходит с 1991 года**

**Главный редактор
Борух Горин**

**Административный директор
Яков Ратнер**

**Ответственный секретарь
Елена Калло**

**Художественный редактор
Евгения Черненкова**

Выпускающие редакторы

**Лариса Беспалова
Ишайя Гиссер
Галина Зеленина
Александр Иличевский
Афанасий Мамедов
Ирена Подольская
Йеуда Рабейко
Михаил Эдельштейн**

**Помощник художественного редактора
Дмитрий Кобринский**

**Корректор
Виктория Рябцева**

**Авторы макета
Андрей Бондаренко
Дмитрий Черногаев**

Художники

**Павел Шевелев (с. 38–40)
Яна Сметанина (с. 60–65)
Сусанна Черноброва (с. 67–72)
Александр Горнов (с. 74, 75, 77, 79–81)**

Фотографы

**Вадим Бродский (с. 1, 47)
Andrea Robbins, Max Becher (с. 6)
Rafael Herlich (с. 8, 10)
Frederic Brenner (с. 11, 82)**

**Материалы предоставлены Борисом Фрезинским (с. 18, 21)
Rolf Kneller (с. 31)**

**Фото предоставлено МИДом Израиля (с. 41)
Афанасий Мамедов (с. 48)
Максим Д. Шраер (с. 89)**

**Фото предоставлены XL Gallery (с. 97–101)
Фото из архива Дмитрия Барского (с. 106)**

**Фото предоставлены агентствами
Fotobank (с. 51)**

**Фото ИТАР-ТАСС (с. 42, 43)
РИА «Новости» (с. 58)
East-News (с. 111)**

**На обложке
Портрет Дж. Д. Сэлинджера. 20 ноября 1952 года. Нью-Йорк. Фото
предоставлено агентством Fotobank**

**Подписано в печать 17.01.11
Формат 60×90/8
Тираж 30 000 экз.**

**Объем 16 печ. л.
Цена договорная**

ISSN 0869-5792

**Журнал «Лехаим» зарегистрирован в Комитете РФ по печати,
регистрационный номер 01126 от 22.05.92**

© «Лехаим», 2011

**Адрес редакции: 127018,
Москва, 2-й Вышеславцев пер., 5а
Тел. (495) 710-88-03
E-mail: lechaim (собака) lechaim.ru
Internet: <http://www.lechaim.ru/>**

**За содержание рекламных материалов
и кошерность рекламируемых продуктов
редакция ответственности не несет.**

**Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
Сайт: www.oaomprk.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685**

ЛЕХАИМ ФЕВРАЛЬ 2011 ШВАТ 5771 – 2(226)

ФЕВРАЛЬСКОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В Израиле завершилась очередная битва странной войны.

Во всем мире, и уж точно на Ближнем Востоке, нет более светского государства, чем Израиль. Созданная социалистами, вооруженная атеистической идеологией, эта страна с первых дней своего существования, а впрочем, еще на этапе родовых мук, столкнулась с абсурдной ситуацией, выход из которой не найден до сих пор. С одной стороны, клерикализм и пережитки галутного прошлого – конечно, зло, но, с другой стороны, какое право безо всего этого евреи имеют на Землю Израиля? Как раз в этих мифах и легендах, причитаниях о возвращении на святой Сион и «в следующем году в Иерусалиме» – вот только где это право и есть. Кроме того, что еще могло заставить евреев со всего мира ехать отвоевывать и осваивать пустыню?..

Этот светский, «неугандийский» сионизм, пусть и отплевываясь, был плоть от плоти потрепанных сидуров и танахов.

И вылилась вся эта шизофрения в нечто весьма странное под названием «статус кво». Этакое соглашение с религиозными партиями о невмешательстве в дела друг друга: досы, как презрительно именуют в Израиле религиозных евреев, получают монополию на обрядовую сферу – браки, разводы, похороны, – а за это признают Государство Израиль. Были и дополнительные реверансы, вроде того, что еще 20 лет назад на всех официальных дипломатических приемах подавали только кошерную еду, а по субботам государственные службы не работают и ныне. «Статус кво» время от времени то скукоживался, то увеличивался. Влиятельным религиозным партиям то и дело подкидывают жирные куски в виде пособий и отсрочек от военной службы для учащихся ешив, религиозные партии за это то и дело заключают экстравагантные союзы то с левыми, то с правыми, – в общем, идет обычный дурнопахнущий политический процесс. В голом остатке – все всем продают всё. Что, конечно, не добавляет доверия ни к религиозным партиям, ни к религии как таковой.

Но есть в еврейском государстве святыни, по отношению к которым наблюдается почти полный консенсус. Во-первых и в-главных, это ЦАХАЛ – Армия обороны Израиля. И наиболее болезненные сбой пресловутый «статус кво» дает именно на пересечении двух сфер.

Как уже было сказано, похороны находятся в ведении рабанутов, религиозных «исполкомов». Что же делать этим чиновникам, когда погибает солдат-неиудей? Вопросов не возникает, когда это, например, друз: родственники хоронят его на кладбище в родной деревне. Настоящая дилемма возникает тогда, когда погибший нееврей из семьи, скажем, репатриантов из бывшего Союза. Рядом с погибшими товарищами на армейском кладбище его хоронить не позволяют, «родных» могил на новой родине у семьи нет. Что же делать с телом павшего героя? Нести опасную службу в еврейской стране ему позволено, а получить последний почёт – нет? Стыд и позор на весь мир, а семье еще и оскорбление в нагрузку к неизбежному горю. Чтобы уменьшить количество таких диких историй, армейские раввины идут навстречу

солдатам, желающим пройти процедуру принятия иудаизма, также, разумеется, монополизированную раввинами. Пройти гиюр, то есть принять иудаизм, в массе своей молодые люди только в армии и могут.

И так сложилось, что именно армейские гиюры Верховный раввинат Израиля признавать не стремился. Прямо скажем, ситуация патовая: очевидно, что большинство новообращенных солдат принимают не догмы иудаизма, а некое еврейское самосознание. А что оно собой представляет, никто толком сформулировать не может.

И наконец... государство надавило. Верховный раввинат признал армейские гиюры. Еще одна страница в истории нелегких взаимоотношений кесарева с боговым перевернута.

Все так, да не так. С каждым компромиссом официальный раввинат теряет остатки авторитета и в светской, и в религиозной части общества. Этот путь бесконечен. Вот уже и новый скандалчик подоспел: солдату-гею армейский раввин в гиуре отказал, мол, ничего не могу поделать, Тора почитает сие смертным грехом. Газеты шумят на знакомый мотив: служить гею в еврейской армии можно, а стать евреем нельзя!..

В общем, «статус кво», с политической точки зрения, дело хорошее, вот только запас прочности у него отнюдь не безграничен. Нет никакого сомнения, что гнойник этот рано или поздно лопнет. И скорее раньше, чем думают многие.

Αἶψά Αἶψά

ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ

וְאֵלֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יָשׁוּב לְבָרְכֵנוּ וְלִפְנֵי מַלְאָכֶיךָ יִשְׁתַּחֲוֶיִם

Составитель Ишайя Гиссер

Вопросы воспитания всегда были приоритетными в служении Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона. Задолго до принятия на себя руководства Хабадом, едва спасшись из охваченной пламенем Европы, по поручению своего тестя, ребе Йосефа-Ицхака (Раяца), он создал и возглавил «Центр по вопросам воспитания» («Меркоз ле-инъёней хинух») и не оставлял этой работы до конца жизни. Тысячам его эмиссаров – шлухим – во всем мире была поставлена задача: воспитывать и образовывать подрастающее поколение, спасти детей нашего народа от смуты и распада, охвативших еврейский мир в XX веке. Пытаясь спасти немногое из того, что осталось от традиционного еврейского общества, Любавичский Ребе первым из духовных лидеров нашего народа перешел от «глухой обороны» к широкому распространению знаний об иудаизме, к экспансии «наружу».

Ребе инициировал перемены, революционные по своему воздействию и грандиозные по результатам. Этим он снискал признание и уважение и в еврейской среде, и у руководителей нееврейского мира. Недаром день рождения Любавичского Ребе по решению конгресса с 1978 года ежегодно отмечается в США как День воспитания.

Советы и рекомендации, которые Ребе давал в посланиях частным лицам и общественным деятелям, остаются востребованными и актуальными поныне.

СА́І ІА́АҮІ АІНІ ЕОАІ ЕЕ ЕАЕ ІАВСАІ І ІНОҮ ЕААЕАІАІ ААДАВ

22 èyüà 5726

<...> Наши мудрецы говорят: перед тем как даровать евреям Тору на горе Синай, Б-г потребовал гарантий того, что евреи будут изучать ее и соблюдать заповеди. Все предложенные гарантии были отклонены. Тогда наш учитель Моше произнес: «Наши дети будут нашими поручителями!» (Шир а-ширим раба, 1:4)[1]. Без этих гарантов даже Моше не получил бы Тору! С тех пор Моше и все евреи несут ответственность за то, чтобы наши дети изучали Тору и вели праведный образ жизни, то есть получали еврейское воспитание. Никто не освобожден от усилий, необходимых для этого.

<...> При получении Торы должен быть учтен каждый еврей, поскольку у каждого есть свой удел в святой Торе, дарованной Всевышним, и его душа связана с ней. Ни один еврей не должен быть забыт или «потерян». <...>

Діє діїає оіоаіі à 5732

<...> Пока есть хотя бы один еврейский ребенок (мальчик или девочка), не получающий настоящего еврейского воспитания, считается, что община не исполнила своего долга.

<...> Наша эпоха – самая благоприятная для еврейского образования. В современном мире, где царит хаос и утрачены традиционные ценности, родители все больше осознают насущную необходимость еврейского образования. Что касается еврейских детей и подростков, то они всегда восприимчивы к Торе и заповедям. Это подтверждает истинность Торы и учения любавичского хасидизма, согласно которому Тора и заповеди – неотъемлемая часть того, что составляет основу личности еврея. Поэтому нужно только одно – помочь еврею найти свое подлинное «я». Вкусив от Торы и ее заповедей, еврей преисполняется радостью и благодарностью и дальше двигается сам, от свершения к свершению (парафраза Теилим, 84:8), помогая при этом другим и инициируя своего рода цепную реакцию.

Существует обычай, говоря о каком-либо событии или торжестве, связывать происходящее с содержанием соответствующей недельной главы. Например: знаменательно, что этот банкет назначен на неделю, когда все евреи мира читают главу «Лех-леха», начинающуюся повелением Всевышнего Аврааму покинуть свое отечество и начать новую жизнь в Земле обетованной (Берешит, 12:1-2).

Символически эти слова можно интерпретировать как призыв к каждому еврею, во все времена и в любом месте. Призыв не потерять себя в окружающем мире, не мириться с врожденными недостатками или приобретенными [дурными] привычками, не утонуть в повседневной рутине. Еврей должен возвыситься над всем этим и последовать за Б-жественным зовом «в страну, которую Я покажу тебе» – к тому образу жизни, который Всевышний заповедал первому еврею Аврааму и всему еврейскому народу на горе Синай. Более того, в самом этом призыве содержится обещание Всевышнего, состоящее в том, что этот образ жизни будет по силам не только избранным личностям, но каждому еврею (Дварим, 30:11-14). Именно этот образ жизни станет и для него, и для всего человечества источником блага, как сказано: «И тобой будут благословляться все племена земли» (Берешит, 12:3).

II аааа 5703[2]

<...> В эти трудные дни следует вспомнить о том, что произошло во времена первого Амана[3], который некогда намеревался уничтожить всех евреев. Только двое – мужчина и женщина, Мордахай и Эстер, – умолили Всевышнего спасти свой народ и расстроили планы Амана.

Эстер не остановило то, что сама она была вполне благополучна, что лично ей ничего не угрожало. Она рисковала жизнью, чтобы спасти своих братьев и сестер. Однако, прежде чем самой просить об отмене страшного указа Амана, она сказала Мордахею: «Пойди, собери всех находящихся в Шушане иудеев» (Эстер, 4:16) для молитвы и поста. Мудрецы говорят, что Мордахай тогда собрал тысячи еврейских детей и обучал их Торе.

В наши дни, когда новый злодей Аман ополчился на нас, мы можем не сомневаться, что и его ждет неизбежный конец, а «у евреев будет свет и радость, веселье и торжество» (Эстер, 8:16). Но для того, чтобы все это произошло как можно скорее, всем нам необходимо приложить усилия.

Каждая еврейская женщина, [подобно Эстер], должна обратиться с призывом: «Пойди и собери!» Собирайте еврейских детей и подростков. Учите их, не жалея сил, еврейству и Торе. Женщины, следите за тем, чтобы всегда хватало средств, необходимых для поддержки еврейского образования. Сделайте все, чтобы ваши сыновья и дочери выросли настоящими евреями.

Эта решимость ускорит падение Амана нашего времени. <...> Следите, чтобы ваши дочери шли вашим путем, получив достойное религиозное образование и правильное воспитание. Следите, чтобы достойные учебные заведения продолжали работать и развиваться, увеличивая число своих учениц, чтобы ни одна еврейская девочка не осталась без еврейского образования. <...>

13 יְהִי אֵל

<...> Я просил Вас принять участие в деятельности «Меркоз ле-иньёней хинух». В ответ Вы пишете, что не готовы заниматься сбором денег. Таким образом, Вы проигнорировали главное и сосредоточились на второстепенном. Основная задача «Меркоз ле-иньёней хинух» – максимально расширить сферу подлинного еврейского образования, создать альтернативу неприемлемым подходам к образованию, готовить благочестивых учителей и издавая написанные в духе чистоты и святости учебники и пособия для чтения, учить родителей и учителей трепету перед Небесами посредством изучения Торы и, в частности, учения хасидизма.

В настоящий момент есть возможность дойти до людей, [к которым прежде не было доступа]. Теперь самое подходящее время обратиться к ним, поскольку у них появилось желание слушать. Однако у нас недостаточно возможностей даже для самых первых шагов. Поэтому, чтобы изыскать необходимые средства, нужно личное участие каждого. Сделав это, мы докажем, что в этом мире нет препятствий, [способных остановить нас]. В свете всего сказанного выше – насколько весомы Ваши отговорки? <...>

ПРИНЦИПЫ ВОСПИТАНИЯ

18 וְיִשְׂרָאֵל

<...> Вы, безусловно, совершенно правы, когда пишете, что задача образования – не только в том, чтобы увеличить объем знаний, но в том, чтобы воспитать человека, подготовить его к тому, как

самостоятельно вести еврейский образ жизни. Это особенно верно в наши дни, в связи с вредным влиянием среды, из-за которого особенно необходимо воспитание в детях Б-гобоязненности. Конечно же, именно в ней смысл Торы и ее заповедей, как сказано: «И повелел нам Г-сподь исполнять все эти установления, чтобы мы боялись Г-спода, нашего Б-га, ради нашего блага во все дни; чтобы дать нам жизнь, как ныне» (Дварим, 6:24).

Когда речь идет о целях еврейского образования, не должно быть никаких разногласий. Разногласия могут касаться только вопроса о том, какие подходы или методы лучше всего годятся для достижения этих целей. Эти методы различны в каждом поколении, в каждом городе, а порой – даже в каждом конкретном классе.

Еще один важный момент, о котором следует помнить: поскольку родители далеко не всегда проникнуты идеалами подлинного еврейского образования, следует действовать согласно подходу, предложенному нашими мудрецами: «Пусть человек всегда занимается изучением Торы, даже если он делает это и не ради нее самой. Ибо от такого [занятия] он придет к [изучению Торы] ради нее самой» (Псахим, 50б).

Именно поэтому зачастую так важно подчеркивать практическую пользу еврейского образования, пока люди сами не поймут сути. <...>

7 óàóàí à 5737

<...> Предложение объявить этот год Годом образования[4], чтобы преумножить работу во всех сферах еврейского образования, было с готовностью встречено в разных странах мира, и эта работа уже принесла добрые плоды.

Когда речь заходит о воспитании, «добрые плоды» – это не фигура речи, но аналогия, исполненная глубокого смысла. Не раз уже говорилось о том, что воспитание детей подобно уходу за ростком дерева, и малейшее повреждение саженца на ранних этапах развития может иметь судьбоносное значение для той поры, когда саженец превратится в дерево. Эта аналогия в высшей степени правомерна, если речь идет о самых ранних этапах образовательного процесса и воздействие на ребенка оказывают продолжительное время.

Мы – свидетели двух явлений, казалось бы, противоречащих друг другу; вместе с тем каждое из них создает благоприятный климат для истинно религиозного образования.

С одной стороны, в последние годы мы видим отчуждение значительной части еврейской молодежи от своего духовного наследия: порывают даже связь с еврейским народом. Порой это принимает крайние формы: дело доходит до ненависти к соплеменникам, до объединения с юдофобами.

С другой стороны, мы видим, что многие молодые люди страстно стремятся обрести истину и стать сопричастными еврейскому народу и его традициям. Ради этого они готовы пожертвовать карьерой и благосостоянием. Если помочь им и указать верное направление, они посвятят себя Торе и обретут внутреннюю гармонию.

Итак, усилия, совершенные во имя религиозного образования, увенчаются успехом, если предприняты с полной самоотдачей. Или, как говорили наши мудрецы, «слова, исходящие от сердца, проникнут в сердце»[5] и произведут необходимое впечатление. Об этом непреложно свидетельствует весь опыт нашей работы, доставившей много радости и заслужившей благодарности в городах и странах, где любавичские хасиды активно работают во всех сферах еврейского образования <...>.

Последовательное и самоотверженное сотрудничество сторонников религиозного образования, преданность избранному делу, осознание того, что еврейский народ – единый организм (а именно так говорили наши мудрецы), наконец, воодушевление как следствие предшествующих успехов – все это залог того, что награда за усилия превзойдет ожидания. Это же станет источником Б-жественного благословения – во всех начинаниях, материальных и духовных, – для всех вас, ваших семей и всей вашей общины. <...>

26 í áí àóàí àà à 5710

<...> Спасибо, что сообщили мне об улучшении состояния здоровья Вашего сына. В самое ближайшее время оно станет еще заметнее, пока наконец он совсем не поправится.

Уверен, что Ваш маленький сын спит в ермолке, а Вы, в доступной для него форме, рассказываете ему о главе поколения, моем наставнике и тесте, ребе Йосефе-Ицхаке Шнеерсоне; а также о том, что праведник и после смерти обитает во всех мирах, включая наш «мир действия»[6], и даже в большей мере, чем при жизни (Зоар III, 71б). И он – источник благословений для всех, кто с ним связан, для детей, мальчиков и девочек, особенно. <...>

20 èyðà 5712

<...> Рад слышать время от времени о расширении вашей деятельности. Надеюсь, речь идет не только о количестве, но и о качестве.

Разумеется, один час в неделю, предназначенный для религиозного обучения, не позволяет дать полноценное образование. Поэтому эти часы должны рассматриваться и учениками, и родителями как стимул, побуждающий их приступить к поискам такого [учебного заведения], которое даст полноценное еврейское образование, – ешивы, талмуд торы и т. д. С удовольствием отметил, что вы работаете именно в этом направлении, и желаю вам всяческих успехов и в этом деле.

Вы – молодая организация, работающая с еврейской молодежью[7].

Одно из основных качеств юности – нерастраченные запасы энергии и энтузиазма. Кроме того, молодым, находящимся лишь в начале жизни и еще не имевшим дела со многими ее нелицеприятными сторонами, свойственны большее великодушие и чистота.

Эти качества юности очень важно использовать в работе с молодежью и особенно – в воспитании детей. Вам будет легче достигаться до подростков, если вы попытаете повлиять на них, апеллируя к их интуиции, а не к разуму. Решающие факторы в деле успешного воспитания детей – личные качества, искренность и идеалистический подход учителей и наставников.

Желаю вам использовать вашу юношескую энергию ради самого важного дела – воспитания нового поколения, которое найдет себя в еврейской жизни. Посылаю вам мои наилучшие пожелания и благословения, чтобы ваш энтузиазм и ваши усилия увенчались безоговорочным успехом.

Хочу напомнить вам слова моего наставника и тестя, основателя вашей организации: хотя религиозные занятия предназначены для того, чтобы приносить пользу ученикам, не меньшую пользу они приносят преподавателям и преподавательницам, поскольку работа в рамках программы «Освобождение от занятий» способствует их моральному и духовному росту. Это справедливо и в отношении тех, кто поддерживает движение, и тех, кто, несомненно, испытывает душевный подъем от причастности к этой святой работе.

Перефразируя слова мудрецов, я хотел бы сказать, что, сколько бы вы ни помогали этому проекту, он дает вам гораздо больше, ибо помогает достичь более высокого духовного уровня. <...>

<...> Уже не раз подчеркивалось, что задача истинного образования – не накопление знаний само по себе и оно не должно быть только средством заработать больше денег. Образование, прежде всего, должно воспитывать характер, развивать представление о моральных и нравственных ценностях и фундаментальных правах человека – в общем, работать на совершенствование общества.

Если же мы говорим о еврейском образовании, то, помимо задач, перечисленных выше, оно имеет и свою, специфическую: сохранить и передать следующим поколениям освященную тысячелетиями традицию нашего народа, которому с момента его появления было предназначено стать «царством священников и святым народом» (Шмот, 19:6)[8]. [Эта цель достигается] посредством безоговорочного следования в повседневной жизни вечным ценностям дарованной Всевышним Торы и ее заповедям, к которым добавляется особая составляющая: присущая Любавичскому движению любовь к ближним и самоотверженность.

יְבוּעָא נְאֻמֵי הַשְּׁמַיִם, עָשָׂה אֱלֹהִים לְעַמּוֹת אֲרֻמֵי אֱלֹהֵינוּ, עָשָׂה אֱלֹהִים לְעַמּוֹת אֲרֻמֵי אֱלֹהֵינוּ

- [1] Согласно мидрашу, среди поручителей, отвергнутых Всевышним, были праотцы и пророки.
- [2] Письмо активисткам женской благотворительной организации Zambiner Gemilas Chesed Ladies Auxiliary, от 1943 года.
- [3] Ребе сравнивает Гитлера с Аманом.
- [4] 5738 (1978) год был объявлен Ребе Годом образования.
- [5] Парафраза талмудического высказывания: «Слова того, в ком есть страх перед небесами, будут услышаны и приняты» (Брахот, 6б). См. также Мишлей, 27:19: «Как в воде лицо – к лицу, так сердце человека – к человеку».
- [6] Мироздание состоит из четырех миров; низший из них – наш материальный мир Асия, то есть «мир действия».
- [7] Выделено в письме. Письмо обращено к Национальному комитету по развитию еврейского образования (National Committee for Furtherance of Jewish Education), который был создан в 1940 году по инициативе шестого Любавичского Ребе Йосефа-Ицхака Шнеерсона. Основной целью фонда было обеспечение еврейским детям полноценного образования в рамках действовавшей тогда программы «Освобождение от занятий» («Release Time Program»).
- [8] Эти слова были произнесены Всевышним накануне дарования Торы.

КАЖДЫЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЛИДЕРОМ

Берл Лазар

В январе мы отметили важную дату в истории современного еврейства – 60 лет с того момента, когда рабби Менахем-Мендл Шнейерсон возглавил Любавичское движение и стал лидером поколения. Значение этого события трудно переоценить любому, кто знаком с современной историей еврейства. Ребе сыграл выдающуюся роль в деле восстановления еврейства в мире после трагедии Холокоста и роль вообще ни с чем не сравнимую в возрождении еврейства стран СНГ и Восточной Европы. В каждой из этих стран, где евреи были лишены своего языка, своей культуры, своей традиции, где синагоги были закрыты, а за обучение детей Торе полагалась тюрьма или ссылка, Ребе поддерживал связь с еврейскими активистами, помогал всем, чем только можно. А стоило появиться первым признакам ослабления безбожных режимов, Ребе направлял в эти страны своих посланников для возрождения еврейства. Теперь плоды деятельности Ребе мы видим в десятках и сотнях процветающих религиозных общин. Не случайно евреи назвали его «лидером поколения». Так называют его и сегодня, хотя Ребе покинул этот мир 16 лет назад.

Конечно, может возникнуть вопрос: как человек, закончивший свой земной путь уже достаточно давно, может оставаться лидером поколения, живущего сейчас? Но в том и состоит уникальный лидерский потенциал Ребе, что его дело продолжает жить и без его физического присутствия.

Я больше десяти лет находился в непосредственной близости от Ребе, он был моим учителем. Мне посчастливилось воочию наблюдать, как проявлялись в нем лидерские качества – энциклопедический ум, потрясающая энергия и работоспособность, умение полностью сосредоточиться на достижении поставленной цели. Но что изумляло в нем еще больше – не только меня, но всех, кому доводилось с ним общаться, – это необычное отношение к самому лидерству. Обычно человек становится лидером потому, что он хочет реализовать свое «эго», личный потенциал. У такого человека – политика, философа, ученого – есть задача, и он мобилизует других людей идти за ним ради реализации этой задачи: здесь есть ведущий и есть ведомые. Ребе – лидер особого рода, его подход принципиально иной: он хотел, чтобы каждый человек стал лидером.

Это видно было уже с первых дней, как он возглавил Хабад. После того как его тесть, шестой Любавичский Ребе, покинул этот мир, на протяжении целого года наш Ребе отказывался принять на себя функции лидера. Даже когда он фактически руководил движением Хабад, он не уставал повторять, что лидером поколения остается его покойный тесть. И в дальнейшем, с кем бы Ребе ни общался, он старался не вызывать у собеседника почтительного отношения к себе как к лидеру, а дать стимул лидерским качествам в самом этом человеке. Прежде хасиды собирались вокруг цадика, образовывая своего рода «двор». Ребе установил иной порядок: хасиды должны не собираться вокруг лидера, а разъезжаться по миру, чтобы каждый мог реализоваться как лидер. Необязательно становиться лидером общины, можно быть лидером в семье, в рабочем коллективе, в любой группе людей. Но развивать в себе лидерские качества – обязательно, потому что лидерство – это ответственность. А миссия человека, учил Ребе, в том и состоит, чтобы нести ответственность за то, чего от нас хочет Б-г.

В центре учения Ребе стоит представление о том, что внутри каждого предмета, каждого существа заложен позитивный потенциал, «душа предмета» – следствие того, что данный предмет и данное существо сотворено Б-гом. Есть «душа» внутри вещей, которыми мы пользуемся, есть «душа» внутри науки и техники: все это может и должно быть использовано во благо! Более того, даже испытания, которые время от времени посылает нам Б-г, имеют свою позитивную сторону, свой потенциал, реализовав который человек становится более сильным, мудрым, праведным.

Но если Б-г дал «душу» каждой вещи и эта душа зовет к добру – насколько же сильнее душа, дарованная человеку, насколько выше ее благой потенциал! Человеческая душа есть частица Б-га, поэтому она изначально добра, светла, ориентирована на праведные поступки. И поэтому в действительности она бесконечно сильна и делает самого человека бесконечно сильным. Проблема только в том, что эта частица Создателя спустилась в физический мир, которому по определению присущи многочисленные

несовершенства, и ей может казаться, что она не в силах решать эти проблемы и преодолевать несовершенства. Соответственно, главная задача состоит в том, чтобы показать собственной душе и душам окружающих людей их подлинную силу, их безусловную способность сотворить все возможное добро. Тогда полностью раскроется потенциал человека, он сделает все, на что способен, чего хочет от него Б-г.

Однажды родители привели к Ребе своего сына, который не хотел учиться и вообще плохо себя вел. «Что ты больше всего любишь?» – спросил его Ребе. «Футбол смотреть», – ответил мальчик. «А ты уважаешь хороших футболистов?» – «Конечно, уважаю!» – «Хочешь быть на них похожим?» – «Еще бы!» – «А в чем разница между тобой и ими?» Тут мальчик задумался и не нашел что ответить. А Ребе объяснил: когда идет игра и твоя команда явно проигрывает, ты, болельщик, можешь махнуть рукой и уйти со стадиона. А футболист на поле, даже проигрывая, будет бороться до конца и делать даже невозможное! Так и в жизни: часто тебе трудно, часто ты не видишь результата, но Б-г все видит и знает, и Он хочет, чтобы каждый из нас делал максимум того, на что способен. Те спортсмены, которых ты уважаешь, – они это делают. Давай-ка и ты делай...

На самом деле было очень много таких мальчиков – и еще больше взрослых людей, – которые в какой-то момент своей жизни приходили к Ребе, и эта встреча круто меняла их жизнь. Общаясь с Ребе, люди невольно начинали ощущать, что он проникает глубоко в их душу, чувствует, что у них внутри, понимает их заботы и видит, как они могут подняться на более высокий уровень. Ребе объяснял это каждому своему собеседнику, давал ему целый набор инструментов, с помощью которых именно этот человек способен полностью раскрыть то положительное, что Б-г вложил в его душу. «Займись праведным делом, и ты увидишь, что это твое, – говорил он. – Выполняя заповеди, ты все глубже будешь чувствовать их красоту, постепенно из испытания это превратится в удовольствие, и так ты сможешь делать все больше – для Б-га, для людей и для себя!»

Νῆα ἀοῖο Ἀνέγεῖ Ἰ ἀο δεεῖ Ἰ τεί εὐαί ἀποδα-ἀποῖν ἢ Ἐπάαε-ἡεῖ Δία

Хотел бы особо отметить то, что Ребе не ограничивался заботой только о своих единоверцах и соплеменниках. И это неудивительно: подлинный лидер поколения не может не понимать, что каждому человеку, вне зависимости от его происхождения, надо помочь раскрыть его потенциал. А для этого необходимо способствовать улучшению условий жизни всех, кому в данный момент трудно.

Хорошо известна, к примеру, роль Ребе в решении проблем китайской общины Нью-Йорка. Однажды к нему за помощью обратился один из лидеров демократической партии Дэниэл Мойнихен. Ребе сделал то, что от него ожидали, но в качестве компенсации попросил выполнить одну просьбу. В Нью-Йорке, сказал он, есть чайна-таун, китайский квартал. Там люди до сих пор не могут интегрироваться в существующие социальные структуры и чувствуют себя ущемленными. Вы сенатор от Нью-Йорка, помогите им!

Мойнихен удивился: он-то был уверен, что Ребе попросит его за нью-йоркских евреев. У евреев нет сейчас таких острых проблем, объяснил Ребе, а жителям чайна-тауна хуже всех – они оказались в своего рода гетто, а кому, как не евреям, знать, как это мешает человеку раскрыться...

Именно благодаря этому гуманистическому подходу Ребе пользовался огромным авторитетом, далеко выходящим за пределы еврейской общины. Встречи с ним искали виднейшие политические и

общественные деятели свободного мира. И, встретившись один раз, всю жизнь несли уважение к нему. А это, в свою очередь, помогало Ребе мобилизовать общественное мнение, когда возникала необходимость помочь евреям, подвергавшимся гонениям в том или ином регионе мира.

По собственному опыту и по опыту десятков и сотен людей, которые, как я, общались с Ребе, могу сказать: каждая встреча с ним оставляла неизгладимый след в душе. Прежде всего потому, что Ребе подавал пример полной самоотдачи. Ведь, чтобы раскрывать души других, он в первую очередь раскрыл собственную душу, полностью реализовал собственный потенциал. При этом Ребе как никто умел найти доброе в каждом человеке – и было только естественно, что его собеседники отвечали добром, делали добро своей задачей на годы вперед. Именно поэтому, хотя вот уже 16 лет, как Ребе не присутствует в этом мире телесно, его лидерство сохраняется. И после его ухода люди чувствуют прикосновение его души. До сих пор его ученики, ученики учеников и их ученики направляются в разные страны и делают одно дело – решают задачу возрождения еврейства, которую поставил Ребе.

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ЕВРЕЕМ?

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СПОРЫ XIX ВЕКА

Евгений Левин

Вплоть до начала позапрошлого столетия ответ на вопрос о том, что значит быть евреем, был вполне очевиден, по крайней мере в Восточной и Центральной Европе. Во-первых, евреи исповедовали религию, отличную от верований своих соседей. Во-вторых, они заметно отличались от окружающих, поскольку носили специфическую одежду, говорили между собой на еврейском языке (идише), им давали ярко выраженные еврейские имена... И в-третьих, во всех странах существовало особое еврейское законодательство, определявшее права и обязанности подданных иудейского вероисповедания и четко отделявшее евреев от прочих жителей государства.

Азриэль Гильдесгеймер (1820–1899), глава «неоортодоксальной» еврейской общины Германии

В XIX веке, с началом эпохи эмансипации, особое еврейское законодательство, отделявшее евреев от неевреев, в Центральной и Западной Европе было либо полностью отменено, либо существенно реформировано. У евреев появились новые перспективы, связанные с участием в политической, экономической, общественной и культурной жизни стран проживания. И, соответственно, возник вопрос – какие элементы еврейской «идентичности» принципиальны, а какие – менее важны?

Ответы на этот вопрос были самые разные. В том числе и внутри религиозно-идеологического лагеря, получившего впоследствии название ортодоксии.

Одними из первых ответ на этот вопрос дали немецкие реформисты. Идеологию нового течения впервые сформулировал писатель Шауль Ашер (1767–1822) в своей книге «Левиафан, или О религии в отношении к еврейству», увидевшей свет в 1792 году. По мнению Ашера, еврейство – это прежде всего религия. При этом религию Ашер, в соответствии с христианской традицией, как и подобает европейски образованному последовательному реформисту, понимал как набор определенных догматов (которых он насчитал в иудаизме тринадцать, по аналогии с тринадцатью принципами веры Рамбама). Правда, как писал Ашер, эти принципы были даны евреям в виде свода религиозных предписаний. Однако исполнение заповедей, по его мнению, не имело самостоятельного значения, но лишь должно было напоминать об основных принципах еврейской веры.

Этот подход позволил реформистам легко отказаться сначала от обычаев, а затем и от многих практических заповедей. Кроме того, поскольку иудаизм был для них только верой, они быстро отказались от «национальных элементов» еврейской идентичности: еврейских языков (во многих реформистских синагогах – даже во время богослужения), традиционной еврейской одежды, еврейских имен. Более того, уже в 1819 году гамбургская синагога выпустила молитвенник, откуда были изъяты все упоминания о национально-религиозных ценностях еврейского народа: грядущем пришествии Мессии, возвращении в

Сион и т. д. Реформисты искренне стремились быть «немцами (французами, итальянцами, англичанами...) Моисеева вероисповедания», а потому даже в молитве не хотели лишний раз вспоминать о том, что у евреев есть своя страна и своя национальная история.

Идейным вдохновителем реформизма нередко ошибочно называют философа Мозеса (Моше) Мендельсона (1729–1786), хотя его подход был прямо противоположен реформистскому. Правда, Мендельсон также считал еврейство прежде всего религией, однако полагал, что основной элемент этой религии – не «догматы» (еврейские принципы веры философ считал тождественными принципам «рациональной религии»), но уникальный свод законов, полученный Моше на горе Синай. Соответственно, заключал Мендельсон, чтобы быть «настоящим евреем», недостаточно разделять определенные принципы, но нужно, в первую очередь, соблюдать практические предписания Торы.

Вместе с тем Мендельсон был последовательным сторонником «просвещения» восточноевропейского еврейства, которое он понимал как приобщение к европейской (прежде всего немецкой) культуре. С этой целью он, в частности, перевел Тору на немецкий язык, а также написал комментарии к нескольким библейским книгам. Хотя в своих комментариях Мендельсон в основном следовал традиции, однако его перевод служил иным целям: во-первых, он должен был способствовать развитию у евреев эстетического вкуса, а во-вторых, помочь им в изучении литературного немецкого языка, который Мендельсон безусловно предпочитал идишу.

Дети самого Мендельсона отошли от еврейства и крестились. Однако в середине XIX века многие из его идей, не всегда с упоминанием его имени, были воплощены в жизнь новым религиозным течением, получившим впоследствии название «неоортодоксии». Наиболее заметными представителями этого течения стали франкфуртский раввин Шимшон-Рафаэль Гирш и раввин Азриэль Гильдесгеймер, возглавивший в 1869 году берлинскую ортодоксальную общину «Адат Исраэль».

В отличие от реформистов, неоортодоксы скрупулезно соблюдали требования Алахи, трижды в день молились о возвращении в Сион и не отрицали, что евреи – это народ, а не только религиозная община. Более того, в 70-х годах XIX века Гирш и его сторонники официально порвали с реформистами, создав во Франкфурте независимую ортодоксальную общину. И тем не менее на практике между этими общинами оказалось немало общего. Поскольку и те и другие считали иудаизм прежде всего религией (хотя и по-разному понимали, в чем суть этой религии), они с одинаковой легкостью отказались от «национальных» еврейских элементов: языка, одежды и т. д. Рав Гирш, рав Гильдесгеймер и их последователи носили партикулярное европейское платье (многие из их учеников даже покрывали голову только во время молитвы), говорили лишь на литературном немецком языке. Рав Гирш издавал журнал на немецком языке под еврейским названием «Йешурун», в котором нередко был единственным автором; рав Гильдесгеймер пел за субботним столом наряду с традиционными «змирес» немецкие песни, из которых больше всего любил «Двух гренадеров» на стихи Генриха Гейне.

В полной мере этот подход проявился в учебных заведениях, созданных идеологами неоортодоксии: франкфуртской Realschule и Берлинской раввинской семинарии. Школа Гирша воспитывала благочестивых «мирян», которым вместе с тем предстояло быть полноценными членами немецкого буржуазного общества; семинария выпускала раввинов, которые при этом становились европейскими интеллектуалами (студенты семинарии параллельно слушали курсы в Берлинском университете, причем особым шиком считалось защитить докторскую диссертацию одновременно с получением смихи).

Более того, многие нововведения ранних реформистов, не противоречащие букве закона, были впоследствии заимствованы неоортодоксами, которые, к примеру, стали регулярно проповедовать на государственном языке (до этого раввины обращались к пастве дважды в год, накануне Песаха и Йом Кипура, и только на идише), а также, насколько возможно, приблизили синагогальное богослужение к европейским представлениям о красоте и порядке. Некоторые раввины-неоортодоксы даже согласились проводить свадебный обряд – хупу в помещении синагоги, а не под открытым небом, против чего их предшественники возражали, справедливо видя в этом подражание христианским обычаям.

Таким образом, несмотря на верность заповедям Торы, еврейство неоортодоксии оказалось, в известной мере, компромиссным. Поэтому неудивительно, что наиболее консервативные элементы отвергли не только реформизм, но и путь рава Гирша и рава Гильдесгеймера.

Бастионом «еврейского сопротивления» стала Восточная Австро-Венгрия, а ее своеобразным манифестом – постановление (псак дин) нескольких десятков раввинов, собравшихся в 1865 году в словацком городе Михаловце. Это постановление отвергло любые изменения традиционного еврейского

уклада, включая проповеди на европейских языках. Раввины объявили синагоги, где проповедовали по-немецки или по-венгерски, языческим капищем, куда правоверному еврею нельзя заходить!

Важно отметить, что за этим радикальным выступлением стояло не только решительное неприятие всего нового, но и оригинальная концепция еврейства, разработанная венгерскими раввинами Гилелем Лихтенштейном и Акивой-Йосефом Шлезингером. По их мнению, для того, чтобы быть настоящим евреем, недостаточно скрупулезно исполнять все заповеди Торы и все религиозные обычаи: настоящий еврей должен носить специфическое еврейское имя (шем), говорить на еврейском языке (лашон) и одеваться в традиционную еврейскую одежду (мальбуш). Первые буквы этих слов образуют слово «шалам» («полный, целостный») – поскольку, как считали Лихтенштейн и Шлезингер, только в этом случае можно говорить о полноценной еврейской жизни. Иными словами, они отвергали европейское просвещение не только из религиозных, но и из национальных соображений как несовместимое с аутентичным еврейством и ведущее к исчезновению народа.

*יְדִיבְרִי אֶת הַלְשׁוֹן הַיְהוּדִי עִבְרִית אֲשֶׁר אֵינִי – יִבְרָא הוּא אֲשֶׁר יִבְרָא אֶת הַלְשׁוֹן הַיְהוּדִי
אֲשֶׁר אֵינִי
1854 א"א*

Под еврейским языком раввины в данном случае имели в виду идиш, который в равной степени презирали и реформисты, и неоортодоксы, считавшие его искаженным немецким. Не споря с этим утверждением, Лихтенштейн и Шлезингер, однако, увидели именно в этом основное достоинство «жаргона»: по их мнению, в древности евреи сознательно «исковеркали» немецкий язык, чтобы не говорить на том же языке, что и окружающие народы[1].

Пытливый читатель мог бы заметить, что помимо языка, одежды и ономастики для полноценной национальной жизни крайне желателен еще один компонент – территория компактного проживания. Поэтому неудивительно, что рав Шлезингер активно убеждал ортодоксов переселяться в Святую землю, а в 1870 году и сам отправился в Палестину, где впоследствии стал одним из основателей поселения Петах-Тиква. При этом, в отличие от будущих религиозных сионистов, раву Шлезингеру были чужды какие-либо мессианские настроения. Бедная, далекая от Европы Палестина казалась ему идеальным убежищем, где евреи, свободные от «тлетворного влияния Запада», могли бы вести аутентичную национальную жизнь по законам Торы.

Безусловно, позицию непримиримых венгерских радикалов можно критиковать с разных точек зрения, в том числе и еврейского законодательства. Однако нельзя не признать, что в XIX веке именно им удалось создать наиболее полную и всеобъемлющую концепцию национально-религиозной еврейской идентичности, сохраняющую свою актуальность по сей день.

[1] Идея о том, что можно сознательно исковеркать язык и в таком виде сделать его коммуникативным средством для большого количества людей, конечно, наивна. Считать идиш испорченным немецким нельзя также потому, что немецкий язык как языковое единство окончательно сложился только в XIX веке. Более того, на уровне литературной, прежде всего грамматической, нормы

идиш начал унифицироваться, то есть превращаться из суммы диалектов в язык, существенно раньше немецкого. – Прим. ред.

ЧЕМУ СЛЕДУЕТ УЧИТЬ ЕВРЕЙСКИХ ДЕВОЧЕК

И адеи а Еадитая

И ада-еиёу чатитаяе, аичеаеаитая а ааау, Даи ааи иеае: «11-у чатитаяу – итаеаеа ер-адуи Оиду е тав-адуи ае аааеа. Е та юли Аа да-аеа «Е итадиёе ео [иетая Оиду] итеи иитаяи...» (Аадеи, 6:7). Е юли итаеаеа итадиаи а Оиду итеиёеи да: «Неоае, Ераеёу оноааи е чаеиу, еиодиа В итеиисо иадна ааи е итаиу, е ер-аеоа ео...» (Аадеи, 5:1); «Итаде иадна.. +Олау неоаее ие е +Олау о-еёеи..» (Аадеи, 31:12) е ад Е аи и итаеи аиноао Оаеи оаа ита-адеи ооу итааа ча-аеа юте чатитаяе, +Олау ииноааооу ерае е аа иитейае» («Еиеа чатитаяе», «Итаеааиетая чатитаяе», 11).

А неоа Оиду, а еиодиёе итеааоу Даи ааи, неааи, +Ои тав-адуи Оиду неааао «иитаяе», Ои аиноу аеи-еёиа +Олау еиетейоу юо чатитаяу аае иауаи еаи тав-адуи итаа итаа Оиду иаи, еаи таеёе Оиа, еоу ааао юл аааоу аи аноу иаа. Ииёоуи, ии-аи о аодиёе иооу итаеаеиу и итаеи итаи-оёоаеуи – аау аеаеи та о аино аиноу итаааеи та аау у, неу е чаеу. Ииёоуи о аеа а аиде-иуа аау аа аичеёеа неааи а «иитаяа итааааеу», аеаааау еиодиёе еаеаиёе ааеиёе и аеи-еёе и итаиёе-ооу оиоу аи ааеиу та чаеу.

Однако в том, что касается обучения Торе женщин, все обстояло несколько иначе. Согласно Талмуду, женщина, в отличие от мужчины, не обязана ни изучать Тору, ни обучать ей своих детей: «Отец обязан учить сыновей Торе... Откуда мы знаем, что мать не обязана делать это? Поскольку лишь тот, кто сам обязан учить Тору, обязан обучать Торе. А откуда мы знаем, что она не обязана учить Тору? Поскольку учить Тору обязан лишь тот, кого обязаны учить Торе другие. А откуда мы знаем, что другие не обязаны учить ее Торе? Ибо сказано: “И учите им ваших сыновей...” (Дварим, 11:19) – сыновей, но не дочерей» (Вавилонский Талмуд, Кидушин, 29б).

Говоря о заповеди, предписывающей обучать детей Торе, мудрецы постановили, что, поскольку в Торе сказано: «И учите им ваших сыновей», то эта заповедь распространяется только на сыновей, но не на дочерей («Книга заповедей», «Повелевающие заповеди», 11; Рамбам, Мишне Тора, разд. «Законы изучения Торы», 1:1). Более того, по мнению некоторых мудрецов, женщина не просто «не обязана», но и не должна учить Тору. А тот, кто все-таки учит свою дочь, совершает едва ли не преступление.

Наиболее последовательно эту линию отстаивал рав Элиэзер бен Гирканос, знаменитый мудрец конца I века н. э. По его мнению, способностей женщины совершенно недостаточно для изучения Торы, поскольку «мудрость женщины – не дальше веретена». Соответственно, если учить ее Торе, она в лучшем случае не поймет, о чем идет речь, в худшем же – использует полученные знания, чтобы безнаказанно грешить. А потому – «лучше сжечь слова Торы, чем сообщить их женщине» (Мишне Тора, разд. «Законы изучения Торы», 1:1, 16, 17). Мнение рава Элиэзера в Талмуде – не единственное. К примеру, его коллега Бен-Азай утверждал прямо противоположное – что человек обязан обучать свою дочь Торе. Однако в Средние века Рамбам постановил, что закон в данном случае больше соответствует позиции рава Элиэзера: «Женщины и рабы освобождены от изучения Торы <...> Мудрецы дали указание мужчинам не обучать Торе своих дочерей, так как большинство женщин не имеют намерения серьезно учиться и превращают изучение Торы в пустословие по недомыслию своему. Сказали мудрецы: “Каждый, кто обучает свою дочь Торе, как будто обучает ее распутству”» (Мишне Тора, разд. «Законы изучения Торы», 1:1, 16, 17).

Впрочем, позиция Рамбама оказалась все-таки значительно мягче, нежели у рава Элиэзера. Во-первых, он не только не запретил женщинам изучать Тору, но даже специально отметил, что «если женщина учит Тору, ей полагается за это награда – хотя и не такая, как мужчине, – так как для нее это не обязанность; а каждый, кто делает нечто, что он делать не обязан, не может сравниться в заслуге с тем, кто выполняет возложенную на него обязанность». А во-вторых, приводя слова рава Элиэзера об обучении дочерей, Рамбам специально подчеркнул, что они относятся только к Устной Торе, понимание которой требует от человека очень больших интеллектуальных усилий. Однако «если речь идет о Письменной Торе – хотя это не делают специально, но если обучил, не считается, что обучил распутству» (Мишне Тора, разд. «Законы изучения Торы», 1:1, 16, 17).

Однако даже в столь мягком варианте это постановление Рамбама вызвало у многих серьезное недоумение, ибо еврейская традиция знала женщин, которые не просто хорошо изучили и Письменную, и Устную Тору, но даже давали «алахические консультации» прославленным мудрецам. Наиболее известна среди них Брурья, дочь рава Ханины бен Традиона и жена рава Меира. В Талмуде есть несколько историй о том, как эта женщина участвовала в спорах мудрецов и даже убеждала их в том, что Алаха соответствует именно ее мнению (см. Брахот, 10а)[1].

Разрешить это недоумение взялся рав Йеошуа Фальк, живший в Лемберге (Львове) в конце XVI – начале XVII века. По его словам, Рамбам, говоря о том, что у женщин недостает рассудительности для изучения Торы, имел в виду не всех, а большинство представительниц прекрасного пола. Поэтому женщина, начавшая учиться самостоятельно и добившаяся в этом очевидных успехов, несомненно, принадлежит к «просвещенному меньшинству». И в этом случае отец может учить ее так же, как учил бы своего сына (Приша Йоре деа, 246:6). Рав Хаим-Йосеф-Давид Азулай (Хида) согласился с выводом рава Фалька и разрешил отцу обучать дочь Торе в том случае, если он видит ее способности и желание учиться.

В еврейской истории таких женщин было немало. К примеру, знаменитый путешественник рав Птахья из Регенсбурга писал, что у главы багдадской ешивы была только одна дочь, которую он обучил и Писанию, и Талмуду. Эта девушка даже обучала Талмуду студентов ешивы, правда оставаясь при этом в соседнем помещении. Поэтому студенты не могли ее видеть, но лишь слышали ее голос[2]. Аналогичную историю рассказывал знаменитый польский раввин рав Шломо Лурия (Мааршаль, 1510–1573). По его словам, его мать, ребецн Мирьям, не только прекрасно знала Тору, но и много лет преподавала в ешиве, где, сидя за ширмой, объясняла Алаха самым способным ученикам.

*Наддә Оі еддд, ітт іаао аеіі еоа іааіе ддееіі іе оеіеі аеу ааіі: ае «Ааеò Ваеіа». 1920-а аіаі.
Еддддд*

Однако подобные примеры были лишь исключением, подтверждающим правило, – подавляющее большинство еврейских женщин не получали серьезного образования. В большей части общин не было даже начальных школ для девочек. Поэтому девочки учились дома, их обучали только чтению и практическим законам, которые они должны соблюдать. Причем кое-кто из раввинов не забывал напоминать, что даже это им не следует учить излишне глубоко и систематически (см., например, Сефер хасидим, 313; Маариль, респонс, 109).

До эмансипации, ассимиляции, реформизма и прочих «измов» соблюдение заповедей было для евреев самоочевидным. Поэтому для того, чтобы быть религиозным, не требовалось никакого специального образования – достаточно было просто вести себя так же, как родители, родственники и все окружающие. Однако с распадом традиционной общины ситуация радикально изменилась – соблюдение заповедей отныне стало вопросом индивидуального выбора. Причем этот выбор каждый еврей должен был делать самостоятельно и в условиях, максимально благоприятствующих избавлению от «ига царства Небесного». В этой ситуации недостаточно было просто знать, как отделять халу и какой перерыв следует делать между мясным и молочным, – необходимо, прежде всего, осознать, ради чего нужно придерживаться всех этих правил. И для ответа на этот вопрос сплошь и рядом оказывалось недостаточно знаний, полученных на материнской кухне. Кроме того, страны Запада одна за другой вводили обязательное всеобщее образование, как для мальчиков, так и для девочек. Из-за отсутствия еврейских религиозных школ даже самые благочестивые родители вынуждены были отдавать своих дочерей в государственные гимназии, где их, естественно, учили чему угодно, кроме Торы и еврейских ценностей.

В новых условиях традиционная система домашнего образования уже не могла защитить еврейских женщин от ассимиляции. Возникла насущная необходимость давать женщинам систематическое еврейское образование, которое не только объясняло бы им, как исполнять ту или иную заповедь, но и, прежде всего, позволяло бы найти для себя ответ на вопрос, почему следует жить по законам Торы. Такое образование могла дать только настоящая ортодоксальная школа.

Первые подобные школы появились в Германии в XIX веке. Однако подлинный переворот в этой области обычно связывают с именем Сары Шнирер, создавшей после первой мировой войны первую систему ортодоксальных школ для девочек «Бейт Яаков».

Понимая, что столь радикальное нововведение немислимо осуществить без благословения ведущих алахических авторитетов, Шнирер обратилась за поддержкой к нескольким известным раввинам и хасидским лидерам. К этому моменту они также осознали, что в изменившейся ситуации старые методы уже не работают, а потому всецело поддержали инициативу Шнирер.

Объясняя свое решение, знаменитый Хафец Хаим писал: «Когда я услышал, что верующие евреи хотят создать школу “Бейт Яаков”, в которой девочек будут учить Торе, морали и Б-гобязности, я решил поддержать их усилия. Ибо это очень важное дело, особенно в наши дни, когда множатся отступники и вольнодумцы похищают души наших братьев, боящихся Б-га. И удостоится награды тот, кто запишет своих дочерей в эту школу. И все сомнения относительно запрета учить дочерей Торе безосновательны в наши дни, ибо наше поколение отличается от предыдущих поколений, когда в каждом еврейском доме следовали пути Торы и читали “Цеена у-реена”[3]. Сегодня все иначе. И поэтому мы должны увеличить число таких школ, чтобы спасти всех, кого можно спасти»[4].

Подобным образом высказался рав Хаим-Озер Гродзенский, ведущий алахический авторитет Литвы: «В прошлых поколениях все евреи были верующими, и каждый дом был “малым Святилищем”; когда еврейские девушки вырастали под надзором Б-гобязных родителей, не было необходимости в школах. Сегодня, когда воздух полон духом отступничества и вера ослабла, “Бейт Яаков” является жизненно необходимым не только для воспитания наших дочерей, но и для воспитания всех будущих поколений, судьба которых находится в руках их матерей»[5].

Первая школа системы «Бейт Яаков» открылась в Кракове в 1918 году. Помимо общеобразовательных предметов и практической Алахи, в школе изучали Тору с комментариями Раши и рава Шимшона-Рефаэля Гирша, отрывки из книг пророков и трактат Мишны Авот. За краковской школой последовали и другие. В 1930-х годах школы «Бейт Яаков» возникли по всей Восточной Европе (разумеется, кроме СССР), а также в Палестине. К 1935 году, когда Шнирер завершила свой земной путь, система «Бейт Яаков» включала уже 200 школ, в которых училось более 25 тыс. еврейских девочек. А к началу второй мировой войны число учениц удвоилось, достигнув 50 тыс.

Сегодня нет, пожалуй, ни одной ортодоксальной общины, где девочкам не давали бы полноценного еврейского образования. И для родителей, и для раввинов самоочевидно, что и девочки, и мальчики должны учиться в школах, дающих такое образование. Однако споры, связанные с данной проблемой, продолжают по сей день.

Как мы уже сказали, Рамбам, говоря об обучении женщин, специально отметил различие между Письменной и Устной Торой, разрешив учить женщин только Танаху. Соответственно, с появлением еврейских школ для девочек между раввинами и педагогами возник спор, актуален ли этот запрет и в наши дни и можно ли учить девочек Талмуду.

Большинство религиозных лидеров заняли в этом споре консервативную позицию, в соответствии с которой мнение Рамбама – закон и в наши дни. Поэтому в большинстве религиозных школ девочки не учат Талмуд. Этой политики придерживается большая часть государственно-религиозных школ Израиля, школы Хабада и других хасидских дворов. Однако, как водится, среди раввинов нашлись и «диссиденты».

Так, по мнению рава Залмана Сорочкина (Луцкер Ров), возглавлявшего в 1950-х годах систему независимого ортодоксального образования в Израиле, запрет, установленный Рамбамом, распространяется лишь на очень глубокое, казуистическое изучение Талмуда (пильпуль). В остальном же изучение Устной Торы разрешено почти в той же мере, что и Письменной. Особенно в наши дни, когда необходимо формировать у девочек глубокие религиозные убеждения, невозможные без серьезного изучения первоисточников.

Другой израильский раввин, рав Бен-Цион Фуерер, привел три довода в пользу обучения женщин Устной Торе. Во-первых, в еврейской истории уже были соответствующие прецеденты. Во-вторых, в наши дни женщины получают хорошее и разностороннее светское образование, которому необходимо противопоставить не менее качественное еврейское, а это невозможно без изучения всех первоисточников. И наконец, в-третьих, многие религиозные женщины выбирают в наши дни педагогическую карьеру. А для того, чтобы хорошо учить, пусть даже самых маленьких, нужны глубокие и систематические познания, невозможные без изучения Талмуда и алахических кодексов.

Наконец, рав Моше Малка, занимая пост главного раввина Петах-Тиквы, в принципе усомнился в основной предпосылке рава Элиэзера и Рамбама. По его мнению, современные женщины многократно доказали, что их умственные способности не слабее, чем у мужчин. Так что если бы рав Элиэзер жил в наши дни, он не сказал бы, что «ум женщин – не дальше веретена». А раз так, то и запрет обучать женщин Устной Торе утратил свою силу (Микве а-маим, т. 3; Йоре деа, 21).

Ó-áí èõù ääëäíçíé öéíëù ääëáíëý «Ááëò Bàëíá» á Èáðííäëè à 1990-á äíäü

Сегодня девочки могут учить Талмуд в школе религиозных кибуцев, а также в некоторых религиозно-сионистских учебных заведениях. Кроме того, в Израиле и диаспоре открылось несколько учебных заведений для взрослых, где женщины могут изучать Талмуд в «ешивном» стиле.

Спор о том, можно или нельзя современным женщинам изучать Талмуд, отчасти имеет социологическую подоплеку. Когда мудрецы говорили, что «изучение Торы равноценно всем заповедям», они, безусловно, имели в виду именно Устную Тору, а не только чтение Пятикнижия с комментариями Раши. Поэтому серьезное изучение Талмуда и иных первоисточников резко поднимает религиозный статус человека, а кроме того – делает его гораздо более самостоятельным в его религиозной жизни.

Соответственно, в более модернистских общинах изучение женщинами Талмуда не вызывает серьезных возражений. А в патриархальных кругах говорят, что не надо поощрять женщин в изучении Талмуда, поскольку это противоречит базовым еврейским ценностям и той традиционной роли в семье и обществе, к которой еврейская женщина должна стремиться. Поэтому вместо того, чтобы поощрять ее к учебе, мы должны лучше готовить ее к будущей роли в семье.

Как бы то ни было, история женского религиозного образования однозначно свидетельствует о том, что ортодоксальный иудаизм может с честью выдерживать испытание временем. Оказавшись в новых условиях, раввины нашли в рамках традиции успешное решение, отвечающее изменившимся реалиям. Причем это решение оказалось таким гибким, что устроило практически все общины, оставшиеся внутри традиционного лагеря.

[1] Талмуд упоминает и о других женщинах, разбиравшихся в Торе, например, Ялте, жене рава Нахмана (Хулин, 109б), или матери Абаи (Шабат, 133б).

[2] «Кругосветное странствие рабби Птахьи Регенбургского».

[3] «Цеена у-реена» (ивр.) – сборник комментариев и мидрашей, переведенных на идиш. Он считался специфическим благочестивым женским чтением.

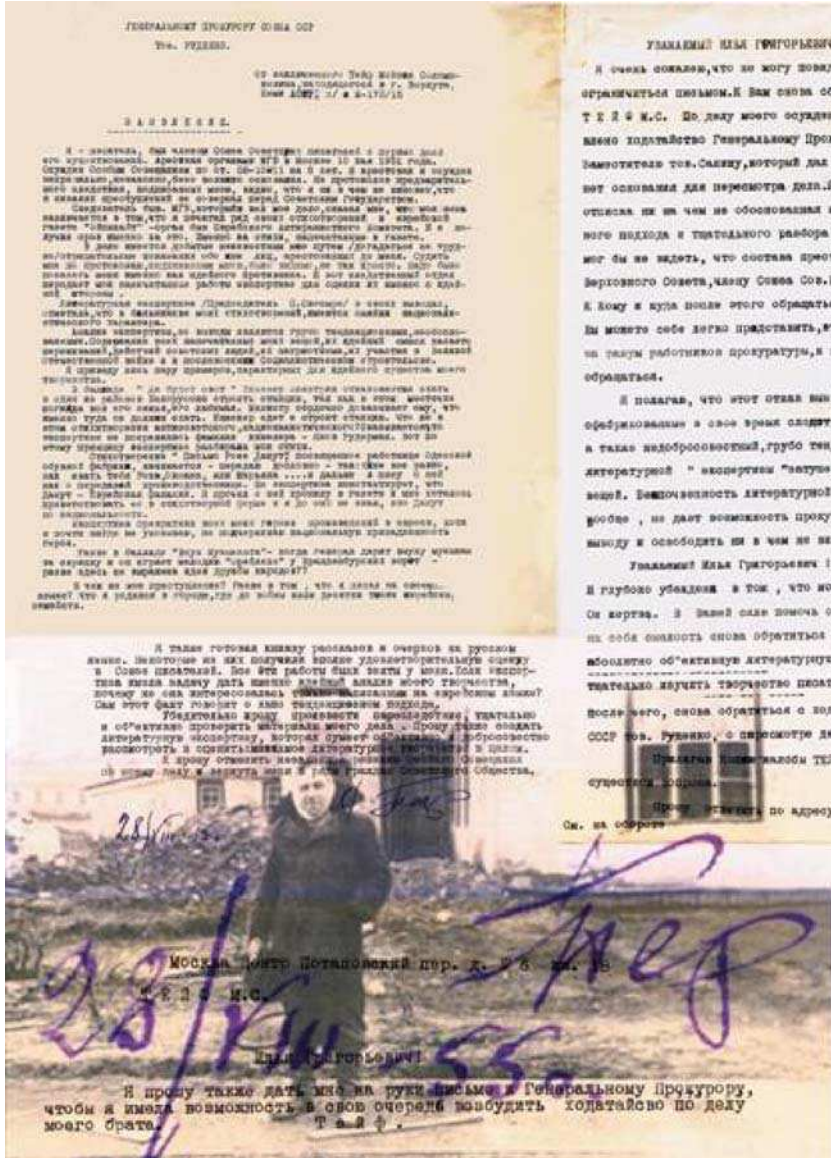
[4] Цит. по: Abraham Atkin. *The Beth Jacob Movement in Poland*. Ph. D. Dissertation. P. 65.

[5] Цит. по: Там же.

ЕВРЕЙСКОМУ ПЕЧАЛЬНИКУ ИЛЬЕ ЭРЕНБУРГУ – 120

Î î ñò ðàí è òàì è è ò à ð à ò ó ð í ù ó à ð ò è à î á

À î ð è ï Ò ð à ð è í ñ è è

Заголовок отсылает к строкам из стихотворного цикла (1967) Бориса Слуцкого на смерть Ильи Эренбурга:

Û ò è ò ð à ò ó ð í ù á î ò : à ð í ù à ï

ñ ò à ð ù á è ï î è ù á è è ò à,

÷ ò í ï ð è ò è è à à ð à è ñ ï ï ó í á : à è ù è è ù

ñ ï ð à ù à è è à ó ó è í à ò à ð í à è è à ó ó

÷ ò í ï ð è ò è è ï è ñ à ò à ð í ï ð ï ó à ï è è

çà óí èæáí í úõ è ìñéí ðæéí í úõ

Òæé íí, éææà à ñààí àõ, à í æéí àõ,

Àúèãðæ í ññéáí áí ñðæéí èá

I

Писатель Илья Григорьевич Эренбург родился 26 января (по новому стилю) 1891 года в Киеве, а жизнь (временами почти кочевую) прожил, главным образом, в Москве и Париже.

Его отец, держа в уме неизбежную в России ассимиляцию, не дал своим детям еврейского образования и отправил их учиться в московские гимназии. Тем не менее неместечковский еврейский мир вошел в Илью Эренбурга через киевских дедушек-бабушек и через нежно любимую им мать, дорожившую старыми еврейскими традициями. В его стихах, прозе и публицистике еврейская тема то громко, то приглушенно звучала во все времена, а в день своего 70-летия Эренбург без обиняков сказал по советскому радио о собственном еврействе: «Я русский писатель. А откуда на свете будет существовать хотя бы один антисемит, я буду с гордостью отвечать на вопрос о национальности – “еврей”»[\[1\]](#).

Еще в 1928 году Эренбург написал на еврейском материале сатирический роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца», действие которого происходит в СССР, Польше, Германии, Франции, Англии и даже Палестине, где Эренбург не бывал. Этот одновременно веселый и грустный роман в СССР был запрещен и стал последней сатирической прозой писателя. К 1963 году секретарь ЦК КПСС по идеологии Л. Ильичев в своей кремлевской речи[\[2\]](#) уязвил Эренбурга тем, что он-де «волен был в повести “Бурная жизнь Лазика Ройтшванца”, изданной в Берлине в 1928 году[\[3\]](#), предвзято рисовать советскую действительность того времени. <...> В повести изображаются страдания и мытарства бедного портного из Гомеля[\[4\]](#), советский строй представляется враждебным простому человеку, как государство, где процветают лишь мошенники, где задавлена всякая живая мысль, где “власти”, состоящие из лицемеров и проходимцев, душат честного человека <...> Повесть И. Эренбурга написана давно, но и до сих пор широко используется в антикоммунистической пропаганде. Но что-то мы не слышали, чтобы автор выразил к этому свое отношение. Дело, следовательно, не в том, что некие инстанции ограничивают свободу писателя, дело в том, как мыслит сам художник, что он любит и что отвергает. Выступает ли он перед лицом истории с “молитвой о России”[\[5\]](#), сомневается, мечется, охает и стонет или весь свой талант, все свои устремления и, если хотите, кровь и жизнь свою посвящает без остатка одному святому делу – великому делу переустройства человеческого общества на коммунистических началах»[\[6\]](#). Ильичев, разумеется, не знал, что дотянет до 1989-го, когда «Лазика» напечатают и на родине автора.

Начиная с Отечественной войны в СССР быстро набирал силу государственный антисемитизм (записные книжки Эренбурга уже с 1942 года пестрят записями на сей счет[\[7\]](#)). С другой стороны, как бы вопреки этому, политический авторитет Эренбурга – первого публициста антигитлеровской коалиции – становился общепризнанным. И все эти годы не только словом, но и многочисленными действиями и поступками (на пределе трезво осознаваемых им возможностей) писатель реально противодействовал опасным и постыдным проявлениям антисемитизма.

Об авторитете Эренбурга говорят тысячи адресованных ему писем фронтовиков и работников тыла – знакомых, а куда чаще вовсе незнакомых. Писали о боях и жизни, о погибших боевых друзьях, просили помощи и узнать о пропавших близких, искали защиты от местной власти, от наветов СМЕРШа. Писатель отвечал почти на все письма.

Поэт и партизан из Литвы Авром Суцкевер, писавший на идише, пришел к Эренбургу в Москве. Писатель знал о нем от Юлиана Тувима. Статья Эренбурга «Торжество человека» сделала Суцкевера известным во всей стране. Его послали свидетелем на Нюрнбергский процесс. Потом Суцкеверу удалось через Польшу добраться до Палестины. Чувство признательности и почтения к Эренбургу он хранил всю жизнь[\[8\]](#).

Вот другой фантастический пример начала 1942 года. В Куйбышеве перед отъездом Эренбурга в Москву его разыскал молодой гулаговский беженец, загремевший в лагерь в 1939-м после оккупации Красной Армией Восточной Польши. Он рассказал о встрече с Эренбургом: «Я любил его роман “Хулио Хуренито”. Я пришел к нему в лохмотьях, на ногах у меня у меня были калоши из автомобильных шин. Мы долго говорили. Узнав, что я из Польши, Эренбург посоветовал записаться в формировавшуюся польскую

Èëÿÿ Ýðáí áððá

1940-á ããü

Í èñü à Èëÿÿ Ýðáí áððáò îò ï èñüò àëÿ Ááí èèèà Ááí èí à [22]

1.

Áããüò 44 á

Áíðíá è Èëÿÿ Áðèá ðíááè-!

Ñðááè ìòáí ï èñü, èí òíðíá Áü ï ï èó-èòá á ÿòè áíè, - ï òñüò áããüò è ÿòí. Õáè òí-áðíÿ ï ï çáðáè òü Ááñ ï ò ãññ ìáðíüà ñ ï ìáí áíæáíí èáí Ìáðæá! Áü ñ-áñò èèèáí ìáí èó ìáðüí áí ï èéíá ï ï òí ò ÷ òí çáí èÿ ï á ï áí èí, à ï ï ï áí è óáí èèáí è áí áíáè òíÿ ðíáí ï è Ááí. Áí ò áíá ï áí ò áè ìáí áí ááí!

ß áñí ï èíáð ìáááíÿ òÿáñòí ï è òí òðüè, òæáá ÷áí çáðáí ï áí ï è Ëóéáü óáá ï ï çáí áè ï ìáí è Áí ããü. ×áðí ï èó- ï ìáí ááò ï ðíááè èáí. Õáí èó-óá ÿòí ñ-áñòüá áññòðááíííá - ñ ÷áí æá áñ ìááí èóñ!

Ï èóó Ááí ñ ï áí ï è ç çááéí èó òí-áè áíá ï áñí ï ï á òðíí òá - ñ Ñáí áñí èðñéíá ï èáóááðí à Áðáí èóá óæá ááèáéí ï ï çáè. Õ ï áè èó ìéááò è ï èóáðíá ðáçáæáíí áñíáðáæáí èá Ì èð èáæáðíÿ òáí áðü áññòóííüí, ï ðíóíáèí ï. Èíá-íüí. Èðáè ááðí òñÿ áñí ï è, ï òñüáÿ ìááÿ ï ï áèéííüí è áðáæáí áí è ï èðá. Áü ï ï ï ááòá èí á ÿòí ðáñèðáí èè áí óððáí ï èó áðáí èó áññ ðéÿ ò èÿ ï èðá. Ìí ÿ ï á òí-ó ï èññòü áèéííí, ï ï òí ò ÷ òí, ï ï æáð áñ òü. Áü ìááñí ï á ï ï ï èòá ï áíÿ (òí òÿ ÿ ï áÿ çáí Ááí ï ï-ðè ìááñí èáí ï ï ìéá ï èóÿáðíñéíá èðáæáí èÿ Áí ããü). Õÿáñòí ï è ï ï èí ðáè ò áèñíí ï ï òñüáòü ìááÿ ï ááÿç-èáñí.

Ìí áíá ðáç, áíá ðáç òí-áðíÿ ï ðèñááéí èòü ìáñ ðáññòü è Ááóáí ó ñ-áñòüð è òíðæáñòáí. Õ ï ï áè òíñè ï áò èííá ï ðèñááéí èá ÷áí Ì ï ï èáá. Ìí á ááèáá. Ìí ÿòí òí ðí òí, ÷ òí ááèáá: Áü, á ìáí ï ï ááèá ï ðááí - ÷áí ááèñóá, òáí áèèæá è áññ òí èéíí ò ï ï ðááèáííí ò.

Õ Ááñ çááèáíáÿ è ñ-áñò èèèáÿ ìááñá - Ááñ èðáèò òðííò. Áü èáæáíí ó áááòá ï ï-áññòáí ááòü, ÷ òí ï ï áí èññóá ìááé áéíáðáòèè. È áñèè áñ ó èáæáííá èç ï ï èó áðçáé ï ï áðò èèèáðèéñéííí ó ìááèí áí èð áñí áðáèá Ñáí ï èí áñ è òáéíè æá ï ï áñá, èáè ó ï áíÿ - ï áçáí áðí ï è ï ï áñá èç ï ðíóéííá - ï áí èññòü Ááí, ï ï è çáñííáèè áñ Ááñ ìáí èí è áñáðñí è ï èññü áí è.

Преданный Вам Д. Данин.
Полевая почта 307 43 – «б»

Не обмолвившись об участии в деле Ильи Эренбурга, Должанская информирует о том, что в ноябре 1955 года сестра поэта обратилась к другому писателю – депутату Л. Леонову, не замеченному в ходатайствах по еврейским делам, и что Тейфа реабилитировали.

Письмо Ильи Эренбурга участникам вечера памяти Переца Маркиша (25 ноября 1960 года)^[28]

23 января 1949 года в ЦДЛ на прощании с поэтом Михаилом Голодным^[29], убитым правительственным автомобилем, Эренбург последний раз виделся с Маркишем – всюду шли аресты членов ликвидированного ЕАК. Эренбург вспоминал: «Маркиш горестно жжал мне руку; мы долго глядели друг на друга, гадая, кто вытянет жребий»^[30]. Зарубежные коллеги могли потом обвинять Эренбурга только в том, что, находясь в 1949 году в Париже или в 1950-м в Лондоне, он ничего не сказал им об аресте еврейских писателей. Конечно, он догадывался об арестах, но власть эти факты засекретила, и разглашение грозило гибелью^[31]. Когда в 1954 году семья Маркиша вернулась в Москву, Эренбург принял самое живое участие в решении их проблем. В день 65-летия Маркиша в ЦДЛ прошел первый посвященный ему вечер. Эренбург не смог на нем быть, и на вечере зачитали его письмо:

Мне горько, что в этот вечер я не могу быть с друзьями, которые соберутся, чтобы поклониться перед неизвестной могилкой известного поэта Переца Маркиша. Мне хотелось бы припомнить его молодым и непримиримым в Киеве, где горе и надежды заволакивали туманом его прекрасное лицо и сужали зрачки его мечтательных глаз. Я хотел бы также восстановить мои встречи с ним в Париже, где он вдохновенно говорил о революции и о поэзии, о Маяковском и о Гийоме Аполлинере, о древних легендах хасидов и о начале новой эры. Я хотел бы рассказать и о последней встрече, о последнем рукопожатии – на улице Воровского, о тех кулуарах, где многие из нас тогда глазами прощались друг с другом. Я хотел бы сказать о прекрасном поэте. Но сейчас всего этого не выскажешь и я надеюсь, что мне удастся это сделать за рабочим столом.

Наверно в вечер памяти Переца Маркиша будут много говорить о его живых стихах. Мне хочется сказать о том, что меня связало с убитым поэтом – кроме преданности искусству, кроме давних дружеских встреч. Пожалуй, лучше всего это высказал польский поэт Юлиан Тувим, стихи которого Перец Маркиш любил. В 1942 году Тувим объяснял, почему он с гордостью называет себя польским евреем: «Изда крови. Стало быть расизм? Нет, отнюдь не расизм. Наоборот. Бывает двоякая кровь: та, что течет в жилах, и та, что течет из жил. Первая – это сок тела, ее исследование – дело физиологов... Другая кровь это та, которую главарь международного фашизма выкачивает из человечества, чтобы доказать преимущество своей крови над моей, над кровью замученных миллионов людей... Кровь евреев (не “еврейская кровь”) течет глубокими, широкими ручьями; почерневшие потоки сливаются в бурную, вспененную реку и в этом новом Иордане я принимаю святое крещение – кровавое, горячее, мученическое братство с евреями»... Перец Маркиш знал эти слова. Он провел над ними такие же часы горя и гордости, как многие другие. Потом не стало Переца Маркиша... Что может быть бессмысленнее и в то же время осмысленнее такой смерти? Остались стихи, они звенят. Остался образ чистого, смелого и доброго человека. Он многих приподымает, согревает в минуты одиночества, молодит на склоне жизни. Да, стоило так жить, так писать и так умереть.

К 70-летию Маркиша Эренбург направил в секретариат Правления Союза советских писателей предложение установить мемориальную доску на доме 6/4 по улице Горького (ныне Тверская), где Маркиш жил и работал с 1938 года до дня ареста 27 января 1949 года^[32]. Надо ли говорить, что доски нет по сей день.

^[1] См.: Эренбург И. Собр. соч. в 8 т. Т. 6. М., 1996. С. 313.

^[2] Речь была произнесена на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 7 марта; встреча закончилась 8 марта разгромным выступлением Хрущева, изругавшего мемуары Эренбурга, которые не читал.

^[3] «Бурную жизнь Лазика Ройтшванца» в 1928 году издали по-русски сначала в Париже, а затем в Берлине, чего референты ЦК не знали.

^[4] Лишний раз называть имя портного Ильичев не стал – еврейские имена партийных уст не услаждали.

^[5] И это заглавие книги антибольшевистских стихов Эренбурга, изданной и запрещенной в Москве в 1918 году, названо, чтобы показать Эренбургу: мы все помним!

[6] Правда. 9 марта 1963 г.

[7] См., например, наши комментарии в книге: Эренбург И. Люди, годы, жизнь. В 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 567–568.

[8] См. об этом интервью Суцкевера в книге: Суцкевер А. Буквоцвет. СПб., 2010. С. 9–15.

[9] Умереть по-людски // Известия. 7 сентября 1990 г.

[10] Подробнее об этих и других нелепостях, исключенных из фильма «Подстрочник» режиссером О. Дорманом, но без всякого комментария включенных им в книгу, см. нашу статью: И об экологии истории тоже // Народ Книги в мире книг. № 87. 2010.

[11] См. об этом в: Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 391–392, 507–508.

[12] См. об этом главу «Илья Эренбург в годы сталинского госантисемитизма (Полемика с г. Костырченко)» в моей книге «Писатели и советские вожди» (М., 2008), а также главу «Сталин и Эренбург» в книге Бенедикта Сарнова «Сталин и писатели» (М., 2008).

[13] РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1635. Л. 1–8.

Документы публикуются с сохранением орфографии и пунктуации оригиналов.

[14] Военно-воздушные силы Черноморского флота.

[15] См.: Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 14.

[16] Подробнее об этом см.: Пирожкова А. Семь лет с Исааком Бабелем. Воспоминания жены. Нью-Йорк, 2001.

[17] Эренбург И. На цоколе историй... Письма. 1931–1967. М., 2004. С. 393.

[18] Украинский поэт Савва Евсеевич Головановский (1910–1989) написал воспоминания «В городе его юности» о своих дружеских и доверительных отношениях с Эренбургом; они были напечатаны с большими и существенными купюрами в книге: Головановский С. Мост к людям. М., 1985. С. 174–187.

[19] Неточно: вечер, посвященный 65-летию П. Маркиша, состоялся в ЦДЛ 25 ноября.

[20] Его текст см. ниже.

[21] Летом 1961 года А. Я. Каган подарил Эренбургу свой роман с такой надписью: «Дорогой друг Илья Григорьевич! Посылаю Вам мой многострадальный роман о Шолом-Алейхеме. С глубоким уважением Абр. Каган. Москва, 20 VII 1961».

[22] РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1494. Л. 1–3.

[23] Эренбург упоминает Данина в мемуарах: Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 122.

[24] Данин подарил эту книгу Эренбургу, написав на ней: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу – с верой, что мир когда-нибудь избавится от всех нелепых и чудовищных странностей – с чувством самым глубоким. Д. Данин. 5 июня 61 Москва».

[25] Из личного архива И. Эренбурга (собрание публикатора).

[26] В экспертную комиссию входили сотрудник «Литературной газеты» Е. Ковальчик, замдиректора ИМЛИ М. Добрынин и писатель, член бюро национальной комиссии Союза писателей П. Скосырев.

[27] Корни. 2004. № 22.

^[28] Из личного архива И. Эренбурга (собрание публикатора). В мемуарах Э. Маркиш «Столь долгое возвращение» (Тель-Авив, 1989. С. 327–328) текст письма приводится неточно.

^[29] Псевдоним М. Эпштейна.

^[30] Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 506.

^[31] Обвинения в умолчании есть и в мемуарах Э. Маркиш «Столь долгое возвращение» (1989) и «Отражение света» (2007), но ведь никому не приходит в голову обвинять ее саму, живую свидетельницу ареста П. Маркиша, в том, что она побоялась сообщить о случившемся, например, в израильское посольство.

^[32] Эренбург И. На цоколе историй... С. 591.

ИЗ ЭККЛЕСИИ В СИНАГОГУ:

КАЗУС ДЬЯКОНА БОДО И СУДЬБА ЕВРЕЕВ ЕВРОПЫ

Галина Зеленина

В многоактной драме иудео-христианских отношений в Средние века были разные амплуа: христианин-юдофил, изучающий еврейскую Библию, и христианин-погромщик, монарх или понтифик, на словах поносящий евреев, на деле же их привечающий, еврей – мученик за веру и еврей-апостат. Дьякон Бодо играл роль редкую [1] и при этом крайне важную для хода и исхода действия: он был обратным апостатом – из христианства в иудаизм. На пике своей карьеры Бодо покинул лоно победившего католицизма и примкнул к униженному меньшинству, находившемуся к тому же под властью мавров. Как такое могло произойти? Напрашивается ответ *cherchez la femme*: клирик, скованный обетом безбрачия, поменял веру и образ жизни, дабы жениться на прекрасной еврейке. Однако источники, при всей их скудости, все же намекают на иные причины – менее сентиментальные, но более любопытные.

1

*Nò ðàáíí ààðèò òááá,
áíçþðáéáí í úé í ò ðíé Áíáí,*

Í áí í íáí ñéíáí àèúõ äëý í ðí:ò áí èý.

*Í óñòü í ááááí í ñéþáí áíþ
í íñáéáí í úé á í íëýõ*

*Í íááí í íéíáíé áððáñò áò
í ááñò ðá:ó ñéëüí úí þáéí úí ááò ðáí.*

*Í óñòü:ðáç óñðáéá
áçáúí ááò ñý:éñò áý éþáí áü*

Í íéà í á áíñò èñ áò í áááíé çáçá

*Áçáü áíáð, ííí éíáé á í íéè ò ááò è íááò áð,
í áðáúáí í úõ é Áðíí í áíðáéõá*

*Nò ðàáííá, éáé íí é ñáí
áñááá ííí éí ááò ò ááý.*

*Ñéááé ò íí ó, é:áí ó áéááí ñééíí áí Áíñ í áü,
:ò í íí í íáéááíáò;*

*Óí íáéé í á ò í, :ò í íááúááò;
ò íá, :ò í çáí ðáúááò, ááé.*

Í í:é ò áé áíáðíááò áéè, í íðíéé áíéíé:

*Ááðí áý í ááðááá áááò ñý áéááéí,
í áéáçáí éá- í áááí úí.*

Áíãää íáí ðááèò òááý éí áñí ó éó:øáí ó

È ää í ðáí íáí íñèò òááá áññää äáèèèèá ääðí.

Í ðíàé, áññää è ááçá ñáí úé éþáèí úé,

Í ðíé äáèíéóðíé, äáèíéóðíé í ðíé[2].

Это стихотворение посвятил Бодо Валафрид Страбон (809–849), монах и богослов, агиограф и поэт, один из самых ярких представителей Каролингского возрождения. Младший современник Страбона («возлюбленный отрок»), Бодо родился, вероятно, в середине 810-х годов. Источники единогласно сообщают, что он происходил из знатного алеманнского рода, получил блестящее образование, занимал церковную должность и вращался при ахенском дворе[3]. Будучи дружен со Страбоном, в 829 году ставшим наставником принца Карла (младшего сына императора Людовика Благочестивого от его второй жены алеманнки Юдифи), Бодо, по-видимому, также был близок к принцу, по крайней мере, входил в алеманнский кружок, сложившийся вокруг молодой императрицы.

Одна из основных позднекаролингских хроник, Бертинские анналы под 839 годом, между рассказами об усадьбе Людовика с сыновьями и о наводнении в Фризии, сообщает:

В то же время произошло событие крайне плачевное, достойное скорби всех сынов католической церкви. Молва возвестила, что дьякон Бодо, алеманн по происхождению, с раннего детства воспитанный в христианской вере и воспринявший от придворных ученых науку божественную и человеческую, тот, кто лишь в прошлом году испросил позволения у императора и императрицы отправиться в паломничество в Рим и получил одобрение и многие дары, – этот человек, совращенный врагом рода человеческого, оставил христианство и обратился в иудаизм[4].

Юдифь Баварская. Миниатюра из Хроники Вельфов.

Около 1520 года

Слух достиг двора весной 839 года, а само отступничество дьякона произошло в 838-м: в середине августа этого года он уже «был обрезан, отпустил волосы и бороду и принял – или, скорее, узурпировал – имя Элезар», обратил в иудаизм своего племянника, женился на «дочери еврея» и поселился в Цезараугусте (Сарагосе). Из этого отчета, основанного, по признанию хрониста, на слухах, неясно, побывал ли Бодо в Риме и куда дел предназначавшиеся папе императорские дары, а главное – с какого момента началось его «отпадение в иудаизм»: задумал ли он его давно, иудействовал ли еще при дворе

Людовика или разочаровался в католической церкви, только когда узрел апостольский престол в не самом достойном виде.

Нам также неизвестны подробности семейной, профессиональной и религиозной жизни Бодо-Элезара в Испании – за одним исключением: в 840 году он вступил в эпистолярную полемику с мосарабом[5] из Кордовы по имени Пабло Альваро. Альваро занимал непримиримую позицию относительно сближения с иноверцами и усвоения чужой культуры, жестко критиковал мосарабскую молодежь за ее арабизированность, ассимиляторство и скудные познания в латыни:

B ai drosap, i fafi ee faeoe maai y o: ai fa -ae faea maae i edyi, eoi, faeaa y ci ai eai Nayaai ia I emiey, ep: ae au eadeinea eieae eaeoe eaei afaiaia? Eoi me: ai adeo aai aeuieie epaiaip, epaiaip oaeie, eae auea o i drosia, eae auea o ai inoieia? Daqa ia au piua odoi eai, i eia eai ua da: eioua, caioyueaiy i maai i eadua e i ai adao, ecaioiua maie ci ai eai yci: aieie aeie, aaeaa ua ca maip m i ma i no u ai de ou i i: adaaie, - daqa ia au i e n oae: ai eai :e oap o eieae oaeaeieae <...> e ide yoi ia aap o eaii Oadeae e apedap o n oadauieai ia oadeia ua daeieae eae ia i adnoiu? Oai! Odoi eai ia ia ap o maioaai ia caeia, eadei ya cauee maioaai i ue yci... [6]

Впоследствии, в 850-х годах, Пабло Альваро выразит однозначную поддержку кордовским мученикам, казненным за публичное исповедание христианской веры и оскорбление ислама и пророка Мухаммеда, и станет одним из духовных лидеров мосарабской общины.

Апостат Бодо, с точки зрения Альваро, являл собой крайне вредный пример для местных христиан, живущих в постоянном соблазне перехода в ислам, и Альваро решил если не переубедить его, то дискредитировать. Переписка состояла из семи посланий[7] и была посвящена таким традиционным вопросам иудео-христианской полемики, как мессианство Иисуса, «истинный Израиль» и т. п. Мосараб утверждал собственное превосходство, в частности, следующим образом:

Eoi e faiaieia caeaeaaio ei aie eadeeuo yieia? Ou, i oaei maioaai i n eiaai, ioiaaeoe io yci: aia daae i i: eoaiey aaeiaa Aia, aadae ia i i eoi ae, i i i aia, eae aay, aadae e i i eoi ae, e i i aia? I i y ia ei ai qm aadaai, eai iaia ei y auei aai i ia, e oia Aiaiaie aa eadeee. Aadaai - ioa i ie, i i n eieo i ie ioae e i d e m i a e e e e y o i a d i a a: a a u f a e a a y I a n e p, e i a a o i o a i e a i a u e i d e e o e, e i d e i y a a a, e i a a i i i d e o a e, i i e a i e a a e n d e i i u e E q d a e e u y - a i o a e o i a a e I a n e p, i i i o a i d a a a, e i a a o i o y a e n y, e a i n e o i i d a a a o a a, e a i a i i i d a e i a i o a e a a o a o i a, e i a u e a i o a i d a e. B c i: i e e e, a e a i a a i i a d a u a a i u a a a a d o E q d a e e a a u, i i i e i y p o i a d i a A i a e e, a u a a o i i o n o a a o a a c a e u e a i e y o a a d i a a [8].

Из этих строк вроде бы следует, что перед нами – зеркальный диспут двух апостатов: из христианства в иудаизм и из иудаизма в христианство (хотя в христианство перешел, скорее, не сам Альваро, а его предки – в эпоху массовых крещений в вестготском королевстве). Впрочем, в другом письме, отвечая на нескрываемое презрение оппонента, Пабло находит источник гордости в своем уже не еврейском, но готском происхождении. Бодо-Элезар, ученик (учеников) корифеев Каролингского возрождения, прославленных библейских комментаторов и богословов Клавдия Туринского и Рабана Мавра, с высоты своей эрудиции, накопленной во франкских классах, смеялся над убожеством и вторичностью аргументов своего пылкого корреспондента, изолированного от христианской латинской учености: «Бешеный пес <...> компилятор, как и те, у кого ты списал все свои слова». Пабло защищался как только мог:

Aiou i d a p e d a p o m a d o u e i d a a i c i i n y o d a i u <...> B o i o, e i a A e a e n i a d a e a e e q a a n o u a i y e n y I e d d e O a q a d u n o d a o e e n y [9]. I i a n n e a q a e E a d i e i: O i a a d i a i a n e i a i, a u e i o i a a. E i i o i o i a a i e o a e i a a o a i u o i n a o e i d e c i a e n i a y i a d u c a p u a e n y e e m e <...> e i a n a i d e, a a i o i y - e i i e e y o i d a a a i e a, e a i y o i i d e i o a e i i o e a i a e e e e i [10].

*Υέεεαίηγ ε ηέι αάηά. Ϊ εί εαò þðà ες ηέεεαάι εεα αάααò ηò αά ηάι-Ϊ υάη
Αάι ò. XIII αάε*

Смешивалась ли в жилах Пабло Альваро еврейская и готская кровь или же декларация одной из двух родословных была чисто риторической, неизвестно, но примечательно, как в традиционную дискуссию о Verus Israel, «истинном Израиле», вмешалось соперничество двух германских народов – вестготов и франков, – хотя их представители, ведущие эту дискуссию, были по разным причинам оторваны от собственной национальной государственности и пребывали под властью ислама в статусе зимми – «покровительствуемых», но дискриминируемых религиозных меньшинств.

Через несколько лет Бодо-Элеазар вновь упоминается в Бертинских анналах, в записи за 847 год, в роли довольно нелицеприятной: он якобы занимался в Андалусии тем, что настраивал мавров против мосарабов и советовал кордовскому эмиру либо принудить последних к переходу в ислам или иудаизм, либо предать их смерти. Хронист ссылается на письмо испанских мосарабов франкскому королю Карлу Лысому, сыну Людовика Благочестивого, в котором те молили о заступничестве. Хотя в целом сюжет о притеснениях мосарабов и их надеждах на франкскую помощь представляется вполне правдоподобным, роль бывшего придворного дьякона в этих событиях, равно как и вообще его связи с мусульманскими властями более ни один источник не подтверждает.

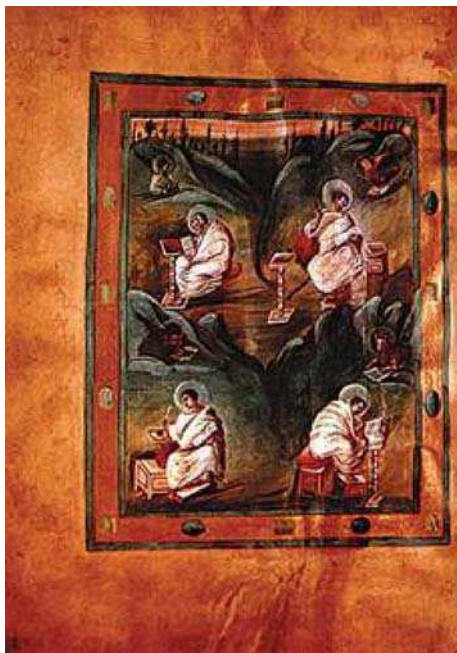
Самое позднее упоминание Бодо (а именно его деятельности еще во франкской церкви) относится к 870-м годам и содержится в послании реймского архиепископа Гинкмара Карлу Лысому, написанном по поводу перевода Жития Дионисия Ареопагита и монастыря Сен-Дени[11].

2

В истории Бодо-Элеазара пробелов больше, чем текста, но исследователи чаще всего стремятся заполнить один пробел, решить одну проблему – реконструировать причину отступничества придворного дьякона. Источники предлагают разные версии. Пабло Альваро вменяет в вину Бодо похоть: стать евреем его якобы принудила «та, что выгнала Адама из рая <...> и Самсона лишила очей» – и в насмешку советует своему оппоненту перейти в ислам и использовать широкие возможности полигамии.

Но вряд ли Альваро угадал. Памятуя о нежностях в стихотворении Страбона, можно предположить, что Бодо был причастен гомосексуальной клерикальной субкультуре. Но, скорее всего, и это не так: нежность Страбона либо риторическая, либо дружеская, а грехи, от которых он предостерегает своего юного друга, – вполне гетеросексуальные. Бодо сам упоминает в письме к Альваро о грехах юности – интимных встречах со «многими женщинами» прямо «в нашем храме» – и вообще критикует нравы франкского двора.

Довольно абсурдно звучит обвинение хрониста, будто знатный придворный клирик отказался от своего блестящего положения и отправился в чужую страну «движимый алчностью»[12], а современная научная гипотеза[13] о том, что на отступничество Бодо повлияли известия об иудейском царстве хазар, добавившие веса иудаизму в глазах европейцев IX века, любопытна, но недостаточно аргументирована[14].

Четыре евангелиста. Миниатюра из Ахенских Евангелий.

IX век

Воздействие темных сил – в Бертинских анналах («созвращенный врагом рода человеческого») и у Амуло («соблазненный дьявольскими уверениями») – если и засчитывается за причину, то слишком общего характера. Впрочем, поскольку орудием дьявола положено быть евреям, в этих цитатах можно углядеть свидетельство еврейской миссионерской деятельности во франкском государстве, но твердых оснований для такого вывода нет.

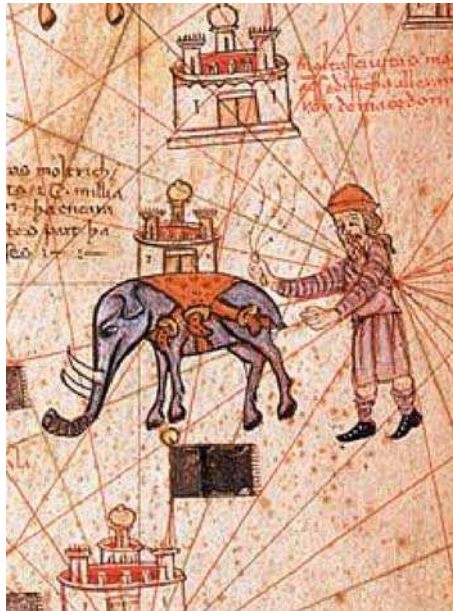
Сам Бодо исходной причиной своего поступка называет ветхозаветные штудии при ахенском дворе[15]. Как сообщают Бертинские анналы, Бодо «воспринял от придворных ученых науку божественную и человеческую», то есть получил богословское и светское образование, – вполне в духе мэтров Каролингского ренессанса, возрождавших классическую ученость и в то же время жаждавших постичь hebraica veritas – истину древнееврейского текста Библии, называвших себя – по античному образцу – академиками, а своего императора – уже по-библейски – Новым Давидом и его двор – Новым Израилем.

Некоторая шаткость в вере, проистекающая из этих штудий или, напротив, порождающая или просто сопровождающая их, была свойственна не только молодому дьякону. В переписке с Альваро Бодо говорит, что может назвать четырнадцать человек в Ахене, придерживающихся разных религиозных взглядов.

Бодо не был одинок и в своей критике этой ситуации. Сокрушался Валафрид Страбон, сокрушался автор Бертинских анналов, а лионский архиепископ Агобард оплакивал отсутствие единства почти теми же словами, что и Бодо, лишь с иным численным показателем: у пяти мужей, сидящих рядом, – говорил он – не будет общего закона[16]. Тот же Агобард возмущался и юдофилией Людовика, слишком вольготным положением евреев в его империи и дурным влиянием, оказываемым последними на христиан:

Î îé áéáá:áñðéáíé áññíáéí, ý áññíýíóé èèòü íáéíòíðáá èç ííñáð ñéó:ááá ìðáááðáéññðáá èðááá è òíáðá, íáíñíéí íáá òðéñðéáíñðáá èð ìðéññáóíééáí è <...> Ñíááðóáííí íáíáóíáéí í, ÷òíáí òáíá áéáá:áñðéáíá íííá:áíéá èíññéññí òíá, éáé òðéñðéáíñéáý ááðá áí ì ííñáð ñéó:áýð ñððáááð ìð èðáááá Éáí éíááá ííé éáð ìðññóñí òðéñðéáíáí è òááñðáðññ; ÷òí ííé áñðíáé òááá á íáí ýòü í íáððéáððáá; ÷òí ííé ññíí:áññýí è ìðéññáýð áí ááñðáá è ííééááðð áá; ÷òí ñáí úá áñññéííá í áéé áááéááð èð ì íééðá è áéááññéíááíéé è áéááðð, ÷òí óíéð íá òíð áéáçáéíííðááñðáá,

:01 è ó èóááá; éíáá ííè áááóýò, :01 óáíè ñááóíèèè íáñòðíáíú íðíòèá íáñ èç-çá íèó, éáí í ú
 çáíðáíááí òðèíòèáíáí íèòú èó áéíí; éíáá, íúòáýííí íñííðèòú íáò çáíðáò, ííè óááíòáðòíí; áúúóí
 ííèó:èèè íò òðèíòèáí í ííá óóí òíáíáðáðá çá áéíí è íáí íáò íáèòè áí áíáò íáòèó éáííí áò íðè:éíó
 íí:áí ó òðèíòèáíá áíèæíú íòèáçúááòúíí íò èó ááú è íèòúí; éíáá ííè íðáíúýáéýðò ýáèèòú,
 çáíá:áòáííúá çíèíòúí è íá:áòýí è ñ óáíèí èí áíáí è ñááðæáúèá ñéíáá, íí íáòáí ó í íáíèþ, íá
 èñòèííúá; éíáá ííè ííèáçúááò èþáýí æáííèóþ íáææáò, áááóý; :01 ííá ííááðáíá èó æáíáí óáíèí è
 òíáè:áí è è ááí áí è ááíðá; éíáá ííè áíèáá ðáííèáçúááòò í ñéááá íñíèó íðáíèíá; éíáá èí áííðáèè çáèííó
 áíçáíèýáòíí; ñòðíèòú í íáíá ñéíááá; - éíáá áíí ýóí íðíèííáèò, áíðíáèò áí óíá, :01 íáèáíúá
 òðèíòèáíá áááóýò, áúúóí èóááè íðííáááòò èí èó:óá; :áí íáòè ñýíúáí íèèè[17].

Óðáá áí ò Èáòáéíííèíá òðèáíá. Ááðááí Èðáíèáí 1375 áá
Í áòèííáéíí áý æéáèíòáéá, Í áðææ. Í ðááííéíáèòáéííí í èçíáðææáí ííñéáí áò Èáòéá Ááèèéíáí ááðáè
Èóóáè, áíçáðáíáðòèéíí á Áóáí ñí ñéíííí, ííááðéíí Ááðóí á áð-Ðáòèáá

За эти и подобные антиеврейские инвективы Агобард заслужил славу крупного юдофоба. Но, как показывает история Бодо, его гнев не был проявлением общей теоретической позиции, но имел под собой вполне реальную основу.

(Можно предложить и ровно обратное объяснение: казус апостата Бодо – выдумка церковных деятелей вестготского происхождения [каковыми были Пабло Альваро, Пруденций, автор Бертинских анналов за интересующие нас годы, и архиепископ Амуло, ученик и преемник Агобарда на лионской кафедре, – единственные, кто упоминает о его отступничестве[18] в пропагандистских целях – осудить излишнюю веротерпимость ахенского двора и побудить Людовика, а затем Карла Лысого действовать так, как подобает наихристианнейшему монарху, – слушаться клириков, держать евреев в ежовых рукавицах и помогать единоверцам в других странах, читай: испанским мосарабам. Можно углядеть в этой истории и козырную карту в игре вестготской партии против партии алеманнской, влиятельной при императрице Юдифи. Дьякон Бодо, вероятно, существовал в действительности[19], он пропал без вести – не вернулся из паломничества в Рим[20], и наши авторы объяснили его исчезновение «отпадением в иудаизм». Испанец Альваро знал об этом и придал своему оппоненту в вымышленном диалоге [самом распространенном подвиде иудео-христианского диалога] имя Элезар и франкское происхождение. Впрочем, это предположение достаточно бездоказательно, чтобы не выходить за пределы скобок.)

3

Сколько таких Бодо было в средневековой Европе? Источники с обеих сторон скупы на подобные истории: христианам о своих потерях распространяться не пристало, если не было такого резонанса, как в случае с Бодо (к тому же апостатов помельче могли и не заметить); евреи о своих «приобретениях» также склонны были умалчивать, дабы не вызывать гнев христиан. Упреки в прозелитизме еврейская традиция игнорирует как

клеветнические – наряду с кровавым наветом или обвинением в отравлении воды, – ведь активный и успешный прозелитизм нарушает виктимную концепцию истории евреев в диаспоре. Между тем упреки эти были весьма настойчивыми, и именно страх перед прозелитизмом стал причиной (по крайней мере, декларируемой причиной или одной из причин) большинства изгнаний евреев из европейских стран.

Ἰ αὶ ἂ Ἐβραῖ αἰ ὀ IV (ἀὰ ὀ ἰδ ἁέεῦ «Turbato corde»). Ὀδῆα ἐς ἁὰ ἰ ἔ Ὀδδῆ ἰ ἂ Ἀἰέεβς Ὀδῆ ὀεῖ

Каноническое право в лице папы Льва VII теоретически легитимировало изгнание евреев в 937 году – через сто лет после отступничества Бодо, после страстных посланий лионских архиепископов, предупреждавших об опасности иудаизации из-за общения с евреями, после целого ряда упоминаний в церковных источниках различных случаев «иудейской ереси». Сами изгнания высокого и позднего Средневековья помимо прочих, более сиюминутных и прагматичных, причин были, вероятно, связаны с возрастающим опасением, что многовековой проект по постепенному, мирному обращению евреев, долженствующий подтвердить истинность христианства и приблизить Второе пришествие Спасителя, не удался, а наоборот, сыны церкви склоняются к иудаизму и христианский мир рушится. Возможно, христиане в большей степени интересовались иудаизмом из-за апокалиптических настроений осени Средневековья, а возможно, и не интересовались вовсе – сложно сказать, что доминировало в тревожных писаниях и резких действиях церковных и светских политиков: риторика, паранойя или трезвая оценка реальной ситуации. Так или иначе, изгнание евреев из Англии в 1290 году последовало за неоднократным (с 1267 года) изданием буллы «*Turbato corde*» («Со смятенным сердцем»)[21], посвященной проблеме массового и успешного еврейского прозелитизма, и строгим письмом папы архиепископам Йорка и Кентербери на ту же тему (1286 год). Изгнание из Испании (и итальянских земель Короны Арагона) в 1492 году, согласно королевскому эдикту, было вызвано тем, что «в этих наших королевствах есть дурные христиане, которые иудеивают и отступают от нашей святой католической веры, чему основная причина в общении евреев с христианами»[22]. Виток изгнаний евреев из протестантских германских княжеств во второй четверти XVI века объяснялся окончательным разочарованием христиан (в лице Лютера и других реформаторов, тешивших себя новой надеждой) в том, что евреи когда-либо обратятся в их веру. Итальянские изгнания эпохи Контрреформации были мотивированы негативным влиянием евреев на христиан – маранов, беженцев с Пиренейского полуострова, и гуманистов-юдофилов, изучавших – подобно деятелям Каролингского возрождения – *hebraica veritas*. В то же время в Польше шли процессы по обвинению в отпадении в иудаизм и циркулировали слухи о бегстве многочисленной группы апостатов в Литву. В этих сюжетах принято видеть не реальные случаи, а опасения, причем специфически характерные для польской католической церкви, ослабленной конкуренцией с православными и протестантами[23]. Впрочем, полностью клеветнический характер этих обвинений недоказуем, а, хотя польская специфика и бесспорна, предыдущие примеры демонстрируют, что опасения польских иерархов не были самобытны, а вписались в длительную традицию подобных подозрений на Западе. Казус дьякона Бодо – вымышленный или реальный – стал если не *casus expulsionis*, то по крайней мере *casus turbationis* на долгие века.

[1] Хотя, возможно, не столь уж редкую; мы еще вернемся к этому вопросу, но не разрешим его.

[2] *Walafrius Strabo. Ad Bodonem Hypodiatonum // Patrologia Latina. Vol. CXIV. Col. 1099–1100.*

- [3] Например, лионский архиепископ Амуло характеризует Бодо так: «...придворный дьякон, благородного происхождения, благородного воспитания, занятый на церковной службе и находящийся в изрядной близости к монарху» (*Amulo Lugdunensis Episcopus. Epistola seu liber contra Judaeos // Patrologia latina. Vol. CXVI. Col. 171*).
- [4] *Annales Bertiniani. Ed. F. Grat. Paris, 1964. P. 27.*
- [5] Мосараб (от араб. «мустариб» – «арабизированный») – христианин в мусульманской Испании.
- [6] *Paulus Alvarus Cordubensis. Indiculus luminosus // Patrologia Latina. Vol. CXXI. Col. 555–556. Цит. по: Safran J. M. Identity and Differentiation in Ninth-Century al-Andalus // Speculum. Vol. 76. 2001. P. 597.*
- [7] Сохранилось четыре письма Альваро и фрагменты (63 строки) из трех писем Бодо-Элеазара.
- [8] *Gil J. Corpus Scriptorum Mozarabiorum. Vol. 1. Madrid, 1973. P. 249. Цит. по: Riess F. From Aachen to Al-Andalus: the Journey of Deacon Bodo (823–76) // Early Medieval Europe. Vol. 13. 2005. P. 145.*
- [9] Позаимствовано из 2-й главы «Истории готтов» Исидора Севильского.
- [10] *Gil J. Op. cit. P. 270.*
- [11] *Hincmarus Rhemensis Episcopus. Ad Carolum Imperatorem (De auctoritate Vitae S. Dionysii ab Anastasio translatae) // Patrologia latina. Vol. CXXVI. Col. 153–154.*
- [12] *Annales Bertiniani. Ibid.*
- [13] *Löwe H. Die Apostasie des Pfalzdiakons Bodo (838) und das Judentum der Chasaren // Person und Gemeinschaft im Mittelalter. Festschrift für K. Schmidt. Ed. G. Althoff et al. Sigmaringen, 1988. P. 157–169.*
- [14] Впервые об иудаизме хазар сообщают арабские и ивритские источники X века и латинский источник второй половины IX века (Друтмар из Аквитании, 864 год), но нет свидетельств того, что подобные сведения достигли франкского мира еще в 830-х годах, когда они могли бы повлиять на юного Бодо.
- [15] См., например: *Gorman M. The Commentary on Genesis of Claudius of Turin and Biblical Studies under Louis the Pious // Speculum. Vol. 72. 1997. P. 279–329.*
- [16] *Agobardus Lugdunensis. Liber adversus legem Gundobardi // Patrologia latina. Vol. CIV. Col. 116.*
- [17] *Agobardus Lugdunensis. De insolentia Judaeorum // Ibid. Col. 74–76.*
- [18] О том, что «дьякон двора отпал в иудаизм», под 838 годом сообщают и *Анналы Райхенау*, но указывают другое имя: Пуато (*Annales Augienses // Patrologia latina. Vol. CXLII. Col. 1210*).
- [19] Чему свидетельством и стихотворение Валафрида Страбона, и упоминание Бодо в письме Гинкмара Реймского (впрочем, последний, будучи продолжателем Бертинских анналов после Пруденция, мог черпать информацию из сен-бертинской традиции и, соответственно, не должен рассматриваться как независимый источник).
- [20] Об исчезновении Бодо упоминает и Луп из Ферье в письме 838 года, но, подозревая за ним «коварство либо пренебрежение», он тем не менее не говорит об отступничестве.

[21] Текст буллы см. в: Synan E. A. *The Popes and the Jews in the Middle Ages*. New York, 1965. P. 241.

[22] Suárez Fernández L. *Documentos acerca de la expulsio^{^^}n de los judíos*. Madrid, 1964. P. 391. Здесь, конечно, под «дурными христианами» имеются в виду прежде всего мараны.

[23] Венгжинек Х. Опасалась ли католическая церковь в Польше XVI века обращения христиан в иудаизм? // *Ксенофобия: История. Идеология. Политика*. М., 2003. С. 7–16.

видимому, привели его самого размышления над Катастрофой: нарушение заповедей ведет к политической слепоте, пренебрежение традицией – к переступанию черты, отделяющей евреев от неевреев, и в результате евреи оказываются жертвой. Вопрос, верил ли Агнон, что Всевышний вмешается в историю и пошлет в Европу нового Моше, остается без ответа. Я только хотела показать, что особенности стиля: лексика, синтаксис, повторы – являются приемами, с помощью которых писатель добивается глубины своей прозы, а ориентиром ему служат еврейские религиозные книги, в первую очередь Тора и ее толкования. Ведь не зря же Агнон переписывал свои произведения по шесть-семь раз, ища единственно верное для его замысла слово.

Отнюдь не исчерпав анализа особенностей агноновского стиля, я возвращаюсь к мукам переводчика и задаю себе вопросы, на которые не знаю ответа. Нужно ли переводить Агнона на другие языки? Как его переводить, чтобы не отсекал начисто те подтексты и sottexсты, в содружестве которых только и может существовать по-настоящему агноновское произведение?

[1] Н. Гутман. Э. Бен-Эзер. *Меж песками и небесной синью*. Пер. Н. Радовской. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1990. С. 45, 46.

[2] Ш.-Й. Агнон. *Шира*. Иерусалим–Тель-Авив: Шокен, 1999. С. 256.

[3] Ш.-Й. Агнон. *Хуш а-реах («Чувство запаха»)* // Ш.-Й. Агнон. *Элу ве-элу («Те и эти»)*. Собр. соч. в 8 томах. Т. 2. Иерусалим–Тель-Авив: Шокен, 1974. С. 236. *Полужирным курсивом я выделила цитаты из Песни Песней (4:1 и 2:14), которые у Агнона никак не помечены. Ясно, что Агнон пользуется тут аллегорическим толкованием Песни Песней, где героями являются Всевышний и собирательный женский образ народа Израиля.*

[4] *Благодарю за подсказку Ури Гершовича.*

[5] Ш.-Й. Агнон. *Шира*. С. 257.

[6] Х. Беэр. *Гам синъатам, гам ааватам («Их ненависть и их любовь»)*. Об отношениях Бялика, Бреннера и Агнона. Тель-Авив: Ам овед, 2002. С. 129 (на иврите).

[7] Э. Ярон. *Им цет а-сефер («К выходу книги»)* // Ш.-Й. Агнон. *Шира*. С. 544–545. *Эмуна Ярон была образованным человеком, одно время работала учительницей. Шрага Абрамсон (1915–1996) – видный израильский исследователь талмудической и средневековой ивритской литературы.*

[8] Ш.-Й. Агнон. *Гавриэла* // Он же. *Би-дми йемея («В расцвете лет»)*. Иерусалим–Тель-Авив: Шокен, 1991. С. 103. *Рассказ «Гавриэла» впервые был опубликован Эмуной Ярон в «А-арец», 29.3.1991, в канун Песаха. Датируется приблизительно серединой 1950-х годов.*

[9] Р. Шнеур-Залман из Ляд. *Ликутей амарим (Танья)*. Иерусалим: Шамир, 1987. С. 12.

[10] Г. Шолем. *Размышления об Агноне*. Сокр. пер. с англ. В. Соловьевой // Ш.-Й. Агнон. *Новеллы*. Иерусалим–М.: Гешарим – Мосты культуры, 2003. С. 432.

[11] *Первая публикация заметок Г. Шолема об Агноне: Commentary. December 1967.*

[12] Ш.-Й. Агнон. *Новеллы*. С. 429.

[13] Р. Сиван. *Возрождение иврита* // *Иврит – язык возрожденный*. Сб. ст. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1990. С. 70.

[14] *Трактат Авот с комментариями*. Иерусалим: Шамир, 1983. Пер. П. Криксунова. С. 245.

[15] *Там же*. С. 116.

[16] *Почему-то (возможно, потому, что для иврита является нормой как порядок «сказуемое – подлежащее», так и обратный) в русских переводах с иврита чаще, чем хотелось бы,*

имитируют инверсию сказа (вроде: и пошел Иванушка в лес, и плутал по лесу до темноты, и вышел к избушке...), что мне кажется неоправданным.

[\[17\]](#) М. Рыжик. Язык Талмуда (предисловие к комментарию) // Вавилонский Талмуд. Антология агады с толкованиями р. Адина Штейнзальца. Т. 1. Пер. и комм. У. Гершовича и А. Ковельмана. Иерусалим–М., 2001.

[\[18\]](#) Ш.-Й. Агнон. Новеллы. С. 207–223.

[\[19\]](#) Теилим, 18:31. Это характерный зачин мидраша, называемый «птихта»: сначала приводится стих из третьего раздела Танаха (Ктувим), чаще всего из Теилим, а затем идет цепочка рассуждений и обсуждений, приводящая к смыслу или смыслам стиха Торы, который и предполагалось обсудить.

[\[20\]](#) Бе-саар («В бурю»). Сб. союза ивритских писателей. Тель-Авив, 1943. С. 84–93.

[\[21\]](#) Г. Вайс. Послесловие // Би-дми йемя. С. 133.

ВЕНЕЦИАНСКИЙ МАСКАРАД

Αδέλφές Εγγλέϊ αι

*Αα δαγμα ό αεάα ίαδ αεας? Δαγμα ό αεάα ίαδ δσε, ίδαιίά, αείίά οάα, αάαδά
ίδαιγαί ίπδσε, πδδαπδσε? Δαγμα ία οά αα ίαι άγ ίεθα ίαίπυαδ αα, δαγμα ία όί αα ίδσεα δαιεδ
αα, δαγμα ίί ίαίγαδσεαί οαι αα ίαααί, δαγμα ία οά αα εααδπδ αα επδσεγρδ αα, δαγμα ία ίααααρδ
ε ία πδσεγρδ αα οά αα εαοί ε ρεί α, εαε ε δδεπδσεαί εα? Αίρε ίαί οείετδου - δαγμα ό ίαί ία εααδ εδίαι?
Αίρε ίαί ίπυαετδου - δαγμα ί ύ ία ία ααί ηγ? Αίρε ίαί ίδσεαδου - δαγμα ί ύ ία όί εδαι? Α αίρε ίαί
ίπετδσεγρδ - δαγμα ί ύ ία αίεαί ύ ί πδεδυ? Αίρε ί ύ αί αίη ίίτσε ία ααη όί ί ύ ότδεί ίίτσεδουε
ά γδύ.*

*Ό. Οαετδ
Ααί αεαί ηρεε εοί αδ.
Ί ααατδ Ό. Ύαι εείτε-Εοί αδρεε*

*Ί πετερεδ αίετ αα, όί αίετ ε γοί. Εαε-όί δαγ οαδπδ ατ ρεα ραί δαδ εεί αααγί ό-εδύ Ότδ
ίαδαδου ηίίλαε ε πσεβραδου ηαίπδδ Ότδα Εααα ααί Όαί οά η όίαδευαι ε ίίτδρεε πραδδ ό
ί αδδύ, α αία ετδτδρε πσεδσεεηί αα ραδύα δει εγία Όα ηεαρεα: «Απδαιτδδά ίί-ηγ ε
αίττεδδ». Απδσεε ίί-ηγ ε αίττεεε: «Ί ίαί! Δαγμα ί ύ ία αδαδύ ασε, ία ααδε ίαί ία ίδσα ε ίαί τε
ί αδδδ? ααί ίδσε-ααί ηγ ί ύ ίδ αίη γετδεα ε ίαδαιά, ααί ραίεσεεεε ίαεαίεα.» Ε ραί δαδύ αίεε
η γδύ. Όαε α όδσεδδδδδ Όααί εδ (18α).*

*Ί ίδεν Ί ηετσε- α δρεε Οαετδ
Ααί Νρετδσε.*

1935 αα

Удивительно! Разве евреи не знают, чем они отличаются от других народов? Разве не гордятся этим отличием? Но приходят к иноплеменикам с воплями: «Мы такие же, как и вы. Мы – от одного отца и одной матери. Мы – ваши братья. За что же вы обижаете нас?» Этой логике их научила матрона, а ее научили стоики, такие, как Эпиктет. Его спросили, как нужно есть, чтобы угодить богам. Он ответил: «Следует есть умеренно и пристойно. Если слуга вместо горячей воды принесет вам воду чуть теплую, или его не окажется на месте, или он не послушается, то следует воздержаться от гнева». – «Но как стерпеть это от раба?» – «Ты сам раб, если не можешь стерпеть от брата своего! Ведь и он – потомок Зевса, рожденный от излияния небесного семени. Ты поставлен выше его в стране – поведешь ли себя как тиран? Забудешь ли, кто ты и кем правишь? Они – родичи твои, братья твои, дети Зевса». – «Но у меня на них купчая грамота, а не у них на меня». – «Это – по законам земли, по законам могилы, по пустым законам мертвых людей. Лучше обратись к законам богов».

Эпиктет сам бывший раб, он знает, каково быть рабом. От имени рабов он вопиет: «О небо! Разве мы не братья ваши, не дети одного отца и одной матери? Чем отличны мы от вас, чем заслужили наказание?» И евреи вопиют вслед за ним: «Мы – ваши братья, рожденные от единого семени. Если нас уколоть – разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать – разве мы не смеемся? Не обижайте нас, своих братьев». Но если мы – ваши братья, рожденные от единого семени, почему же мы не разделяем с вами трапезу, не смешиваемся в браке, не празднуем и не печалимся вместе? Почему называем Рим, вашу империю, царством зла? И самое главное: если Б-г создал всех, то почему одни – евреи, а другие – язычники?

На этот вопрос многие пытались ответить. Филон отвечал словами Бильама, языческого пророка, который хотел проклясть евреев по просьбе Балака, царя Моавитского, но по внушению Г-спода благословил их: «Вот народ живет отдельно и между народами не числится. Кто исчислит прах Яакова и сочтет пыль Израиля?» (Бемидбар, 23:9-10). Филон истолковал это так: «Живет отдельно и между народами не числится не потому, что страна его отрезана от других стран, но потому, что нравы его не похожи на нравы народов, с которыми он не смешивается <...> Кто исчислил излияние семени, давшее начало их роду? Тела их из семени человеческого образованы, но души их из семени Б-жественного выращены, а потому они близки Б-гу».

Почти через два столетия после Филона рабби Йеуда Князь учил об отделении Израиля от язычников (Сифра, Ахарей мот, 13). Когда Г-сподь давал евреям Тору, Он знал, что сыны Израиля нарушат закон о запретных браках. И потому запечатал этот закон Своим именем: «“Я – Г-сподь, Б-г ваш” (Ваикра, 18:30), знайте, что Я приказал вам». Действительно, евреи преступили заповедь, как сказано: «И услышал Моше, что народ плачет по семьям своим» (Бемидбар, 11:10). Евреи плакали, не желая расставаться с иноплеменными женами, со своими семьями. И так же пророк Малахи сказал им (2:13): «Вот во второй раз вы покрываете слезами алтарь Г-сподень с плачем и стоном». Сказал им пророк: «Это не в первый раз! Уже плакали вы в дни Моше». Сказали ему евреи: «“А разве не Единый сотворил все и не Ему принадлежит всякое дыхание жизни?” (Малахи, 2:15), ведь сотворивший Израиль сотворил и язычников». Сотворивший Израиль сотворил и иноплеменных жен. Ответил пророк Малахи: «А разве Единый не о Б-жественном семени заботится?» И у Филона мы читаем: «Тела их из семени человеческого образованы, но души их из семени Б-жественного выращены, а потому они близки Б-гу».

А вот случай с рабби Акивой. Он отправился в Рим к некоему начальнику, и тот послал ему двух женщин, прекрасных и вымытых, умащенных и украшенных – как невесты под венцом. И всю ночь они наседали на р. Акиву. Одна говорит: «Приласкай меня», и другая говорит: «Приласкай меня». Он же сидел между ними и плевался и не смотрел на них. Бросились они к тому начальнику с жалобой. Сказали: «Лучше нам умереть, чем быть отданными этому человеку!» Послал начальник за р. Акивой, спросил его: «Почему не поступил ты с этими женщинами, как обычно поступают мужчины? Разве не прекрасны они, разве не такие же люди, как ты? Тот, кто сотворил тебя, не сотворил ли Он и их?» Ответил р. Акива: «А что мне было делать? От них воняло падалью и убоиной и гадами – всем, что они употребляют в пищу» (Авот де-рабби Натан, А, 16:2). О запахе говорит и Шейлок, когда его приглашают в гости к христианину: «Конечно, свинину нюхать!»

По мнению Эпиктета, споры рождаются из неумения применять общие понятия к частным случаям. Ведь в благочестие верят все – и евреи, и сирийцы, и египтяне, и греки, и римляне. Вот только не могут договориться, благочестиво ли есть свинину. А мы скажем, что здесь – диалектика различия и тождества. Все – дети Единого, все происходят от одного отца и одной матери, все заслуживают равного обращения. Но есть еще мужчины и женщины, есть господа и слуги, есть евреи и эллины. Эти различия никому не дано отменить. И разве не прав Шейлок, когда так обращается к христианину?

Ó ààñ í àì àèí èóí éáí í úó ðàáí á;
Èõ, èàé ñàéõ ññéíá, ì óéíá è ì ñá
Áú ñí éòá í á ðàáí èé ò ðáá í ðá ðáá í úé,
Ðàç áú èóí èèè èá. Í ó ÷ òí æ, ñéàç ò ù ááì :
«Ðàááì áú áàé òá áñþ; ì í æáí è òá
Í á áàó èõ áá ò ýõ; ÷ áì ì í ò á ò ù ì í á í í ó áé,
Í ó ñ ò ù ñ ý ò á ì í ñ ò á ä ý ò ì ý ä è ò, è à é ó à à ñ
Á ä ý ò á ñ ò ì, ÷ ò í á ú?» Á í ò á ò á ñ è ù ó á
«Í í è - ì í è ðá á ú».

Ì áì í ò è á è ù á ý á ñ ñ é à È í ñ è ó ó Á ò í á ñ è ì ì á
Í á á á ð á æ í á ý í á è ñ ò á è ì ù ó.

Á á í á è ý

Не иначе как Шейлок учил слова Эпиктета о рабах: «Они – родичи твои, братья твои, дети Зевса». – «Но у меня на них купчая грамота, не у них на меня». Почему, в самом деле, венецианцы не женят своих детей на детях своих рабов? Впрочем, один из венецианцев женится на Джессике, дочери Шейлока. Она принесет ему богатство, еврейские деньги. «Моя дочь и мои дукаты!» – воскликнет несчастный отец. Ведь он любит дочь и деньги, совсем как христианин в Венеции. И у христиан он учится искусству мщения. Плохой, неумелый ученик, наказанный учителями.

Это венецианский маскарад, отрада прекрасного города, который есть образ мира. Это и город чумы, но ведь маскарад отвращает чуму. От маскарада Шейлок остерегал свою дочь, но Джессика не послушала его, вышла в костюме пажа – еврейка в облике юноши-христианина. А вот – христианин в маске еврея. А вот – некто в облике венецианского мавра, с лицом, покрытым сапожной ваксой. Еще некто в черном плаще, в белой маске и с косой смерти в руках. Они неисцелимы: проповедуют милосердие и мстят, говорят о любви и ненавидят. Хотят казаться христианами, евреями или свободными философами, а на самом деле не таковы. И об этом сказал Эпиктет: «Зачем ты называешь себя стоиком, зачем обманываешь толпу? Зачем лицемерно зовешь себя евреем, будучи эллином?»

К вечеру уйдем подальше от моста Риальто, где Шейлок зарабатывал честный барыш. Заглянем в венецианское водное зеркало, лагуну в резной оправе. Странная пустота неожиданно вырастет у нас за спиной. Толпы туристов растворятся в воротах кварталов, спрячутся в маленьких гостиницах, рассеются по террасам ночных кафе. На глухой ограде найдем табличку с названием набережной, напоминающим о бедствиях чумы: «Набережная неизлечимых» – Zattere degli Incurabili. И увидим на мраморной доске

тяжелый еврейский профиль, прочтем на двух языках слова: «Иосиф Бродский, великий русский поэт, лауреат Нобелевской премии, любил и воспел это место». Уже давно было замечено: «В сем христианнейшем из миров поэты – жида!» – «Да разве у жида нет глаз? Разве у жида нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его?»

выступил категорически против принятия поправок в УК. Он убеждён, что «при воспитании ребёнка можно применять все способы, лишь бы не калечить». «В том, что родитель может бить своего ребёнка ради его воспитания, ничего страшного нет. И учителям раньше разрешали бить детей, но только не калечить», — напомнил муфтий. Даже буддисты, между прочим, крайне редко выступающие по общественно-политическим вопросам, сказали своё слово. Санжей-лама заявил, что существующее уголовное законодательство в отношении наказания за жестокое обращение с детьми достаточно действенно. На вопрос, допускают ли российские буддисты физическое наказание ребёнка, лама ответил утвердительно. «Меня тоже наказывали в детстве ремнём», — с улыбкой заключил он.

Но протесты общественности, в том числе и мнение известных юристов, доказывавших, что понятие «жестокое обращение с ребёнком» — размытое, а наказывать родителей за «ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию» невозможно, пока не появится перечень таких обязанностей, услышаны не были. Поправка в ст. 156 УК была принята — теперь родителей, поставивших ребёнка в угол, можно посадить на три года. Дети, соответственно, отправляются в детдом.

Весной 2010 года Межрелигиозный совет России, куда входят лидеры всех четырёх традиционных конфессий, в том числе главный раввин России Берл Лазар, вновь вернулись к теме ювенальной юстиции. В принятом МСР заявлении говорилось: «Нормы внутрисемейных отношений заложены Творцом в природу человека, и разрушение их принесёт несчастье человеку и народу. Вмешиваться в тайну внутренней жизни семьи следует лишь в крайнем случае, когда жизни или здоровью человека угрожает опасность. Мы считаем противоречащими свободе и самой природе личности акты, позволяющие отнимать ребёнка на основании размытых критериев, трактуемых разными мировоззрениями по-разному».

Но увы. Ювенальный танк продолжает напирать. Недавно появился новый проект — [Форсайт-проект «Детство-2030»](#). Члены Общественной палаты, вполне вменяемые люди, с изумлением рассказывали мне, что авторы этого проекта на полном серьёзе планируют вживлять детям микрочипы для закачки информации в кору головного мозга, а отнимать детей планируют не только из-за жестокого обращения, но и просто у некомпетентных родителей. Детям, считают авторы, лучше будет в неких специальных «воспитательных сообществах». Традиционную семью они считают каким-то архаичным, древним и ненужным институтом. Сама любовь родителей к детям им кажется чем-то средневековым... — Идея вживления микрочипов в голову абсурдна с логической точки зрения, — специально для «Лехаима» прокомментировал новый проект Андрей Глоцер. — Понятно, когда вживляют искусственный клапан сердца, но чип для воспитания и образования?! Мне кажется, если это кто-то планирует, то для контроля и управления личностью. Это неприемлемо с общечеловеческой точки зрения, а уж с еврейской — тем более.

Я добросовестно записывал комментарий Андрея Глоцера, сказывалась многолетняя журналистская привычка. Потом стал думать, кому бы ещё позвонить... Но не позвонил. Мне кажется, чтобы понять всю омерзительность этой затеи, не требуются авторитетные мнения общественных деятелей, писателей, артистов, священнослужителей и богословов. Требуется лишь понять: это всё серьёзно! Господа, эти ребята не шутят, как не шутили, когда ужесточали Уголовный кодекс, как не шутили, когда фабриковали уголовные дела против приёмных родителей и устраивали их травлю на телевидении и в газетах.

В «Лехаиме» много статей о том, как жить по-еврейски. Но если не остановить всё это безумие, то о какой еврейской жизни мы будем говорить, если детей отнимают? Можно, конечно, понадеяться, что придут за кем-то другим, утешать себя, что всегда можно отбиться, откупиться в конце концов. Но это слабое утешение. Я знаю семью, у которой были и деньги, и влиятельные знакомые. Им не помогло ничего. Детей отобрали. Денег тоже больше нет. Репутация разрушена. И на свободе они пока остаются лишь чудом.

МИДОВСКИЕ БОЙКОТЫ С ЯСНОГО НЕБА

Давид Маркиш

День 3 января наступившего нового года выдался вполне погожим: над Израилем расстилались безоблачные синие небеса, ничто не предвещало внезапных рукотворных неприятностей – ни политических, ни социальных. И официальное сообщение об отмене государственного визита президента РФ Д. Медведева в еврейское государство прозвучало в ушах публики – без всяких натяжек – как оглушительный гром с ясного неба.

*Δεδομένου οὐδαμῶς ἐπὶ ἐοσὸς Ἰ. Ἐλᾶ Ἀγναθῶς αἰ Εὐδαεῦν ἰ ἀ γαῖαν ἰατ-ἰ ἰε ἰ αἰ ἐδᾶν ἰ ἀβὲ
ἀεὶ ἐπὶ ἀδὲ-ἀρῆσ δαῖν ὀ ἰ ἐεῖα*

Не буду утверждать, что никто из зорких наблюдателей и причастных к делу специалистов не предполагал такого дождливого развития событий. Заместитель министра иностранных дел Дани Аялон накануне отмены визита выражал довольно-таки необоснованную надежду на то, что, в случае прекращения сотрудниками израильского МИДа забастовочных санкций, визит Медведева все же состоится в намеченный срок – начиная с 17 января. С какой это стати разъяренные мидовцы, уже целый год безуспешно добивающиеся повышения зарплаты, перестанут бастовать, заместителем министра не было сказано ни полслова. К этому следует прибавить, что уже 29 декабря забастовщики предупредили всех, кто желал их услышать: если, дескать, в обход наших планов руководители государства для осуществления визита Медведева привлекут взамен МИДа другие государственные структуры – министерство Главы правительства, например, или же спецслужбы вплоть до «Моссад» – мы будем бойкотировать этот визит. Для успешного бойкота придумано немало средств: от отказа в оформлении дипломатических документов членов делегации до глухого блокирования дорог, по которым намечено движение кортежа высокого гостя. Можно предположить с высокой долей уверенности, что обширные «творческие планы» забастовщиков насторожили работников российского посольства, готовивших визит своего президента, и вынудили их поставить под сомнение выполнимость ответственного мероприятия, в которое было вложено три года напряженного труда обеих сторон – российской и израильской.

В конечном счете визит был отменен, а новые сроки, в связи с плотным графиком работы президента Медведева, остались неопределенными. К этому следует добавить, что в делегацию, возглавляемую российским президентом, было включено около пятисот человек – министры, финансисты, крупные предприниматели, общественные деятели. Торгово-промышленные связи в результате этого визита должны были сделать существенный рывок. Отмена визита принесет, по подсчетам экспертов, миллиардные убытки израильскому хозяйству.

Что же касается скандального падения нашего престижа, вызванного провалом президентского визита, то его не измерить ни миллионами, ни миллиардами. В России уже сегодня звучат ехидные вопросы: «А если бы президент Обама к вам собрался – вы тоже свернули бы визит из-за горстки профсоюзников?» Наш ответ: «Да, вне всякого сомнения» русские сочли бы просто неудачной шуткой.

Авигдор Либерман

Однако это правда – сколь чистая, столь же и горькая. Впервые в истории Израиля, а то и мира профсоюзное объединение местного МИДа умышленно сорвало наиважнейший государственный визит руководителя иностранного государства и предало, таким образом, интересы собственной страны. Какое наказание ждет предателей? Да никакого! Забастовки госслужащих – легальная форма протеста в демократической стране, где все равны и никто, по идее, не равней другого. Труженики дипломатического ведомства требуют, чтобы их зарплаты были приравнены к зарплатам офицеров разведки, и это их право: требовать не вредно. «До сих пор мы вели себя как пай-мальчики!» – заявил один из руководителей диппрофсоюза. Срывая государственный визит президента РФ, они повели себя как безответственные авантюристы. Теперь, оказавшись в центре внимания, они грозят сорвать еще парочку ответственных государственных визитов в Израиль и, продиктовав свою волю израильским посольствам за рубежом, не допустить рабочих поездок премьера Биньямина Нетаньяху и его министров за границу. За такие «художества» их всех следовало бы уволить из МИДа и близко не подпускать к государственной службе. Но этого не произойдет: руководствуясь законом, независимый суд встанет на их защиту.

За кулисами всей этой безобразной драмы прослеживается еще одна линия сюжета: мятежники-профсоюзники усердно копают под своего министра-реформатора Авигдора Либермана. Разумеется, срыв визита Медведева не ляжет в копилку успехов израильского министра иностранных дел. Но и реакция Либермана на действия своих подчиненных, надо полагать, не заставит себя ждать. Не будем гадать, какие меры предпримет министр, но нет никакого сомнения в том, что виновные в этом громком дипломатическом скандале будут держать перед ним ответ по полной программе.

У НАС НА МАНЕЖКЕ

Ī eēteēē Nāai eāca

Nraūōēy ā Ī nēāi ĩā Ī āīāēīē īēīūāāē Īī āēāāōy īōē āīīī āēāīēē nēō:āēīīnōūp ĩā ĩācīānōū, yōī nāāōōāīīī ōī:īī īōīyāēāīēā īīōāāēāīīē – īōē:āī āāīyēīē – ōāī āāīōēē, nāycaīīē ā ōāēīī nīāōēīīāēīīē īōīāēāī īē.

Однако помимо этой проблемы оголились корни «кавказской истории» с ее разрушительными, как бы «региональными последствиями». Сочетание опасное потому еще, что вышеназванные сложности крепко завязаны на нерешенности социальных проблем.

Недавние события в Москве и в других центральных городах России в значительной степени имеют именно социальную подоплеку. В каких-то точках фанатские футбольные группировки и группировки радикальных националистов пересекаются, но ни к футболу, ни к спорту это не имеет отношения.

Слухи о том, что случившееся спровоцировано «лужковской мафией», – тоже ерунда. Юрий Михайлович – прочитанная страница. Ни одна, в том числе «лужковская», мафия не будет бессмысленно рисковать тем, что не вернется никогда. Нет Лужкова, есть Собянин. Можно сопротивляться ему, можно идти вслед за ним, но Лужкова уже не будет, и игры подобного рода – абсолютно не продуктивны. К тому же у «лужковской мафии» нет ни сил, ни возможности вести вообще какие-либо игры. Так что идея о «лужковском следе» – вариант «русской теории заговора».

Ко всему перечисленному нужно добавить наш родной антисемитизм, как всегда оказавшийся «на высоте», «вовремя подоспевший». Тут, правда, следует отметить, что этим крайне неприятным заболеванием не только у нас болеют, но также и в некоторых вполне себе развитых странах Восточной Европы, что ситуации с антисемитизмом в нашей стране не смягчает. Потому что те, кто собирается наживаться на социальных язвах, отлично пользуются антисемитизмом в своих мутных интересах. Они уверены: чем хуже у людей настроение по причинам чисто социального порядка, тем более агрессивные формы принимает антисемитизм, а следовательно... Мы в другом уверены – если у этих парнишек из спальных районов, оказавшихся в центре недавних событий, отсутствуют «социальные лифты» – это чрезвычайно опасно. Для всех, не только для интеллигентов и евреев. Ведь подростки видят вокруг море несправедливости – отсутствие независимого суда, совершенно непредсказуемые действия правоохранительных органов, бессилие собственных родителей, мат, драки, пьянство и т. д. и т. п. Они дикие – потому, что, как правило, являются выходцами из простых семей, в которых книг не читают. Будучи, как все подростки, насыщены адреналином, они скапливают колоссальную агрессию, направляя ее на те объекты, на которые всего удобнее, – на «чужих», на непохожих, на приезжих... Агрессия эта может принимать в том числе и формы антисемитские. Хотя сейчас евреи как объект для нападения не столь заметны, не так выпуклы, как кавказцы и азиаты. Однако следует иметь в виду, что те взрослые манипуляторы, которые провоцируют подобные акции, настроены прежде всего антисемитски. Даже кавказская составляющая интересуется их в меньшей степени, потому что с иными кавказцами поди всерьез повоюй. С тем же Кадыровым, к примеру. А с евреями – пожалуйста. Если добавить ко всему сказанному еще и крайне неудачную риторику на государственном уровне, на уровне госчиновников высшего и среднего звеньев, все то, что льется с экранов телевидения, получается вязкий фон, благоприятный для роста радикального национализма и ксенофобии. Им уже пользуются профессионально вполне взрослые провокаторы, в том числе, как мы сейчас узнали, люди полковника Квачкова, участвовавшие в событиях на Манежной.

Появление Путина во всей этой нечистой истории выглядит трезвым политическим ходом: встретился не с националистами, а только с футбольными фанатами. И вроде как поспособствовал тому, чтобы отделить организацию футбольных болельщиков от организации националистов. Правда, есть одно «но»: показательная встреча имела односторонний характер. Путин так и не нашел времени или не счел должным встретиться с представителями землячеств, с организациями, представляющими эмигрантские общины, потому-то внешне это и выглядело как односторонняя акция.

Словно бы наверху позабыли, что в интересах России прежде всего способствовать национальному миру, а не поддерживать одну из сторон в конфликте на национальной почве. Скорее всего,

Путин исходил из соображений исключительно прагматических: нужно опираться на более массовый электорат, а он представлен местным населением. Но это ведь тоже не вполне стратегически верно. Предвыборная гонка началась, и мы видим по высказываниям и действиям обоих главных кандидатов, как она набирает обороты.

Дмитрий Медведев на заседании Госсовета заявил, что национальные конфликты для России смертельно опасны, и призвал милицию не церемониться с теми, кто сеет межнациональную рознь. Наказывать – дело правоохранительных органов, но я думаю, что они пока что боятся ввязываться в конфликты такого рода. У меня создалось впечатление, что действия правоохранительных органов носили характер предупреждения. Милиция будет действовать жестче и последствия будут серьезными. Что дальше – поглядим-увидим... Главное, чтобы ультранационалистические организации не уверились в своей безнаказанности.

ДЕМОН КАРИВА

Аркан Карив

Я начну с мысленного эксперимента. Если бы в семьдесят, скажем, восьмом году мне сказали: «Мы даем тебе такую маленькую штуковину, с помощью которой ты сможешь читать любые книги, смотреть любые фильмы, легко находить обширные подборки материалов по любой области человеческого знания, общаться с людьми во всем мире. Ты счастлив?» Я бы искренне воскликнул: «Да!!!»

Но счастлив ли я сегодня, когда у меня все это есть? Несомненно! Во всяком случае, лишиться Интернета было бы для меня большим несчастьем. Умберто Эко посвятил одно из своих эссе рассуждению на тему, как было бы клево жить после ядерной катастрофы и читать внукам Диккенса на ночь при свете лучины. Но сеньор Эко так невообразимо эрудирован, что мог бы, пожалуй, читать Диккенса внукам и наизусть, в темноте, а также (ну, тут уж правда без лучины не обойтись) написать еще пару интеллектуальных бестселлеров, пересыпанных цитатами из мировой литературы и точными реконструкциями событий из мировой истории. Единственное, чего реально не хватало бы болонскому мудрецу после ядерной катастрофы, это возможности издеваться в еженедельнике «Панорама» над своим любимцем Берлускони.

Как бы там ни было, Умберто Эко Интернетом пользуется. Я же знал двух выдающихся людей, которые не то что Интернетом – пишущей машинкой в жизни не пользовались. Это поэт Михаил Генделев и философ Александр Пятигорский.

У Генделева была концепция «гигиены творчества», он даже иврит не учил, чтобы не интерферировал с русской поэзией; а уж осваивать компьютер... мы рисковали бы остаться без его стихов. Пятигорский держал позу человека старомодного, со странностями, немного даже inferнального. Оба они писали только от руки, хорошо еще хоть не перьевыми ручками.

Какие бы позы ни выбирали мэтры, чтобы оправдать свой отказ от столь важного и глобального достижения цивилизации, я могу, кажется, догадаться, почему они так ревностно оберегали себя от Всемирной паутины. Все дело в том, что с появлением кибернетики и быстродействующих счетных машин смешались два фундаментальных понятия: знание и информация.

Поначалу такой путаницы не было. Кибернетики относились к информации утилитарно: либо 0, либо 1 – вот вам и бит информации. Я не стану сейчас подробно проследить тот путь, на котором информация и знание стали восприниматься как синонимы, но отмечу только, что эта трагическая путаница произошла благодаря вычислительной теории. Головокружение от ее успехов продолжается по-прежнему. Причем иллюзиями тешат себя не только обыватели, но и исследователи. Все вместе они ждут не дождутся создания искусственного интеллекта. Но ведь прекрасно знают, что ни одна машина не выдерживает тест Тьюринга^[1]. И это только цветочки: ни одна машина не умеет распознавать образы. Вернее, умеет, но настолько плохо, что нам в Интернете часто предлагают для перехода на страницу ввести набор искаженных знаков: машина их не узнает.

Я приведу наглядный пример, чтобы объяснить разницу между информацией и знанием. Ребенок учится играть на пианино. Преподаватель дает ему объяснения, передает знания. Сколько битов весит фраза: «А вот здесь надо играть, как будто вышло солнышко»? Эта фраза весит бесконечно, потому что у машины отсутствует свободное метафорическое мышление. И это – принципиальная граница между информацией и знанием.

Почему-то нам трудно согласиться с тем, что количество не всегда переходит в качество. В XIX веке салонной страшилкой была «тепловая смерть Вселенной». Термодинамика была в моде, а одно из ее начал утверждает, что в замкнутой системе энтропия постоянно увеличивается. Парадокс решался просто: следовало всего лишь обратить внимание на слово «замкнутая». В действительности таких систем не бывает. Но Роберт Максвелл не хотел дать публике расслабиться и придумал следующий парадокс.

Представим себе сосуд, разделенный на две части, со створкой нулевой массы посередине. В сосуде находится газ какой-то изначальной температуры, одинаковой для обеих половинок. Теперь мы

берем и сажаем рядом со створкой «демона», который выпускает в одну часть сосуда быстрые молекулы, а в другую – медленные. Ясно, что через некоторое время температура в одной части сосуда станет выше, чем в другой. А ведь на систему никто изнутри не влиял.

Этот парадокс разрешается так: чтобы определить скорость молекулы, демон Максвелла должен на нее посветить, то есть потратить энергию. Система, таким образом, не замкнута.

А что мешает нам сегодня обрести всю полноту знаний, собранную в Интернете? Я назову эту помеху «демоном Карива»: для того, чтобы узнать, нужна ли нам эта информация, нужно ее прочитать, то есть потратить время. И это время, уходящее на демона Карива, довольно существенное. Мы тратим очень много времени на обработку информации, чтобы получить относительно немного знания.

Мой друг, король интернет-рекламы и к тому же писатель, считает, что творить нужно на пишущей машинке, чтобы не отвлекаться на Интернет. Потом он решил, что еще лучше будет пером, купил чернильный прибор, но пока не освоил.

Производились какие-то подсчеты, за сколько лет столько-то обезьян, стучащих наугад по клавишам, напишут «Анну Каренину». Не помню ответ, но ощущение, что уже написали. Каждая обезьяна напечатала по несколько нужных слов. Информация есть. Чтобы склеить роман, нужно знание.

В нашу эпоху существует два вида знания: информационное и метафорическое. Информационное – это то знание, которое можно ввести в компьютер. Метафорическое в компьютер ввести нельзя. Более того, некоторые виды метафорического знания требуют личного контакта между учеником и преподавателем. Танцевать с помощью видеокурса еще никто не научился.

Но я все равно счастлив. И готов рыться в мусорном баке и тратить время, лишь бы иметь возможность находить то, что мне нужно, – знания. И жаль, что не существует брошюрок: «Демон Карива. Инструкция по эксплуатации».

***И** **Çàäääy äîîðîîî îäääèî îî óîîîîîîî èèè, îèèîî äîîîîîîîîîî; èòî îî: -äîîîè èèè**
î äèèîä*

– Воскрешение всех мертвых людей? Зачем их воскрешать? Как же тогда всех прокормить? На всех еды не хватит.

– Хватит. Я считал. Поскольку популяция растет в геометрической прогрессии, оказывается, что основная масса человечества жила на планете в двадцатом веке. Если воскресить всех когда-либо живших на Земле людей, то они легко поместятся на территории Москвы, в пределах Кольцевой автодороги. Если каждому выделить круг диаметром полметра, то все встанут и спокойно будут стоять, не толкаясь, каждому хватит места.

– Москва такая большая?

– Тридцать пять километров в поперечнике. Но все поместятся.

Популяционная генетика привлекает мощнейший современный математический аппарат для построения модели, с помощью которой можно было бы восстановить всю генетическую информацию о предках данного индивида. Дело в том, что соматическую часть содержит только около 4% генома: с ее помощью можно «реконструировать» тело. А остальные 96%, вполне возможно, содержат необходимые данные, которые позволят расшифровать генетическое содержание всех предков конкретного человека, – подобно тому, как аналитическая функция может быть вся целиком восстановлена по значениям в небольшой окрестности своего аргумента. Не исключено, что человечество скоро научится осмысленно читать послание, протянутое нам Творцом через тысячелетия эволюции.

Химик Илья Пригожин получил Нобелевскую премию за ряд выполненных в 1947 году работ, объяснивших существование неравновесных термодинамических систем, которые при определенных условиях, поглощая вещество и энергию из окружающего пространства, могут совершать качественный скачок к усложнению своей структуры; причем такой скачок не может быть предсказан, исходя из классических законов статистики. Работы Пригожина в принципе обосновали возможность диссипативных структур приобретать более сложную организацию и таким образом предьявили научную основу для объяснения возникновения жизни на планете.

В то же время – вне рассуждений о материальном воплощении души – наука задается вопросом о том, что происходит в момент смерти такой сложной с биологической и биохимической точки зрения структуры, как живой организм. Дрозды углерод разнесут по пустырю, по перелетным своим путям. Апельсиновые деревья вознесут его в кроны. Но куда денется энергия, выделяемая при разрушении живой структуры? Куда отправятся эти килоджоули? В ноосферу? Или в закат, как мне казалось тогда, двадцать лет назад, на окраине Реховота? В космос? Поступят в недра какой-нибудь звезды? Черной дыры? В пучину межзвездного газа? Каково именно так – горсткой фотонов – кануть в вечность? Как потом интересно будет воскреснуть!

— А как ты отнесся к не менее легендарному оформлению книги, сделанному Борисом Жутовским? Верно ли он выбрал художника для обложки — Эндрю Уайета? Мальчишка-то хоть «тот самый»?

— Я был в ужасе от перевода и в восторге от обложки. Я не верил, что такое попадание возможно. С другой стороны, это было мое личное ощущение. Ведь у меня был альбом Эндрю Уайета, и я знал те чувства, которые рождает его живопись. Я уже любил те удивительные, буддийские состояния, которые испытывал вместе с героями его картин — одинокими, но при этом не несчастными людьми. Да, Уайет близок Сэлинджеру тем, что ты живешь внутри его героев. Переживаешь их состояния вместе с ними. Этот мальчик на обложке — это Холден, который осуществил свою мечту. Он уехал.

— Голливуд и литература — дорога с интенсивным движением в обе стороны. Два примера: «Запах женщины» и «Криминальное чтиво», в первом обыгрываются мотивы «Над пропастью во ржи», во втором есть прямые аллюзии на рассказ «Посвящается Эсме» — знаменитая сцена с часами погибшего на войне отца по-тарантиновски пародирует Сэлинджера. Говорит ли это о том, что для американцев уход из жизни писателя ничего не изменил, — как был классиком, так и остался?

— Это говорит прежде всего о том, что образы Сэлинджера вошли в обыденное американское сознание настолько глубоко, что их можно обыгрывать напрямую, без дополнительных объяснений. Ну, как у нас Пушкин... Вообще же «Над пропастью во ржи» — удивительно кинематографичная книга. Читая ее, ты видишь этот город, этих людей и этого героя. Ты слышишь их. Другой вопрос, что *такой* книге сложно найти адекватную режиссерскую и актерскую величину, особенно сейчас. Хотя случаи успешной экранизации книг с подобным эмоциональным накалом бывали — вспомни «Чучело».

Год без Сэлинджера показал, что образы, созданные им, не стерлись и прочно вошли не только в американское сознание. И все-таки в России он остается автором романа/повести «Над пропастью во ржи», с его пронзительной темой перехода-взросления. Сэлинджер таинственных «Девяти рассказов», древнеиндийских метафор сегодня мало кем воспринимается всерьез. «Куда улетают утки?» — знаменитый дзенский коан, вопрос, задаваемый учителем ученику, — естественно, не для того, чтобы получить ответ. Как и вопросы, заданные нам Сэлинджером, не из тех, на которые отвечают.

1 февраля

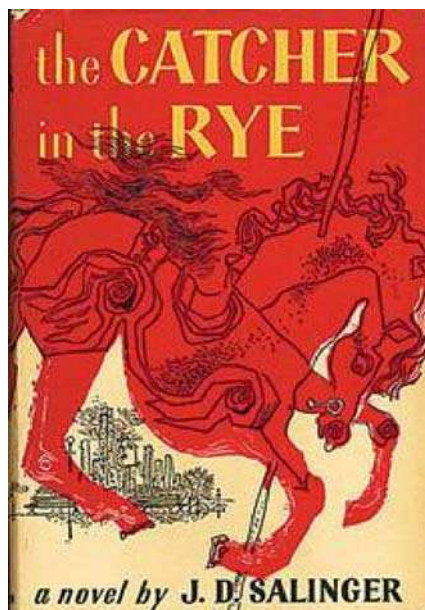
РАЗГАДКА СЭЛИНДЖЕРА

Аркан Карив

Этот текст я посвящаю Ричарду Кинселлу, мальчику из романа «Над пропастью во ржи»: «Он никак не мог говорить на тему, и вечно ему кричали: “Отклоняешься от темы!” Это было ужасно, прежде всего потому, что он был страшно нервный – понимаете, страшно нервный мальчик, и у него даже губы тряслись, когда его прерывали, и говорил он так, что ничего не было слышно, особенно если сидишь сзади. Но когда у него губы немножко переставали дрожать, он рассказывал интереснее всех».

Ἰῶδδῖο Ἄε. Ἄ. Νῦεῖῖ ἄεῶδᾶ Νῖεῖ ἰε ἡᾶεῖ ἄῖ ἄδᾶῖ ὕ-ὀᾶῖ εὐ ἄᾶδῖ ὀῖ ὀῖ ἄῖ ἄ «Ἰ ἄῖ ἰ ὀῖ ἄᾶ ὀῖ ἄῖ ὀῖ ἄῖ» 20 ἰ ἰ ἡᾶ ὀῖ 1952 ἄ ἄ ἄ ἄ ὀῖ ὀῖ ἄ Ἰ ὀῖ-Ἰ ὀῖ

Ἰ ἄῖ ἄεῶ ἄ ἰ ἄᾶ ἄ ἄ ὀῖ ἄῖ «Ἰ ἄῖ ἰ ὀῖ ἄᾶ ὀῖ ἄῖ ὀῖ ἄῖ» Ἄε. Ἄ. Νῦεῖῖ ἄεῶδᾶ Ἰ ἄεῶ Ἰ εὐ-ἄεῶ. 1951 ἄ ἄ

Эндрю Уайет. Сын Альберта.

1959 год.

Национальная галерея в Осло

Меня одолевает огромное искушение писать в жанре «Мой Сэлинджер». Рассказать, как в юности я впервые прочел его в переводе Райт-Ковалевой, а на обложке была картинка «Сын Альберта», очень, кстати, подходящая; как потом я читал его по-английски в рассыпающемся американском издании и как первый раз ко мне пришло ощущение, что я люблю и понимаю английский язык. Еще я мог бы похвастаться, что читал «Над пропастью» на пяти языках, и, кстати, иврит единственный из всех перевел название буквально: «Тафсан бе-сде а-шифун», если кому интересно. Потому что по-итальянски, например, роман называется «Молодой Холден», а по-испански и того хлеще: «Таинственный охотник».

Но я не стану писать в жанре «Мой Сэлинджер». Лучше буду отклоняться. Поотклоняюсь туда-сюда и, если повезет, сумею пролить свет на так называемую «загадку Сэлинджера». И, как заправский фокусник, снисходительно раскрывающий в конце представления секрет кунштюка, продемонстрирую широкой публике, что мастер ни в чем не перешел естественных законов бытия. Нет никакой загадки. В этом разговоре я исхожу из того, что читатель знаком с текстами, а если нет – попрошу его поскорее это сделать, как Симор просил свою глупенькую жену Мюриэль выучить немецкий и прочесть Рильке, потому что это – единственный великий поэт нашего века.

Холден Колфилд, герой главного романа Сэлинджера, разобран критикой со всех возможных ракурсов. Чаще всего в нем видят подростка-невротика, болезненно воспринимающего действительность. Пишут об этом – с той или иной степенью сочувствия – взрослые дяди и тети, которые давно уже нашли ответы на все те проклятые вопросы, которые мучают героя. Поэтому, отдавая дань его духовному поиску, они боятся признаться себе, что нашли не ответы, а компромиссы.

Дяденьки и тетеньки ставят ему различные диагнозы; некоторые даже строят предположения о его дальнейшей судьбе – говорят, что не станет Холден долго ловить детей над пропастью во ржи, потому что вскоре ему надоест и он просто уйдет. Единственный в романе «хороший» взрослый, мистер Антолини, умный, пьющий, искренне пытающийся помочь Холдену, ставит его перед былинной развилкой: «Может быть, ты дойдешь до того, что в тридцать лет станешь завсегдаем какого-нибудь бара и будешь ненавидеть каждого, кто с виду похож на чемпиона университетской футбольной команды. А может быть, ты станешь со временем достаточно образованным и будешь ненавидеть людей, которые говорят: “Мы вроде вместе переживали...” А может быть, ты будешь служить в какой-нибудь конторе и швырять скрепками в не угодившую тебе стенографистку...»

Но ни критики, ни мистер Антолини не желают отдавать себе отчета в том, что ни до какой взрослости Холден, конечно же, не доживет и не придется ему швырять скрепками в стенографистку. Он погибнет так же, как это случилось с Симором – героем эпоса о Глассах, покончившим с собой во время

ПРИНЦ ДАТСКИЙ И НЕПОНЯТОЕ КИНО

Анна Исакова

«Нет ничего ни хорошего, ни плохого, размышление делает все таковым», – сказал Гамлет. Прекрасная фраза, написанная на рубеже XVI–XVII веков и, казалось бы, на все времена. Но времена и люди меняются. На смену индивидуальному размышлению пришел менталитет.

Кадр из фильма М. Калика «До свидания, мальчики!».

1964 год

Нет такого оценочного критерия, который бы не ввел в это понятие тот или иной автор. Менталитет формируется историей и интерпретацией истории, социальными константами и социальными переменными, а также психическим складом личности, как, впрочем, и коллектива, в котором данная личность формируется. Кроме того, он включает долгосрочную информацию, переданную через века самыми различными способами, в том числе и вышеприведенной строкой Шекспира, а также разную белиберду, на основе которой, кстати, мы чаще всего принимаем самые судьбоносные решения.

Менталитет, являясь панобъяснением и паноправданием для всего на свете, в состоянии заведомо оправдать Гамлета, какое бы решение тот ни принял. Это лишает смысла как нравственные страдания датского принца, так и саму пьесу. Тем не менее мы живем в такой пьесе и вряд ли сумеем преуспеть, если не согласимся приспособиться к ее требованиям.

Привыкнуть к подобной ситуации можно, оправдать ее сложнее. Вот ведь и во времена Шекспира добрые или дурные побуждения и действия героя приписывались не ему, а ангельскому вмешательству или дьявольской силе, как ныне они приписываются менталитету. Особость Шекспира в том и состояла, что он перенес ответственность за добро и зло с небес и из преисподней на землю, передав право выбора самим героям, и тем самым постановил, что вина или заслуга индивидуума принадлежат ему одному и никем не могут быть искуплены или присвоены.

Со времен Шекспира и до середины XX века эта идея, получившая название гуманизма, превозносилась как самая прогрессивная за всю историю человечества. Затем, переосмысленная и заново сформулированная Кьеркегором, она подчинила себе интеллектуальную мысль Европы вплоть до середины XX-го. А к концу этого века так рассуждали уже только одиночки. Ведущие позиции к тому времени завоевал менталитет, убеждение в том, что все, происходящее с Иксом или Игреком, является не столько плодом их активной жизнедеятельности, сколько результатом воздействия, осуществляемого обществом, родителями, школой, государством, историческим периодом, географическими координатами, политическим режимом, количеством солнечных дней в году и даже продуктами питания. А поскольку контролировать эти факторы ни Икс, ни Игрек не могут, нет на них никакой вины и нет у них особой заслуги.

***Внезапно I едн ед Евреи
I à: ài 2000-ó à à***

– А вообще, – говорит Лорд, осторожно подбирая слова, – гравитация сейчас работает не в пользу русской культуры. Это в ранние послевоенные годы русская культура пользовалась в Израиле и в мире большим авторитетом, а сейчас мы все тянемся к американской культуре. Может быть, поэтому я уже 20 лет пытаюсь понять, о чем говорят фильмы Алексея Германа, тогда как фильмы Никиты Михалкова для меня просты и понятны.

Далее Лорд напоминает мне про Славу Цукермана, приехавшего в Израиль примерно в одно время с Каликом. Поработав на израильском телевидении, Цукерман уехал в США, где поставил фильм «Жидкое небо», ставший для американцев культовым.

– Каким-то образом, – постулирует Лорд, – Цукерман сумел проникнуть в самый центр нью-йоркского художественного авангарда и снял о нем фильм, используя эстетику панка. А успех обеспечен иностранцу только в том случае, если он не пытается диктовать местной культуре свои условия, а готов усвоить ее художественный язык.

Очевидно, Лорд прав, и успех произведения искусства сегодня обеспечивается приспособлением творца к местному менталитету. Только мне кажется, что Цукермана это не касается. Трудно сказать, какой авангард вдохновил режиссера на ставший культовым в мировой культуре фильм – нью-йоркский или второй русский. По бесшабашности и накалу страстей, как и по мироощущению, художественному языку и символическим элементам, они весьма близки – как друг другу, так и самому режиссеру.

А Калик хотел говорить с израильянами о еврейских и израильских проблемах. Ни у одного пришельца из галута такого творческого разговора на равных не получилось. Ни до Калика, ни после него. Успех приходил тогда, когда пришелец готов был удовлетвориться очень периферийной для Израиля тематикой – проблемами эмигрантов, например, или этническими проявлениями. Или когда определенный творческий жанр вообще оказывался тут не разработанным, а у пришельца хватало сил и упорства изначально выстроить ситуацию, что называется, «под себя». И ведь нельзя сказать, что израильская культура отгораживается от чуждых влияний Китайской стеной. Порой даже кажется, что она воспринимает эти влияния в ущерб собственной аутентичности.

Значит, все дело в «гравитации», силе притяжения модной или доминантной культуры. В настоящий момент массовая культура во всем мире следует американскому образцу, тогда как сама американская культура тяготеет к кассовому успеху, то есть к массовому зрителю. Следовательно, успех и неуспех фильма зависят от подчинения режиссера воле зрителя, а не от результата размышления, как уверял нас Гамлет, принц датский.

– В Одессе прекрасный климат. Там есть зима, чего нет в Израиле, и есть жара, что есть в Израиле; то бишь мы наблюдаем разные породы таких, скажем, евреев: есть зимняя порода – пушистые «зимние» евреи, есть летняя – голые «летние». В Одессе есть и те и те, потому что климат такой. Там даже есть еще «осенние», мокнущие под дождем. К сожалению, сейчас населения немного в этих квартирах поселилось, я имею в виду те квартиры, которые освободили евреи, те евреи, которые эмигрировали. Почему-то именно милиция заняла эти квартиры. Видимо, они были среди первых, кто знал, что освобождаются эти квартиры. Евреи двигаются в поисках заработка. У меня было наблюдение такое: когда все сидели в Одессе, они считали, что в Одессе надо вкалывать, а где-то деньги сами текут. Но когда приехали туда, оказалось, что там надо вкалывать, а в Одессе деньги текут! И поэтому эмиграция вечно смотрит в другую сторону. Как я говорил в последней передаче, евреев давить не надо, они, как тесто, начинают вылезать в промежутках, любые промежутки использовать. (Не надо давить – и не будем их видеть.) Евреев в населении всегда меньше, но в каждой отдельной отрасли – больше. Такое вот парадоксальное существование. Именно потому, что давят, и получается заметное появление.

– В Одессе хорошо! А как в Москве?

– Неохота отвечать на этот вопрос. Не имею права, понятия не имею, что сейчас представляет собой россиянин. Могу только сказать, что это забитое информацией существо. Что произошло с людьми? Вал информации, иногда честной, иногда нет, чаще нечестной, которую потом человеку надо внутри себя перепроверять. А он не привык. Он привык к тому, что либо получает лживую – жизнь от государства, либо в виде фельетонов – нечто правильное, правдивое, что уже не надо проверять: есть органы, которые проверят, а он прочтет проверенные факты, и кого-то накажут... Раньше человек был удовлетворен, была возможность получить непосредственно факт наказания, факт опубликования и наказания. После того как это все исчезло, – море информации. А как я должен реагировать на вопрос о парламенте? Мой замечательный знакомый Алеша Баталов сказал: «Будет другая власть – будем мельче резать картошку».

– То есть наступила другая жизнь? На что она толкает нас, эта другая жизнь?

– Нет у нас сил уже. Граждане все-таки перевозбуждены, «перегружены» добычей денег. (Сейчас нужны ведь только деньги.) Граждане видят жизнь, которая «вот уже». Сейчас страшный соблазн... «Товарищ мой живет другой жизнью, а я еще нет». Мысли эти толкают на все. На убийства, на воровство, на

все что угодно. Гражданин видит, что другой гражданин уже разъезжает на машине, видит, что его мечта уже стоит в витрине, тогда как раньше ее не было. Вернее, она была, но только в газетах. Вот будет коммунизм – непонятно как выглядящий, должно быть, как рай. До сих пор люди не могут объяснить, что такое рай. Ад – понятно, ну, поджаривают, ну, мы сидим, ну, что-то вроде нашей жизни сегодня. А рай – что-то такое непонятное; самый лучший писатель, Данте, ад описал, а на рай... не хватило у него...

– Мутирует понятие счастья – из-за этого?

– И я не могу рай описать. Что это такое – рай? Что такое коммунизм? Компартия не могла описать, церковь не может. Мы только знаем, что такое ад. Поэтому мы не видели той жизни, которая могла быть при коммунизме, видим ту, которая сейчас. И спрашивать у замороченных слушателей, как вы сейчас, что вы сейчас? Тяжело. Они слышат эти бесконечные опросы населения – ну, сейчас действительно мы все имеем возможность высказаться. Легче стало нам жить? Нет. Сейчас мы все можем в «Культурную революцию» попасть, в «Домино», в «Большую стирку». Легче стало жить? Нет! Большие экраны сделали нашу жизнь счастливой? Нет. Хорошие автомобили? Нет. Сейчас что-то другое.

– Ну должно же быть что-то положительное во всем случившемся с нами.

– Главная заслуга новой России – появление разных людей. Все мы тогда не были разными. Разными были только самые талантливые, те, кто мог говорить. Остальные «мы» эшелонами оправлялись на стройку, возвращались эшелонами. Оправлялись эшелонами на фронт, эшелонами в тюрьму. У нас была в основном «эшелонная жизнь», жизнь в грузовых эшелонах. Это была наша жизнь. Доезжали до места – встречал конвой. В любом случае это был конвой. Даже если это был руководитель райкома комсомола, главный концлагеря, командир батальона – всегда встречал конвой. Вы прибывали на место, а вас уже встречал конвой, даже если вы шли на работу, в казармы, на войну... Вы были одинаковыми по чину. И по мыслям. Сейчас вы разные. Это главная заслуга новой жизни. От разных людей требовать чего-то, по-моему, трудно. Они и будут по-разному жить.

– Но этого же немало?

– Немало. Но все жалуются. Жалуются все. Они сегодня все говорят: «Мы плохо живем», они поют: «Мы плохо живем», кричат, выставляют лозунги, они всеми возможными способами говорят: «Мы плохо живем». Я хочу, чтобы таких людей было как можно меньше, пусть количество обеспеченных будет все больше и больше и меньше тех, кто кричит: «Мы плохо живем». Это единственное, что я могу пожелать.

Создание Бунда стало предтечей появления общероссийской Рабочей социал-демократической партии. В эту партию должны были войти не отдельные кружки, а уже сложившиеся объединения в Литве, Белоруссии и Польше, при этом они действительно не называли себя партией. Если такое и могло случиться, то разве что в промежутке, когда Бунд выходил из РСДРП. Бундовцы рассматривали себя как часть интернациональной Социал-демократической партии, объединявшей рабочих разных национальностей из всех регионов России. Об этом было сказано даже в тот момент, когда Бунд из организации меньшевистской перешел в большевистскую. Другое дело, что условия Бунда не были приняты, потому что Бунд хотел сохранить свое название. С самого начала, с Первого съезда РСДРП, Бунд рассматривал себя как автономную часть единой партии. Поэтому такой же остается и позиция составителей. Так что это не просто домысел ведущего рубрики.

Составитель, автор и редактор книги «Бунд: Документы и материалы 1894–1921»

Èñààé Ðí çáí ò àèüü

Вы читали? *Давид Маркиш. Эффект Либермана // 2010. № 12*

Реакция. В статье следовало сказать, что в своем выступлении г-н Либерман отразил точку зрения своей партии НДИ, но отнюдь не правительства и не премьера Нетаньяху!

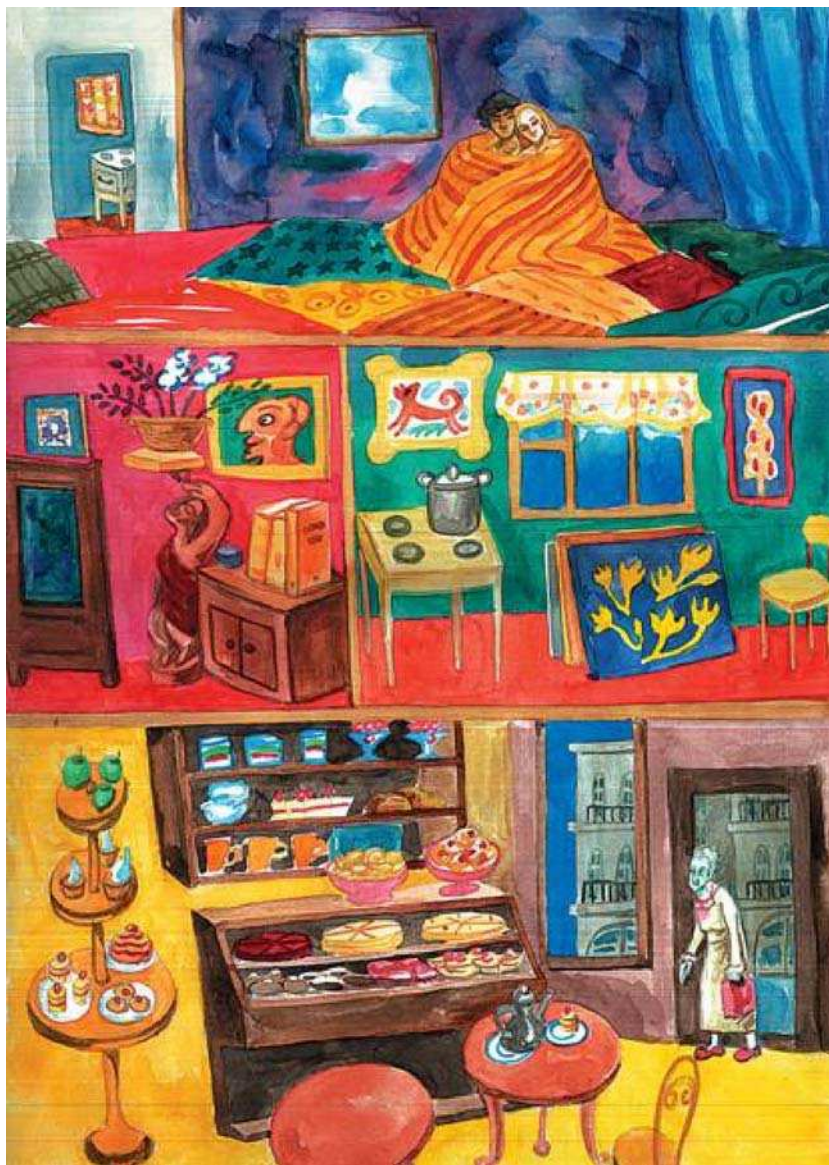
Редкий случай, когда министр иностранных дел с высокой трибуны ООН не выражает позиции своей страны и правительства. Таковы реалии Израиля, который не отошел еще от местечковости.

Abram,

Tel-Aviv

РАССКАЗЫ

Рעעײַ אַײַט

אײַ אײַ עֶ אַ-אַײַ עֶ יִ דײַ יִ װאַײַ

Жоjo не любил окружающих, а окружающие не любили Жоjo. Тем не менее к сорока годам он обзавелся и женой, и тремя детьми и сумел выстроить процветающее дело – булочную-кондитерскую с выпечкой на месте. Дело окупало себя и давало сносный доход. Хрустящие булочки и влажные, пропитанные сахарным сиропом пирожки и пирожные, выпекаемые у Жоjo, нравились прохожим, они не могли удержаться, надкусывали мягкое жирное тесто, не отходя от прилавка, и уходили, жуя и облизываясь. И у Жоjo была мечта. Если бы расширить помещение метров на пять в глубь дома, пекарню можно было бы задвинуть туда, а с фронта очистилось бы место, чтобы устроить стойку и несколько столиков, подавать кофе с булочками, вложения невелики, а дело приняло бы совсем иной оборот. Прохожие очень любили стойки с кофе эспрессо и булочек покупали бы больше – и на месте съесть, и с собой взять.

Но углубиться внутрь никак было нельзя – там, за стеной пекарни, в незаконном темном углу, образовавшемся неясно как при строительстве дома, жила упрямая одинокая старуха. Угол этот разрешил бы все проблемы Жоjo, в нем были даже кран и унитаз, значит, имелись водопровод и канализация. Но старуха, жившая там незаконно, но очень давно, предъявляла Жоjo за свой угол совершенно непомерные

Конечно, сон его был чистый вздор. Когда старуха явилась в очередной раз, Жожо, не взглянув на нее, пошел в глубь лавки, распорядиться, чтобы старухе больше ничего не давали. «Захочет – пусть покупает, как все», – сказал он своему молодому помощнику, который еле заметно пожал плечами и опустил глаза.

И тут раздался раздирающий уши грохот. Жожо обернулся и увидел, что у входа в лавку расцвел гигантский красно-синий огненный куст. Его толкнуло в грудь, бросило на помощника, все заволочло дымом, оба они упали на пол, и на них посыпалось стекло витрины и стоявшие внутри кондитерские изделия.

В результате самоубийственного акта молодого арабского солдата Священной войны (их немало происходило в ту пору в нашей стране) погибли двое покупателей, входивших в лавку Жожо, трое прохожих, которые войти и не собирались, и старуха, не зная, что ей тут больше ничего не дадут. Ее нашли под большим подносом с клубничными тарталетками, край металлического подноса ударил ее прямо в переносицу. Одному продавцу оторвало кисть руки и пробило в нескольких местах череп гайками и гвоздями. Жожо и его помощник отделались ушибами и порезами.

Лавка пострадала очень сильно, пришлось закрыться на целый месяц. Это был серьезный убыток, но благодаря страховке и пособию от государства Жожо без труда перенес пекарню, куда давно хотел, тем легче, что стена, отделявшая лавку от темного угла, неизвестно как образовавшегося внутри большого здания, растрескалась от взрыва.

И он не только перенес пекарню, но и поставил столики, и выстроил стойку с высокими табуретками, и люди сидели там и пили кофе эспрессо с влажными маслянистыми пирожными и не боялись, потому что, говорили они, в одну воронку бомба дважды не падает.

Ñ×ÀÑÒÈÈÀÛÉ ÔÓÁÎÆÍ ÈÈ

Художник жил много лет в старой квартире, переполненной плохими картинами.

Квартира была довольно большая, но за долгие годы художник устроил в ней столько перегородок, полок и стеллажей, чтобы хранить свои накапливающиеся работы, что она превратилась в лабиринт, сквозь который даже он сам пробирался с трудом.

ΔΕΛΤΑΙ ΟΝΟΜΑΤΑ ΕΝΟΜΑΤΑ

На втором этаже недостроенного дома поблизости от рынка два бомжа развели маленький костерок и грелись. Стояла весна, и дни были жаркие, а ночи, как положено в Иерусалиме, холодные. Была еще не ночь, но бомжи знали, что сюда даже днем никто не заглянет, стройка уже давно стояла пустая и тихая, и бомжи часто и безнаказанно ею пользовались.

– Ты чего сегодня такой трезвый? – спросил один другого.

– Думать хочу, – ответил второй.

– А жрать?

– И жрать хочу. У тебя чего?

Поели что было, а было порядочно. И пиво было, только теплое.

– Я как раз люблю теплое, – сказал второй.

– Что в тебе ценно, – ухмыльнулся первый, – все у тебя не как у людей. А о чем думать?

– Как жить дальше. Хочу организовать нашу жизнь. Спать на простынях, есть из тарелки.

– Круто, – сказал первый. – Чего думать-то? Иди просись к Глазеру, у него и простынки, и тарелки, какая проблема. А там на биржу труда, пойдешь на стройку корячиться, хрена-то. Только меня считай в аут.

– Нет, в детский сад не пойду, мое воспитание закончено. А стройка – вот она, куда еще ходить.

– Фимка, ты чего? – недоуменно спросил первый.

– Ничего. Тут буду работать. И ты будешь. Днем разбежимся, как всегда, а по вечерам работать. Сделаем порядок и человеческую жизнь.

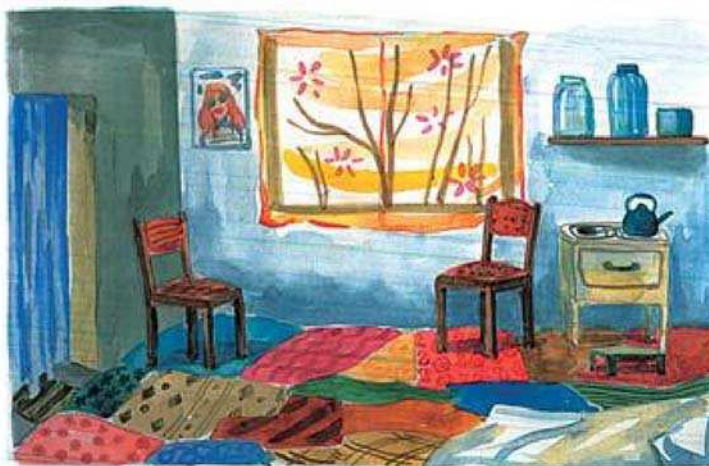
И так и стало.

Фимка с приятелем Гошей жили так уже около двух лет. Как получилось, что они выпали в осадок из общепринятого человеческого устройства, это отдельная тема, каждый по-своему. Скажем только, что с остальной бомжовой общиной они никак не смешивались, потому что Фимка не любил общества.

и в несколько дней они состегали два пухлых, многослойных и многоцветных ковров. Обе комнаты сразу преобразились, по коврам было и ходить приятно (только босиком! – предупредил Фимка), и спать на них мягко. Из рваных простыней Фимка выбрал какие получше, не поленился постирать их дважды и расстелил в обеих комнатах в спальнях углах. На пустые оконные проемы он набил туго натянутые полупрозрачные разноцветные тряпки, и комнаты заиграли радужными зайчиками, как от витражей.

Ну, разве плохо, спросил он умученного трудами Гошу, и Гоша согласился, что неплохо. Погоди, то ли еще будет, сказал Фимка, и они продолжали собирать посуду и всякие вещи для дома, подобрали два стула и скамеечку и даже двухконфорочную газовую плитку, древнюю и толсто заросшую жирным коричневым налетом, но совершенно пригодную. И снова Фимка заставил Гошу потратить деньги не на пиво и другие радости жизни, а на небольшой газовый баллон, который тому же Гоше пришлось и тащить. Будем питаться, как люди, сказал Фимка, на что Гоша неслышно выругался, а вслух пробормотал: вот именно что у тебя все не как у людей.

Даже проблему водоснабжения и туалета они решили. Воду таскали из крана на рынке, в подобранных там же десятилитровых пластиковых бидонах из-под солений. А под уборную Гоша предложил пустить одну из недостроенных квартир, подальше от своей. Но Фимка сказал – еще чего, мы не свиньи в доме срать. Кто это тебе внушил, что не свиньи, мрачно спросил Гоша. Папа с мамой, ответил Фимка и велел ходить в темный, заваленный строительным мусором двор, в вырытый там небольшой котлован, да еще присыпать за собой этим мусором. А зимой, спросил Гоша. А до зимы еще дожить надо, резонно заметил Фимка.

И стали жить как люди. Даже Гоша признал, что в этом что-то есть.

Однажды, нежась на своих чистых простынях во время жаркой полуденной сиесты, они услышали под окнами разговор. Женский голос, часто повторяя иностранное слово «джентрификация», с увлечением толковал, какие тут будут замечательные квартиры, как дешево продаются, и вообще замечательный квартал. Мужской в ответ неопределенно хмыкал.

– Это чего, джентрификация? – спросил Гоша из своей комнаты.

– Лажа, – мрачно ответил Фимка.

– Нет, правда.

– Облагораживать будут квартал.

– И что?

– А то, что квартиры недостроенные хочет продавать.

– И нашу? – испугался Гоша.

– За нашу не бойсь.

И в самом деле. В дом стали захаживать посетители – квартирные агенты и потенциальные покупатели. Неловко лазили по стремянкам, с опаской выглядывали на неогороженные балконы. Осматривали в основном более законченный первый этаж, но некоторые взбирались и на второй. Однако в квартиру бомжей ни разу никто не заглянул, хотя в дверном проеме висела только занавеска. Проходили мимо, не замечая, словно этой квартиры и ее обитателей не было вообще. Гоша, если был дома, с приближением посетителей поспешно смывался, а Фимка лежал себе на своем месте и читал найденную на помойке книжку.

В конце концов несколько квартир продались, у подрядчика появились деньги и кредит, и он стал достраивать. А квартиру бомжей так никто и не трогал. Гоша волновался, требовал, чтоб уходить. Но Фимка говорил, сиди спокойно. И кто знает, как долго они бы там еще прожили, может, и всегда, но однажды Гоша привел на ночь девушку. Хорошую девушку, из практически нормального дома. Сколько раз говорил ему Фимка, нормальных людей в дом не водить, но Гоша не удержался, у него пошла любовь, а к себе домой девушка привести его не могла. И мало того что привел, пожалел отправить ее восвояси среди ночи. И поскольку девушка была нормальная, утром ее увидели строители. И увидели, откуда она выходит. А тогда увидели и обитателей квартиры.

Пришла полиция, и бомжей вместе с девушкой забрали, не дав даже захватить вещи. Девушку тут же и отпустили, а Фимке с Гошей предложили пойти в приют для бездомных к Глазеру. И они согласились, и Гоше даже понравилось, во всяком случае временно, все-таки компания, он сильно устал от Фимки.

Фимка же пробыл два дня и ушел. Стал ночевать в темном подъезде большого запущенного дома, где другие бомжи ложиться побаивались из-за произошедшего там недавно теракта. Там чистоту и приличную жизнь устроить было невозможно, но Фимка и не собирался там задерживаться, а искал себе новое недостроенное жилье. И знал, что найдет скоро. Куда труднее было найти нового напарника – такие, как Гоша, на улице не валяются.

***À áèèàèèèàá àðàì ÿ á èçààòàèùòàá «Òàèñò/Èíèàéíèèè» àúéääò ñáòòíèé ðàññèàçáá Pèèè
Àéíáð «Ì àñòí àëÿ àèçí è».***

иерусалимец, после его смерти я эту картинку купила, она висит у меня. Ноги сами понесли к эстраде. Сажу на скамеечке с *prima*. В парке проходило детство трех поколений семьи: еще мои родители гуляли в нем, я с няней, потом я со своими детьми. Вспомнила один эпизод. Я шла и катила коляску с полуторагодовалой Лизой и встретила женщину с дефективной десятилетней дочкой. Женщина все повторяла с извиняющейся интонацией: «Девочка у меня немного несобранная». Та умела говорить лишь несколько предложений. Увидев Лизу в коляске, она стала непрерывно повторять: «А идише? Что она ела?» В ту пору у меня были всякие неприятные переживания, и встреча с таким несчастьем помогла мне отнестись к ним иначе.

Ἐν τῷ ὄσφρασι τῷ ἐραεὶ τῷ, ἰδεῖται ἐξ ἰνδιάνου, ἐξ ἐαεῖα ἰί αὐτὸ, ἐξ ἐαεῖα ἐν τῷ ὄσφρασι?

МУЖСКАЯ СИЛА

Синтия Озик

Вот вы не помните Эдмунда Сада, ну, конечно, молоды еще, а я с ним познакомился, когда он вовсе был Илья Садер, в бриджах, только-только с парохода из Ливерпуля. Да-с, чтоб помнить Эдмунда Сада, моим компатриотом надо быть, то есть я что хочу сказать – надо быть столетним. Человек, которому стукнуло сто шесть, всегда изолирован на умозрительной, можно сказать, Эльбе, притом на Эльбе, где Наполеоном и не пахнет, где след Наполеона так давно простыл, что трудноато себе представить даже, какую роль сыграл Наполеон, не говоря уже о его славе. Сурова и пуста страна изгнания, и жители ее (или, как нас, на нашем одиннадцатом десятке, точней бы называть – выживатели) до того редки, до того увечны, до того нетверды в недавней хронологии и не в ладах с вашими понятиями о великом, что нас и впрямь заносит, да, несет к отдельной, особой психике, ну и, по логике вещей, и флаг нам в руки. И ведь не то чтоб мы от вас отъединились, ну что вы, это вы сами от нас отпали, – с вашими луноходами, монолесками для рыбной ловли, булочками из водорослей, с вашим этим новым правописанием, которое никак не вытекает из происхождения слов, – и, все это прикинув, я даже, между прочим, не рассчитываю, что вы поверите в реальность той эпохи, когда простой, довольно темный человек мог достичь известности, какой у вас-то пользуются только негодяи, экспортирующие человеческие зародыши в пластиковых пакетах. Вот что, наверно, всего печальней для меня и для моих земляков по стране препре-престарелых: ваш полнейший отрыв от нашей славы, от наших великих.

Наши великие – о просто знаменитостях уж умолчим – повыпадали из ваших справочников и окончательно и бесповоротно канут в Лету, когда всех нас наконец-то растолкут в генетически воссозданное вещество – смешанное с рыбной мукой – отличнейший срочный антидот при радиационной передозировке; да, ненужная подробность, и к теме не относится, сам понимаю, но в таком трудном возрасте порой находит, знаете, и вдруг себя ловлю на эгоистической мечте о простом надгробии с моим выгравированным именем.

Все это он мне изложил быстро, кратко, без эмоций – как-то это было жутковато даже. В Америку он прибыл, он объяснил, ради работы. Я поинтересовался тем, какой он имеет опыт. Он снова помянул о факте ливерпульского зеленщика. Акцент у него был немыслимый, прямо акцентный винегрет.

– Едва ли такую подготовку мы сможем использовать в газете, – сказал я.

– Ну, чем богаты, тем и рады.

– А как ваша тетя относится к тому, что вы бросили ее одну?

– Она самостоятельная. Не пропадет. Будет, сказала, мне денежки слать, когда получится.

– Послушайте, а вам не кажется, что деньги должны бы идти в противоположном направлении?

– О, да у меня никогда не будет денег, – сказал он.

Меня передернуло от этого произношения – «деньэг», притом я имел ряд теорий относительно таких, извините за выражение, американцев, все, кстати, довольно нелестные, и одну он невольно подтвердил.

– Ничего себе – нацелились на успех! – сказал я.

И тут он в знак протеста улыбнулся, буквально ошарашив меня своей улыбкой – твердой, уверенной.

– О, на успех я очень даже весь нацелен. Вот погодите, увидите, – как будто мы с ним уже коллеги, давние и близкие друзья. – Только кем я лично хочу стать, – он прибавил, – те много денег не получают.

– И кто ж они такие?

– Поэты. Я всегда хотел стать поэтом.

Я рассмеялся, не мог сдержаться.

– Английским? Намереваетесь по-английски стихи сочинять?

– По-английски, ну. Я другим языком никаким и не владею. Теперь-то уж.

– И вы уверены, что владеете английским? – спросил я его. – Вас только тетя и учила, а тетю вашу не учил никто.

Но он меня слушал вполуха и не хотел со мной обсуждать свою родственницу:

– Вот почему я и желаю работать в газете. Ради контакта с печатным материалом.

– Можно книжки почитать, – буркнул я.

– Читал я кое-что, – он стыдливо потупился, – только ленюсь я. Голова у меня ленивая, зато быстрые ноги. Взяли бы меня репортером или наподобие этого, ноги бы мне как раз и пригодились. Я бегаю хорошо.

– И когда же, – спросил я голосом сардонического архангела, – вы будете сочинять свои стихи?

– На бегу, – ответил он.

Я взял его посыльным, и от души над ним поизмывался. Когда бы ни вручал ему листок для доставки в соседнюю комнату, напоминал о том, что вот, теперь он в контакте с печатным материалом и, я надеюсь, сможет этим воспользоваться для собственного творчества. Чувства юмора у него не было никакого, зато ноги оказались проворными, как он и обещал. Он был всегда на чеку, всегда стоял по стойке смирно, готовый пуститься вскачь. Всегда был само внимание, ждал. Стоит замершим зайчиком, смотрит, как пальцы прыгают по клавишам, и так он спешит цапнуть с валика листок, аж руки-ноги дрожат от нетерпенья, как будто производство будущих статей – акт чисто механический и регулируется шириной бумаги и скоростью машинки. Вырвет, бывало, страницу из авторской руки, мчится к столу редактора и неумолимо нависает над бедолагой, парализуя разбег его синего карандаша. «Так это и есть гранки? – спрашивает. – Это и называется держать корректуру? Что? “Гуманист” пишется с одним “эн”? А почему это? Если “гуманный” с двумя? И во “вселенском” одно “эн”? Но это же от “вселенной” образуется? А как рассчитывают шрифт для заголовка?» Невыносимый трудяга, зануда смертный. И месяца не прошло – из своих рубчатых бриджиков он перелез в замызганные брюки от стрьевщика, из огромного кармана которых торчал столь же огромный словарь, утративший свой переплет и почерпнутый из аналогичного источника: явно показная роскошь, поскольку никогда я не наблюдал, чтобы он с ним сверялся. Тем не менее мы его произвели в корректорскую должность. И таким образом его похерили. Усадили за сумрачный стол в темнице, погребли под километрами верстки и оставили одного – пусть сам откапывается как хочет. Печатники не подкачали, поставляя бесконечные очепятки и такого толка типографские дива, какие могли бы всерьез заинтересовать психиатра. Редактор отдела новостей взапуски гонял весь репортерский штат за происшествиями, соперничающими с Библией по части ужасов, всяческих мерзостей и секса. А он, и глазом не моргнув, кропотливо изымал второе «эн» из «гуманиста», преданно его внедряя во «вселенную» и скромной петелькой, в смысле «черкнуть», охлестывал те места, где синтаксическая фантазия автора непозволительно разбушвалась.

Когда я, подняв взгляд, поймал его на явном поползновении на мою машинку, я был уверен, что он вылез из своего погреба молить, чтоб его рассчитали. Ничуть не бывало, он меня снабдил двойной информацией: во-первых, отныне он будет называться Садам и как я на это посмотрю? И во-вторых, он только что написал свои первые стихи.

– Первые? – удивился я. – А я думал, ты все время их сочиняешь.

– О нет, – он меня заверил. – Я был еще не готов. У меня фамилии не было.

– А Садер не фамилия, нет?

Мой тон он оставил без внимания, почти как истинный джентльмен.

– Подходящей к языку фамилии, я имею в виду. Должна же она соответствовать, верно? Не то еще подумают, что я очковтиратель.

Я сразу опознал это слово из недавнего изделия, попавшегося ему в верстке, – моего собственного, если честно, заметки на два абзаца, про типа, который успешно сходил за брендмейстера, прикидываясь, будто бы он накоротке со всеми тайнами водопроводной системы, куда дотла не спалил пожарное депо, не сумев открыть кран. Произведение явно не ахти, но лучшее из того, на что я был способен; прочие парили ниже моих скромных достоинств, как ни старался я приукрасить свою

сравнительную скудость гирляндами отглагольных существительных и родительных падежей. Однако я подивился хватке, с какой он обогащает свой словарь – ливерпульская тетушка, я уверен, с ним не беседовала об очковтирателях, да еще по-английски.

– Послушайте, – выдавил он сипло, – разве ж я не понимаю, что вы меня наставили на путь. Я очень глубоко вам благодарен. Вы оценили мою слабость в языке и предоставили мне все возможности.

– Так ты доволен своей работой там, внизу?

– Мне б только свет на стол. Пусть маленькую лампочку, и все. А так – условия там замечательные, есть возможность о стихах подумать.

– Так ты не обращаешь внимания на то, что читаешь? – восхитился я.

– Конечно, обращаю. Я постоянно обращаю. И черпаю как раз свои идеи. В стихах ведь речь идет о Правде? Так? И вот недавно благодаря контакту с печатным материалом я узнал, что Правда порой бывает чудней любого вымысла.

Он это мне поднес как свежайшую новость, сорвавшуюся с уст богов. Тут-то и было главное его преимущество перед всеми нами: объяви ты ему, скажем, что такая-то фраза стара как мир, и он вытянет шею восхищенной черепахой и вскрикнет: «О, как это прекрасно сказано. Лучше и не выразить. Стара как мир! Да! Ведь мир, действительно, уже существовал за миллионы лет до того, как появился первый человек! Отлично! Поздравляю!» – выказывая ту ярчайшую эмоциональную заразительность, в которой погода я распознал отличительный симптом его творчества.

Этот кошмарный симптом тогда в нем только робко пробивался.

– Я вот чего спросить хочу, – он продолжал. – Как вам покажется имя Эдмунд для поэта? Перед фамилией Сад, например?

– Но это мое имя – Эдмунд, – удивился я.

– Знаю, знаю. Не вы – так откуда бы мне догадаться? Изумительное имя. Можно мне взять его напрокат? Для стихов исключительно. А вообще, свободно можете меня звать Илья, как раньше, не стесняйтесь.

Он ощупал собственный зад, вытащил словарь и осторожно распахнул его на Б. Затем аккуратно, тщательно выдрал страницу и подал мне. Страница начиналась с «Барм», «Бенефициарием» завершалась, а поля были испещрены на диво каллиграфической, мельчайшей, хитрой вязью.

– И ты хочешь, чтобы я это читал?

– Пожалуйста, – распорядился он.

– А почему на простой бумаге написать нельзя было?

– Я обожаю слова, – вздохнул он. – Беатификация – причисление к лику блаженных. Бенефициант – работник театра, в пользу которого дается спектакль. Из простой бумаги такого не вычитаешь. Я как увижу где хорошее словцо, сразу его в ход пускаю.

– Умеешь брать напрокат, – заметил я.

– Режьте правду-матку, – он умолял. – Скажите, есть у меня талант?

Стихи были о восходе. Четыре рифмованных катрена, венчающих «розовоперстую» с «отверстой». И странно выпирали «бармы».

– Идея отчасти заезженная, – я ему сказал.

– Я еще над этим поработаю, – выпалил он. – Скажите только, есть у меня данные? Уж режьте правду-матку.

– Не думаю, что тебе удастся стать оригинальным, знаешь ли, – отрезал я.

– Ничего, вот погодите, еще увидите, – он мне пригрозил. – Я тоже умею резать правду-матку.

Он направился обратно, к себе в погреб, и тут я вдруг заметил его походку. Толстые ляжки описывали под штанами мощные круги, но шаг был странно сдержан, как у задумчивого вола. Словарь подрагивал на ягодице, а плечи как бы гнулись под призрачными складками призрачного плаща, и призрачная свита тихо шелестела следом.

– Илья, – окликнул я.

Тот же тихий шаг.

Мне захотелось поэкспериментировать.

– Эдмунд! – крикнул я.

Он, очень элегантно, обернулся.

– Эдмунд, – я сказал, – а теперь послушай. Я серьезно. Больше не подсовывай мне свою писанину. Все это полная безнадега. Свое собственное время ты можешь тратить зря, но не трать мое.

В ответ он очень мило поднял оба больших пальца.

– Ничего я зря не трачу. Априорно.

– Априорно, да ну? – переспросил я его как дурак. – Ага, небось орудуешь теперь вокруг «А» ...

– Апостерьерный – основанный на опыте, аберрация – ошибка в ходе мысли, алармист – лицо, подверженное панике...

– А ты пройдоха, – я сказал. – Скряга. Барахольщик. И не воображай, что, помимо этого, ты что-то собой представляешь. Отстань ты от меня, Эдмунд, – я ему сказал.

И я от него отделался. Кое-где немного поднажал – если уместно употребить столь сильное выражение при моей осмотрительности и политичности, и наконец мы ему пожаловали титул репортера и сослали в полицейский участок – извлекать из журнала задержаний случаи краж со взломом. Часы его были от полуночи до рассвета. Через две недели он вырос подле моего стола, шурясь в раннем утреннем луче.

– Почему домой не идешь отсыпаться? – спросил я.

– Критика важнее сна. У меня тут есть еще кое-что вам показать. Прекрасная новая работа.

Я проглотил стон:

– Ну а как тебе в полиции?

– Отлично. Замечательное место. Копы – чудные ребята. Атмосфера – как нельзя лучше для обдумывания стихов. Я там стал крайне плодотворен. Буйное цветение, буквально. Вот это – лучше всех.

Он выдрал лист от «Подагры» до «Промыслительного». По всему белому полю сплошь цвел его невероятный почерк: стихи были о розе. Возлюбленная поэта уподоблялась розе. Они равно цвели. Роза вяла на ветру, и дама тоже.

– От рифмы я отказался, – объявил он, вонзая взгляд в мои зрачки. – И стало лучше. Ну, согласитесь, подтвердите, ведь лучше стало, а?

– Нет, – отрезал я. – Еще хуже стало. Просто жвачка. Ты ни на йоту не продвинулся. И не продвинешься вовеки. У тебя нет для этого средств.

– Но у меня же столько новых слов, – не сдавался он. – Имманентный. Алгоритм. Томизм. Гендерный. Педократ. Оккультный. Апофатический. Антропофаг.

– Слова – не единственные средства. Ничего у тебя не получится. Не твоего ума это дело.

– Но все так складно же, строчечка к строчечке.

– Ты не поэт.

Он не желал разочаровываться. Его было не сбить.

– И вы никакой разницы не видите?

– Ни малейшей. Погоди-ка. О, чувствую разницу. Ты новый костюм купил, – сказал я.

– Пиджак и брюки в полном комплекте. А все благодаря вам. Это вы меня из курьеров вытащили.

– Америке скажи спасибо. А как там в Ливерпуле? Надеюсь, ты посылаешь тетушке кое-что из своего жалованья?

– Не особенно.

– Бедная старушка.

– Ничего, не пропадет.

– Но ты же все, что у нее осталось? Единственное утешение, зеница ока и так далее?

– Она живет не тужит, что ей сделается. Пописывает мне иногда.

– Боюсь, не очень ты отвечаешь.

– У меня своя жизнь, – отрезал он с жаром человека, спешащего выковать не то что афоризм – постулат. – Карьеру делать надо. Очень скоро свои вещи в печать надо будет уже отдавать. Вы ж, небось, знакомы с издателями в журналах, которые поэзию печатают.

Меня поразило, что как-то такое он исхитрился обнаружить, с кем я знаком.

– Вот то-то и оно. Они публикуют поэзию. Ты им не подходишь.

– Могли бы помочь на первых порах, если бы захотели.

– Не хочу. Ты никуда не годишься.

– Я стану лучше. Я еще только учусь. Вот погодите, посмотрите, – сказал он.

– Ладно, – согласился я. – Погодить – это пожалуйста, могу, а вот смотреть я не желаю. Больше мне ничего не показывай. Держи свою чушь при себе. И ко мне не суйся.

– Ну! – сказал он (главное его приобретение на новой родине). – Сами небось придете.

В следующем месяце был какой-то побег, грабеж и прочая не утренняя уголовщина, и с удовольствием и облегчением я воображал, как он корячится у телефона в полицейском подвале, выхаркивая на мембрану одну за другой тоскливые криминальные новости. Я надеялся, что он охрипнет и утомится так, что постель и сон потянут его больше всякого успеха, надеялся тем более, что в планы своего успеха он упорно вовлекал меня. Утро проходило за утром, и погода стали проходить и мои страхи – он не являлся. Я уже рассчитывал, что он на меня рукой махнул. Было позволено себе даже слегка поугрызаться из-за того, что так безжалостно с ним поступил, но тут явился курьер почтового отдела и оставил мне огромный конверт из знаменитого литературного журнала. Конверт был набит десятками и десятками прихотливо повыдернутых словарных страниц в сопровождении письма ко мне от главного редактора, с которым – в некотором роде – я был знаком (он дружил с моим покойным всеми уважаемым отцом):

«Милый Эдмунд, должен тебе сказать, что твой вкус по части наглости с моим не совпадает. Не стану говорить, что ты зря положился на мою снисходительность, послав сюда этого малого с его кошмарами, но впредь прошу тебя приберечь свои рекомендации для простых дураков – которые, бывает, и тянутся пером к бумаге в безрассудный час.

P. S. Во всяком случае, я никогда не публиковал – и впредь надеюсь не изменить своему правилу – ничего такого, что содержало бы слово “исполать”».

Одна из словарных страниц начиналась с «Исихасты» и заканчивалась «Истукарием».

Кажется, неприятность такая, что вой хоть целый день, а ее не избудешь; тем не менее я решил подождать до полуночи, а потом застучать его при исполнении обязанностей по отношению к преступному миру и тут уж, в качестве непосредственного удовлетворения, его вздуть. Но затем мне пришло в голову, что полицейский участок не самое удобное место для нападения на гражданина (хоть от меня не укрылось, что гражданства он пока еще не получил), а потому я отыскал его адрес и отправился к нему на дом.

Дверь он открыл в исподнем.

– Ох, Эдмунд! – охнул он. – Очень извиняюсь, у меня ж ночная служба, но это ничего, ты заходи, заходи! Мне много спать и не приходится. Много будешь спать, я так считаю, стихов не сочинишь, так что ты не переживай.

В здоровом уме и твердой памяти я воздел кулаки, и в здоровом уме я сбил его с ног.

– В чем дело? – спросил он с пола.

– Дело самое обыкновенное, – ответил я. – Кто тебе сказал, что тебе можно таскаться по влиятельным людям и рассказывать, что это я тебя на них науськал?

Он упоенно поскреб расшибленный подбородок.

– Вам сообщили! А, сам главный редактор небось и сообщил! Ясное дело. У вас связи, я знал! Я так ему и сказал, чтоб прямо к вам обратился. Знал я, вы раскипятитесь.

– Я раскипятился, я ужаснулся, я сгорел со стыда, – причитал я. – Ты выставил меня полным ослом. Самый старый друг моего отца! Он меня за недоумка принял!

Он поднялся, тыча в свои ссадины:

– Не переживайте. Так он ничего не взял? Факт? Ни единого стиха?

Я запустил в него конвертом, и он, с неожиданной ловкостью вильнув запястьем, его цапнул. Потом вытряхнул содержимое и прочитал письмо.

– Вот досада, – сказал он. – Прямо удивляюсь, как у некоторых совсем никакого сочувствия нет. Природа такая, ничего не попишешь. А я что? Я ничего. Потом все окупается. Вот вы, например. Я все думал, ну как я его приглашу, прямо нервотрепка – жилье у меня чересчур бедное, вы видите, а вот знал: сам придет. Этакий-то аристократ!

– Илья, – сказал я. – Я пришел тебя вздуть. Я тебя вздул.

– Не переживайте, – повторил он, утешая меня. Он взял меня за ухо и дружески потянул. – Бывает. Шоковое состояние. Я бы на вашем месте точно так же себя вел. Я сильный очень. Наверно, куда посильнее вас. Вы тоже, наверно, сильный, раз меня с ног сшибли. Но, если честно, я вам как бы поддался. Я ж хозяин дома, у меня тоже манеры.

Он придвинул старый деревянный стул, чтобы я сел. Я отказался, и тогда он уселся сам, раскинув ляжки, скрестив руки, изготоваясь для изящной беседы.

– Сами-то вы с моим новым творчеством ознакомились, наверно?

– Нет, – сказал я. – И когда ты это прекратишь? Почему не сосредоточишься на чем-нибудь приличном? Так и собираешься мелким полицейским репортером ишачить до конца своих дней?

– Да нет, – сказал он, опуская голос до хрипа в знак задушевности. – Хотелось бы, чтоб возможность полная была это место покинуть. Чтоб деньги были такие, чтоб жить в приятной американской атмосфере. Как вы, например, живете – один на весь такой большой дом.

Я почувствовал, что мне чуть ли не следует оправдываться.

– Мне его оставил отец. И кстати, кто-то, кажется, мне говорил, что не рассчитывает разбогатеть на поэзии?

– С тех пор я погляделся, кой-чего заметил. Америка – страна неограниченных возможностей, Эдмунд, даже для поэтов, – сказал он ласково. – Могу представить ваши чувства. Р. I. P.^[2] У меня у самого нет отца. Вы б на него поглядели, на моего папашу – богатырь. Не понимаю даже, как они его убили. Такой сильный мужчина. Такой крупный. Вы, конечно, не обижайтесь, но он себе воли не давал, не стал бы он человека с ног сшибать. Так вот, – постановил он, – вы берете мои новые произведения, просматриваете их и решаете, прав этот главный редактор или не прав. И говорите мне, стали бы вы на его месте их печатать или же не стали.

Он протянул мне лист от «Ипостасности» до «Исихасты», с нудной вязью по полям. От «Энтомолога» до «Энтропии» – точно та же картина. Но было ясно, что он жмет на свое несчастное сиротство и бьет на жалость и на чувство вины. (Я понял, что, если отказаться, он это приравняет к погрому.) Я изучил все его творчество и обнаружил свежую тему посреди маргариток и закатов. Он стал писать о девушках, не об абстрактной Возлюбленной, но о конкретных девушках, с именами Роза, Белла, Стелла и тому подобное.

– Любовная лирика, – удовлетворенно заметил он. – Очень, я считаю, волнительная.

– Волнительная, примерно как безнадежно влюбленный столб, – сказал я, – хоть и не так обточена. И откуда у тебя время на девушек?

– У Леонардо да Винчи тоже было всего двадцать четыре часа в сутки. И у Микеланджело, между прочим. Да я их и не ищу. Я их привлекаю.

Тут я взглянул на него пристально.

– Привлекаешь?

– Ну. Прямо здесь и привлекаю. Даже выходить не надо почти. Кто, конечно, потоньше, с теми этот номер не проходит. Не клюют они на комнату поэта.

– Да у тебя тут ни единой книжки, – возмутился я.

– Не книги влияют, какая у поэта комната, – он не сдавался. – Тут уж влияет – какой он сам, поэт, сложение его. – И, переполняемый гнусной своей витальностью, он мне подмигнул.

Наш разговор на меня произвел неожиданное впечатление. Я начал на него смотреть так, как он сам на себя смотрел, сквозь линзы его самодовольства. Он выглядел почти красавцем. Изменился; стал крупней, мощней. На самом деле ему просто еще не было двадцати, и недавно он подросток. Он был по-прежнему нечесан, пузо буквально перло из рубашки; но что-то такое огромное в нем пробивалось.

Тогда же примерно мне поручили освещать заварушку на Карибском море – так, ряд ничтожных стычек всего-навсего, – а когда я вернулся, оказалось, что он живет у меня в доме. Я по обыкновению оставил ключ у своей замужней сестры (бзик моего отца, они у него бывали, – мол, мало ли что может случиться – я же соблюдал семейные традиции), и каким-то чудом он этот ключ у нее выклянчил: как-то, выяснилось, ее убедил, что она заслужит признательность потомства, допустив его под кров, соразмерный его качествам.

– Соразмерный твоим качествам, – протянул я нараспев. – Так-так, она, стало быть, понимает эти качества чересчур буквально. Ладно, Илья, ты хорошенько попользовался моим жильем. Хватит. Убирайся. – Чашки были грязные, все до единой, и он опустошил мои запасы виски. – Ты гулянки тут закатывал, – заключил я.

– Я разве виноват, Эдмунд? У меня в последнее время так много знакомых завелось.

– Вон отсюда.

– Ах, зачем так грубо. Знаете наверху те маленькие комнатки? Со стеклянной крышей? Спорим, там раньше жила служанка? Вы и не почувствуете, что я там, это я вам гарантирую. Ну где еще мне взять столько прекрасного света? В участке, там еще хуже, чем в подвале было, одни сорокасвечовые лампочки в ходу. Муниципалитет скарден неимоверно. А что мне останется, если зрения лишусь?

È áàç èàðàí ààòà

Ï íàò àúòà,

Òì òàé æá èèã

Ï í ãàç ì áí ý èèòèòü-

Èàé àúòèòü

Ï ðüàé, ì íé ñòèð!

Òíòüíà òíò ñíàò -

Ï íãá ííò!

– Мой ответ прежний: нет, – сказал я. – Убирайся.

Он меня одарил снисходительным смешком:

– А недурственно. Ловко. Поэт. Ответ. Нет.

– Но я не шучу. Ты тут не останешься. Кстати, – сказал я кисло, – я-то считал, ты уж давно простился со своим стихом.

– Думаете, про глаза это у меня так, ради красного словца. Вот, смотрите, – он сунул в карман свой кулачище, выгреб очки, нацепил. – Пока вас не было, пришлось приобрести. Довольно сильные для моего возраста. Мне нельзя перенапрягать мою радужную оболочку. Эти окуляры обошлись чуть ли не в месячное жалованье на бывшей моей работе.

Тут я в него взгляделся попристальней. Он поминал о качествах, скорей речь следовало бы вести о количествах: он, пожалуй, еще подрос, не вверх, собственно, вытянулся, невширь раздался, а текстурно укрупнился, что ли, и проверить этот факт можно было, кажется, только ткнув в него чутким мизинцем. Он разгуливал в исподнем. Впервые я отметил, сколь удивительно он волосат. Плечи и грудь – густая чаща, бицепсы – затененные порослью взгорья. Мне открылось, насколько он себе цену знает; торс держит так, будто его обрел среди античных обломков, гордо в нем угадав воительские черты.

– Давай, одевайся, – я уже визжал.

– В доме совсем не холодно, Эдмунд.

– Зато холодно на улице. Давай-давай, уматывай. В одежде или без. Вон отсюда.

Он поник головой, и я с удивлением заметил, как торчат у него уши.

– Но это вышло бы нехорошо.

– Ничего, переживу. И не волнуйся ты, пожалуйста, за мои чувства.

– Не только о вас речь. Я оставил Сильвию одну наверху, когда вы пришли.

– Ты хочешь сказать, что прямо сейчас у тебя в этом доме девушка?

– Ну, – он кротко согласился. – Но ты же не возражаешь, Эдмунд? Уверен, ты не возражаешь. И самому не чуждо, а?

Я дошел по лестнице до нижней ступеньки и заорал:

– Довольно! Спускайтесь! Убирайтесь!

Ничто не шелохнулось.

– Вы ее травмировали, – сказал он.

– Избавься от нее, Илья, не то я вызову полицию.

– И очень мило будет, – протянул он задумчиво, – они так любят мои стихи. Всегда читаю им вслух в участке. Послушайте, если вы хотите, чтоб я ушел, хорошо, я уйду, а с Сильвией можете разбираться сами. Дом у вас, конечно, просторный, дом у вас шикарный. Мебель чудная. Я, конечно, уж попользовался. Ваша сестра мне кое-чего порассказала – очень интересные дела. Ваша сестра глубоко верующая особа, да? Моральная, как и ваш папа. Такой забавник был ваш папа – подобный пункт в завещание включить! Блуд в пределах данной недвижимости.

– Да о чем речь? – Но я и сам заметил, сам уловил в своем осмотрительном вопросе совершенно неуместный жар.

– Сестра ваша упоминала. Упоминала просто, что ваш папа вам оставил дом только на том условии, что вы ничего такого себе не позволите, что бы навлекло позор на этот дом, а как только себе позволите, дом тут же отходит к ней. Ей-то, в общем, и не надо, ей зачем, но все ж таки не вредно, учитывая, сколько у нее детишек, – я, конечно, за что купил, за то и продаю. Мне кажется, вы бы не хотели, чтоб я ей сообщил насчет Регины на прошлой Пасхе, а? Вот видишь, Эдмунд, ты и сам вспотел, посмотри только на свой воротничок, и зачем же так несправедливо требовать, чтоб я оделся?

Я хрипло выдавил:

– Откуда ты узнал про Регину?

– Зачем – узнал? Кто говорит – узнал? Просто нашел пачку записок от кого-то под таким именем – Регина, и в кой-каких этих записках она рассказывает, как она провела здесь с вами Пасху, ну и вообще про ваши с ней дела. Конечно, ваша сестра немножечко чересчур строгая, наверно, но ведь она хорошая, то есть я хочу сказать, она же не подумает, что ваш наследный дом оскверняют, если я лично в нем останусь, да? И все это утя, не дашь ли ты мне согласие, чтобы я ненадолго сюда переехал, а, Эдмунд?

С горечью я это согласие дал, хоть вопрос был, в сущности, академическим, поскольку Илья уже внедрил свои пожитки: словарь (то, что осталось, клейкий хребет, да кой-какая самая непопулярная лексика – на Ц, Ф и Щ), костюм и сигарный ящик, набитый тощими письмами из Ливерпуля, в основном не вскрытыми. Я добился от него обещания, что он будет придерживаться верхней части дома; взамен же разрешил ему взять туда с собой мою пишущую машинку.

И, что меня потрясло, он на ней стучал чуть ли не каждый вечер. Я было поверил ему на слово, будто он ленив; а он оказался очень даже прытким. И все-таки я поразился, когда вдруг увидел, как он вытуривает своих посетительниц, – обычно ему было свойственно их хватать, тискать, обжимать и целовать. Они так и шли, так и шли, девицы под шляпками с перьями и полями, с меховыми муфтами, в нарядных ладненьких башмачках; тащились за ним вверх, рассовав по муфтам стихи – его, свои, те и се вперемешку, сылая на меня прерывчатый, переливчатый смех, пряча подбородки в катренах. Затем, хотя нас разделял целый этаж, я слышал, как он декламирует; затем ко мне сквозняком врывался вопль; затем залетал хохот; но и он стихал; и надо мной как будто носилось стадо антилоп, сбежавших из зоопарка, покуда я, в порыве чистой злобы, не убирался в гостиную, яростно хлопнув дверь. Я сидел со своим атласом, подле гаснущего камина, в грузном, скрипучем отцовском кресле, думая только о том, как мне избавиться от Ильи. Чуть ли не поведал сестре всю грубую повесть его распутств – но все, что я мог бы порассказать о человеке, который был явно мой собственный гость, конечно, вдвойне очернило бы меня самого (спасибо хитроумной отцовской прихоти и безграничной его нелюбви ко мне), а поскольку деньги все отошли сестре и мне достался только этот гигантский антиквариат, я имел самое живое намерение за него держаться. Я весь его, до единой комнаты, ненавидел; он пропах давно пожухлой добропорядочностью моего тяжелого детства, и моя мечта была выставить его на торги в самый что ни на есть момент, и промотать богатство. К счастью, знакомые риэлторы мне мудро отсоветовали: самый момент явно еще не настал. А кроме этого дома и этой мечты у меня не было ничего, если не считать моего жалованья, которое, как любила утверждать сестра, было «нищенской подачкой» «в свете», как она же выражалась, «наших корней». Ее визиты сделались теперь, увы, досадно часты. Она с собой притаскивала всех своих то ли пятерых, то ли шестерых детей, а мужа – никогда, тем создавая эффект, что свой приплод она собрала на облаке. Она была маленькая, четкая женщина, с четкими, широкими взглядами, четко скроенная так, как положено благочестивой пташке: бдительный глазок-алмаз, исключительно крутая и беспокойная грудка, пара крошечных четких ноздрей.

Она обожала Илью и всегда поднималась к нему наверх, увлекая за собой потомство, в час, когда он укладывался спать, то есть в девять часов утра, время моего отбытия на службу, тогда как поэтессы, надо им отдать должное, не объявлялись до романтических сумерек. Иногда она мне звонила по телефону и рекомендовала, чтобы я переправил такой-то и такой-то стол – диван, комод – к нему наверх, дабы создать для него условия, приличествующие его дарованиям.

– Маргарет, – я ей отвечал, – а ты видела, что он пишет? Безнадега, чушь собачья. Полный бред.

– Он еще совсем молоденький, – не уступала она. – Вот погоди, увидишь, – притом, в точности воспроизводя его оборот вместе с мимикой, она сама могла сойти за уроженку его родного Глазска, – в твоём возрасте он будет человеком из общества, не евнухом, закупорившимся в четырёх стенах.

Я ничего не мог возразить против этой нелестной фигуры речи, явно основанной на моём личном опыте; отречься от целибата значило отречься от дома. Илья, оказывается, учил Маргарет коварству, как и пышным непристойностям – «евнух» прежде никогда не слетал с её целомудренных уст. Но что правда, то правда, я с некоторых пор убоился свиданий с бедной Региной на прежних началах (не рискуя становиться объектом наблюдательности моего гостя), а она с досады бросила меня, и хотя я был не то чтобы влюблен, почти ни к кому я не был привязан сильнее, чем к Регине.

– Хорошо, – крикнул я. – Пусть он будет кем сможет, пожалуйста.

– Но его возможности безграничны, – сказала Маргарет. – Ты сам даже не понимаешь, какая находка этот молодой человек.

– Он тебе уже порассказал о своих видах на славное будущее.

– Ах, да зачем рассказывать. Я и сама не слепая. Он просто невероятный. Истинный поэт.

– Жалкий мелкий эмигрантишка, – выдал я. – Он полный невежда. Он книги в руки не берет.

– Да, что правда, то правда, он не изнеженный бездельник. А насчет того, что иностранец, да знаешь ли ты про все эти ужасы, знаешь ли ты, что сделали там со всей его семьёй? Когда переживаешь такое, волей-неволей делаешься мужчиной. Борцом. Героем, – скрепила она. Затем с торжественностью приговора: – Не смей называть его мелким. Он крупный. Огромный. И у него не разжижена кровь.

– Ничего он этого не пережил, – бросил я устало. – Его и близко не было, когда это случилось. Благополучно отсиживался в Англии, Б-же ты мой, жил в Ливерпуле у тетки.

– Милый, ну пожалуйста, не нагнетай и, пожалуйста, оставь Б-га в покое. Я в нём вижу то, чего в тебе никогда, к сожалению, не увижу: потому что в тебе этого нет. Подлинную мужественность. В тебе нет никакого чувства к детям, Эдмунд, ты их просто в упор не видишь. Своих родных племянников и племянниц. Илья с ними идеален. Это только один пример.

Я продекламировал:

– Нежность – Мужской силы истинная Суть.

– Очень дурной вкус, Эдмунд, и так по-журналистски плоско, – сказала она печально, так, будто ей стыдно за мое хамство; и я понял, что Илья пока не приобщил её к звучанию этих могучих слов.

– Не нравится? Вот и мне не нравится. А это, тем не менее, название последней оды мужественного поэта.

Что было фактом. Он сунул мне свой опус вчера вечером, и я успел отделаться теперь уже дежурной фразой, что это наимерзейшая из его пошлостей.

Но Маргарет не дрогнула; её сейчас волновало другое.

– Послушай, Эдмунд, а не мог бы ты приглядеть для него должность попримечней? То, что он делает сейчас, разве хоть отдаленно соответствует его способностям? Полицейский участок? И в такие часы?..

– Значит, ты не считаешь, что в полиции развивается настоящая мужественность? – ответил я вопросом на вопрос, сам при этом прикинув, что он свою мужскую силу доказал вполне, лишив меня возможности доказывать мою. Я потерял Регину; поэтессы остались все при нем.

Однако, как уже упоминалось, время от времени он их вытуривал, и, когда он был наедине с собой, я слышал исключительно неугомонный постук его машинки. Он был сосредоточен, углублен, поглощен. И больше всего обескураживало то, что полый стрекот клавиш был так тверд, размерен, ровен, не споткнется, не замнется – я только вздыхал. Такая дикая целеустремленность. Он стучал, стучал, и поскольку он не останавливался ни на секунду, он – это было совершенно ясно – и не думал. Он никогда не отвлекался, не забывался, не размышлял, не курил, не вставал, не потягивался, не почесывался, не разминался. Он только стучал, стучал, одним указательным пальцем и другим, как будто эти единственные его орудия – даже не пальцы вовсе, а ноги ретивого, запыхавшегося курьера. Он так безоглядно делал ставку на свои силы, он так абсолютно, неколебимо верил в себя, что мне даже становилось его жалко. Выстукивает на страницы блевотину и дерьмо и называет это прекрасной будущностью. Он еженедельно рассылал десятка три своих дремучих строф в различные издания, и когда те, что почище, давали ему от ворот поворот, он выкапывал какие-то неведомые журнальчики и газетенки, из пользующихся ручным печатным станком и дурной славой в сомнительных полуподвалах и посвятивших себя вопросам анатомии, астрономии, гастрономии, политики и атеизма. Какому-то листку вегетарианской партии он пробовал всучить пастораль в темных, грубых хоряях, орган дамской косметики пытал хромыми дактилями на тему корсетов. Куда только он ни лез, и не осталось, думаю, в конце концов ни единого издателя, который бы не хватался за голову, завидя его подпись. Он производил бомбардировки, вел зенитный огонь; он был грозный бич для каждого наивного идеалиста, посвятившего себя безнадежному делу распространения поэзии. И мало-помалу туристские руководства плечом к плечу с марксистскими брошюрами, милитаристы бок о бок с адвентистами седьмого дня, суфражистки рука об руку с нудистами, все-все, мужчины и женщины, все его отклоняли, прогоняли, умоляли прекратить противоправные действия, смыкали свои страницы, как арабы складывают шатры, едва слышат вдали, как он бряцает хоть единым ямбом.

Тем не менее без устали, как тренированные ноги курьера, бежали его пальцы; он не сдавался. Мой страх за него уже почти сравнялся с моим к нему презрением. Он мне внушал нешуточную жалость, хотя его самоуверенность осталась столь же неколебимой и дурацкой, как и прежде. «Погодите, увидите», – он говорил, как бы удачно копируя мою удачно копировавшую его сестрицу. Эти двое подыскивали ко мне подходцы, хоть я и без них уже для него сделал все, что мог. Он был безнадежен. Между тем как-то так, к моему ужасу, случилось, что коллеги меня стали считать его особым покровителем, и, когда я отбыл в окопы, немедленно воспользовались моим отсутствием и вытурили его. Я, разумеется, ничего не знал, пока не вернулся год спустя, не досчитываясь одной ушной мочки и с мерзкой вмятиной поперек затылка. Гость же мой был избавлен от призыва благодаря плохому зрению или, если быть точным, благодаря мощнейшим стеклам своих очков; с десяток поэтов закатили в складчину банкет в честь его вызволения и его близорукости, на котором он твердою рукою запустил стрелу прямо в яблочко испеченной по такому случаю кремово-песочной мишени. Но я и сам-то не боец, я только в качестве корреспондента участвовал в той древней, примитивнейшей войне, якобы – о наивность! – охватившей весь мир, но прямо неандертальской в свете нашего в дальнейшем разыгравшегося аппетита к уничтожению. Кто-то всего-навсего убил какого-то наследника престола (полное ничтожество, сам не упомяну даже, как звали)^[3], а потом уже, без всякой логики, объявились разные мелкие территории, решившие занять и обустроить прежнюю империю. И точно таким же манером, я обнаружил, объявился Илья, или, как стало теперь уместнее его именовать (чтоб не отстать от жизни, принесшей ему столь чудодейственную перемену), – Эдмунд Сад. То есть, иначе говоря, он сошел со своего чердака и с демократическим размахом занял весь дом. Его громада уже вконец расплющила отцовское августейшее кресло, и, как огромная, омаскулиненная Златовласка, он оприходовал постель нашей матери – эту святыню, которую отец давно обрек молитвенному неупотреблению, что строго соблюдалось у нас с сестрой. Так вот, возвращаясь с войны – и его застаю в гостиной, сидит босой, в исподнем, носки разбросаны по всему полу, а моя сестра тут как тут, штопает дыры, им протертые на пятках, под призором своего выводка. Она, оказывается, все время его поддерживала, обеспечивала возможность ни в чем себе не отказывать, но в ту первую минуту, когда он вскочил, чтоб меня обнять, одновременно натягивая рубашку (знал, что не люблю его видеть голым), я ведаю о том не ведал и был потрясен, заметя блеск инициалов Э. С., красным шелкомшитых на его великолепных манжетах.

Ī ōtāi ēāi ēā īāāōō

*Ī āāāā īāi āēēēēi ā
Āēāi ū Nōōēō*

[1] Имеется в виду Дилан Томас (1914–1953), один из зачинателей валлийской поэзии и самая яркая ее звезда, после ранней смерти ставший живой легендой.

[2] Сокращение, часто помещаемое на надгробиях, – от «Requiescat in Pace» (лат.), то есть «Да почивает с миром», заключительная формула католической заупокойной службы.

[3] Речь идет, конечно, об убийстве наследника австро-венгерского престола, эрцгерцога Фердинанда, 28 июля 1914 года, послужившем поводом для начала первой мировой войны. «Кто-то» в данном случае – сербский националист из Боснии Гаврило Принцип.

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Алек Эпштейн

Вопрос о семейных отношениях, о важности полученного в семье воспитания для последующего развития личности в эпоху массовых миграций стоит по-иному, чем прежде, особенно когда эти миграции затрагивают не только личные судьбы, но изменяют социальную структуру и географию расселения целых этнических групп. Российские евреи в послереволюционные годы в массовом порядке перебирались из черты оседлости в города, где меняли традиционную национально и религиозно ориентированную среду на «плавильный котел», в котором выковывался «советский характер». Принято думать, что род уходит в прошлое и продолжается в будущее, – однако насколько это верно применительно к тем, кому впервые была предоставлена возможность порвать с прошлым, начав новый отсчет социального времени? Как забвение родовых связей влияло на отдельных представителей российского еврейства и на русское еврейство середины XX века в целом?

На протяжении нескольких тысячелетий евреи существовали и сохраняли себя как обособленный народ и отдельная религиозная община. В эпоху Просвещения они столкнулись с вызовом, брошенным гражданскими государствами, формирующими свои, гражданские, нации. Но в Российской империи власти сделали крещение условием предоставления гражданских прав, поэтому дилемма, перед которой стояли в XIX веке немцы или французы «Моисеева закона», для русских евреев не была актуальной. В 1917 году ситуация кардинальным образом изменилась, и возможности социальной интеграции путем аккультурации и отказа от традиционного еврейского (или, как минимум, традиционного иудейского) образа жизни открылись и перед российскими евреями.

Эта статья написана на основе воспоминаний и размышлений девяти известных российских интеллектуалов еврейского происхождения, родившихся на протяжении пятнадцати послереволюционных лет и доживших до перестройки и распада СССР^[1]. Все девять родились в больших городах. Двое (Александр Пятигорский и Ревекка Фрумкина) – в Москве, один (Игорь Кон) – в Ленинграде, а еще один (Елеазар Мелетинский) – в Харькове, который в 1919–1934 годах был столицей Украины. Остальные пятеро появились на свет на территории отмененной Временным правительством «черты постоянной еврейской оседлости»: Григорий Померанц – в Вильно, Михаил Гефтер – в Симферополе, Владимир Шляпентох – в Киеве, Борис Бернштейн – в Одессе, а Лев Клейн – в Витебске. В Киеве, по данным переписи 1926 года, жило 513,6 тыс. человек. Остальные города были поменьше, но тоже далеко не местечки: в Одессе и Витебске, по данным той же переписи (Бернштейн родился двумя годами раньше нее, Клейн – годом позже), было соответственно 411,4 и 98,8 тыс. человек, в Вильно в 1919 году, спустя год после рождения Померанца, – 128,5 тыс.; численность населения Симферополя в год рождения Гефттера составляла 90 тыс.

Все эти люди, как говорилось выше, прожили длинные жизни, вместившие в себя и годы «великого перелома», и войну, и всплеск послевоенного антизападничества и антисемитизма, и хрущевскую «оттепель», и «застой», и горбачевскую перестройку, и распад Советского Союза; все они, кроме Гефттера, дожили до Путина и второй чеченской войны. Шестеро живы до сих пор, им от 78 до 92 лет.

Родились они в интернациональных по составу населения городах и получили городское образование, причем часто не там, где родились. Так, семья, в которой рос Мелетинский, переехала в столицу в 1921 году (ему было тогда три года); в 1925 году приехала семья Померанца. Окончив в Москве школу, оба пошли учиться в Институт философии, литературы и искусства, который и окончили в 1940–1941 годах. Гефтер окончил школу в Симферополе, но в 1937 году поступил на истфак МГУ. Бернштейн и Клейн окончили истфак Ленинградского университета, первый – по отделению истории искусства, второй – по кафедре археологии. Из всех наших героев университет за пределами двух столиц посещал только Шляпентох, окончивший истфак в Киеве (третьем по величине городе СССР), но после этого и он перебрался в Москву, где в 1956 году защитил кандидатскую.

Многие родились в семьях врачей (медиками были родители Клейна и Кона, мать Фрумкиной, отец Шляпентоха) или творческих работников: мать Померанца была актрисой (с 1930 года она работала в Киевском еврейском театре), матери Бернштейна и Шляпентоха – преподавательницами музыки, а мать Пятигорского работала корректором в газете, что требовало идеальной грамотности и владения языком, а позднее преподавала в школе немецкий (при этом она, как и обе ее сестры, окончили гимназию с золотой медалью, а позднее Московский университет).

В основном это были разночинские семьи, крепко стоявшие на ногах, хотя бывали и исключения: семья Шляпентоха принадлежала к наиболее обеспеченному социальному слою («...родители моего отца до революции владели в Киеве многими домами», – пишет он), очень состоятельным был и дед Пятигорского по материнской линии – лесоторговец, купец первой гильдии из Гомеля. Напротив, Фрумкина пишет, что ее «мама, кончившая два факультета, психологически так и осталась человеком из очень бедной еврейской семьи». Обратим внимание: не просто из очень бедной семьи, но именно «из очень бедной еврейской семьи». Это еврейское не только происхождение, но и самосознание были значимы, и когда от такой модели идентичности отходили, то это подчеркивалось. Прочитаем в этой связи фрагмент воспоминаний Шляпентоха: «Семья была полностью русифицирована. Бабушка из Песи превратилась в Пашу (а то и в Пелагею), мама из Иты – в Веру, папа из Хаима – в Эммануила (во всех документах их имена оставались еврейскими). Один дедушка твердо стоял на своем архиеврейском имени и отчестве – Яков Израилевич».

От еврейства отходили семимильными шагами, отчего во время войны оказывались порой в состоянии растерянности: так, Мелетинский вдруг обнаружил, что идиш он понимал хуже, чем немецкие солдаты и офицеры: «Капитан Рабинович был одесситом и настоящим кадровым профессиональным военным. Он бойко допрашивал немецких пленных на чистейшем еврейском жаргоне (идише), будучи уверен, что говорит по-немецки. Немцы, впрочем, его прекрасно понимали, гораздо лучше, чем я». «Нашими соседями по подвалу была семья Валик, – вспоминает жизнь в эвакуации Фрумкина. – Бабушка Валик соблюдала субботу. Я таких слов, разумеется (обратим внимание на это “разумеется”. – А. Э.), не знала, и эта ситуация называлась “по субботам бабушка Валик не зажигает”. Зажигать надо было керосинку <...> Я совершенно не интересовалась тем, почему бабушка Валик “не зажигает” именно по субботам. Как и мы, Валики были еврейской семьей, но до поры я вообще об этом не задумывалась».

Если же еврейское самосознание и было заложено в детстве, в черте оседлости, то переезд в Москву формировал нового человека быстрее, чем к этому могли привыкнуть его родители. «Любимым писателем моего еврейского виленского детства был Ицхак-Лейбуш Перец», – не без удивления вспоминает Померанц, отмечая, что «мама обожала Шолом-Алейхема». Однако «в Москве 1925 года очень быстро забылся еврейский язык (никто из ребят не знал его; родители со мной говорили по-еврейски, я отвечал по-русски)». Что получилось в результате, сам Померанц описывает так: «Я вырос человеком воздуха – без почвы, без традиций и без тоски по ним. Я доверяю только личности, раздетой от всех условностей истории, оголенной, как гол я сам. Меня захватывает и увлекает только личность. От этого, кажется, и легкость, с которой я вхожу в дух любой культуры, вижу свое сквозь любые одежды, французские или китайские. Для меня подлинно: “Всякое отечество чужбина и всякая чужбина отечество” (из христианской аполгии XI века)».

1930-е – эпоха ускоренной индустриализации, слома границ и барьеров, но детям, как и прежде, нужно было дать образование. И здесь во весь рост вставал вопрос, какое образование адекватно новой эпохе, когда перестала цениться талмудическая (как и любая другая религиозная) ученость. Первое поколение советских еврейских родителей из среды интеллигенции, отбросив Тору и Талмуд, сделало, однако, достаточно традиционный для восточноевропейских евреев выбор в пользу чтения. Дети были не против. «Чем я себя занимала до того, как научилась читать, я не помню, – пишет Фрумкина. – А научившись, я стала читать так быстро, что книг мне постоянно не хватало <...> Любую умеренно толстую книгу – страниц в двести – я проглатывала за два дня». Очень похожие вещи рассказывал о себе Пятигорский: «Где-то в четырнадцать лет у меня началась новая мания, из-за которой меня из первой же школы и выгнали: иностранные языки. Я ничем другим не занимался. Начал я свое языковое образование с латыни, взял и выучил. Стал учить латынь по старому гимназическому учебнику. Достал я его на книжном развале в знаменитом уральском городе Нижний Тагил».

Не менее важным делом «продвинутым» еврейским родителям казалось обучение музыке, и этого мало кому из детей удалось избежать. «Нас [с братом] отдали в музыкальную школу по классу рояля (дома стояло пианино), а это означало ежедневные упражнения, гаммы и арпеджо, по три часа в день, – с содроганием вспоминает Клейн. – В довершение всего у нас оказалось дарование. По музыке я продвигался очень быстро, из первого класса сразу в третий, а из пятого, минуя шестой и седьмой, – сразу в училище. И я, и брат выступали на концертах. Из нас стали делать вундеркиндов – приучали к славе, аплодисментам. В городских газетах появлялись наши фотографии <...> У нас практически исчезало детство, таяла всякая самостоятельность. А главное, я чувствовал, что это не мое призвание. В конце концов я поднял семейный бунт: на одном концерте захлопнул крышку рояля и ушел со сцены. Мать была в слезах, очень горевала, но больше в музучилище я не пошел. По моему примеру бросил музыку и брат Борис (“Левке можно, а мне нельзя?!”). А вот будничная констатация Фрумкиной: «Мне не было и шести лет, когда в доме появился инструмент; это было фортепиано знаменитой немецкой фирмы “Рениш”. Мне предстояло учиться музыке.

Через два года занятий я сдала экзамен в одну из лучших музыкальных школ города». Пианисткой, однако, не стала и она.

Эти ребята принадлежали к первому поколению, у которого, в силу отсутствия в СССР в 1920–1930-х годах государственного антисемитизма, не было необходимости доказывать за школьной партией свое право на равенство. Однако полученное ими дома воспитание – можно ли не назвать его еврейским? – не оставляло иной возможности, кроме как биться за соответствие самым жестким процентным нормам, к тому времени, разумеется, уже отмененным. Дело в том, что процентные нормы, будучи средством дискриминации, имели в то же время и значительный мобилизующий эффект, побуждая учиться как можно лучше. Такая ситуация сформировала культ преуспевания в учебе, и этот этос никуда не исчез и после отмены антиеврейских законов. Вот воспоминания Клейна о йошкар-олинской эвакуации: «Там я поступил в школу, год проучился в восьмом классе <...> Я был в числе первых, но вряд ли первым: у нас был очень сильный класс – всё дети ленинградских сотрудников Академии наук, эвакуированных в Йошкар-Олу. Если ты не мог свободно читать на одном-двух иностранных языках, на тебя смотрели с сожалением. В такой обстановке – дух вон, а языками овладевали». Предчувствовали ли эти дети и их родители жестокую поступить антисемитской кампании послевоенного десятилетия? Едва ли. Но как-то само получалось, что они стремились быть на голову выше остальных, чтобы иметь возможность и в период борьбы с «безродными космополитами» претендовать хоть на какое-то место в «интеллектуальном строю».

В целом же 1930-е годы были временем ускоренной русификации. Советских еврейских детей из интеллигентных семей приучали любить чтение и музыку, но от иудаизма и всего связанного с ним жизненного цикла, составлявшего основу духовного мира евреев на протяжении столетий, эти люди уходили быстро и без сожалений.

Нацистская машина уничтожения оказалась той силой, которая нагляднее всего продемонстрировала евреям иллюзорность их представлений о собственной ассимиляции. В пламени Холокоста погибли и два с половиной миллиона евреев СССР. Холокост не только привел к гибели трети еврейского населения планеты – он вернул к осознанию себя в качестве евреев и многих из тех, кто считал, что с этим народом его связывают – в лучшем случае – только нити прошлого. Вот что вспоминает Померанц: «Дивизия походным порядком возвращалась из Германии на родину. Я в это время, после второго ранения, был опять направлен в редакцию, уже лейтенантом <...> Проезжая мимо Трешинки, мы все заехали туда. Мы все про нее знали. Читали статьи Гроссмана. Но я увидел слишкомую массу детской обуви, заполнившую один из барачков, и во мне что-то перевернулось. До того Холокост был чужой судьбой. Наша армейская судьба – риск остаться обручком – без рук, без ног, без глаз – и ждать смерти как избавительницы. Судьба жертв Холокоста – сразу умереть. Но в бараке лежала детская обувь. В сознательном, организованном истреблении детей было что-то выходящее за рамки банального зла войны. Карамазовский вопрос о судьбе ребенка сразу умножился в полтора миллиона раз. Даже самое страшное, что я видел на войне, померкло». Показательны в этой связи слова Гефтера, сказанные в связи с изучением Холокоста: «Я ощущал, что дойти до некоторой полноты знания в этой сфере означает переменить свой взгляд на мир, на человека и на историю». О влиянии Холокоста на свое мировосприятие вспоминает и Шляпентох: «Самым тяжелым было осознание того, что евреи стали главной мишенью чудовищного врага <...> Еврейские организации в Америке утверждают, что узнали о Холокосте чуть ли не в 1944 году или даже позже, после войны. Они, скорее всего, по многим причинам не хотели знать правду о том, что происходит в Европе. Мне, как и большинству советских евреев, было совершенно очевидно, что на оккупированной территории идет тотальное уничтожение евреев. Бабий Яр был известен всем. Было очевидно, что, как ни ужасно возможное поражение Советского Союза, евреям уготована особая участь. Это ощущение “избранности” евреев как жертвы было очень острым, особенно в 1941 году, и никогда уже не покидало меня».

Однако дело было не только в немцах. В период войны ценности «пролетарского интернационализма» все больше уступали место русскому державному национализму, в котором евреям отводилось примерно то же место, что и в последние десятилетия правления династии Романовых. «Советское государство резко усилило дискриминацию евреев уже в первый год войны и еще больше в последующие военные годы. Резкое обострение русского национализма в идеологии, полный отказ от социалистической фразеологии (фундаментальное событие в советской пропаганде) я воспринимал как открытое выступление против евреев, – отмечает Шляпентох. – Красноречивой была нарастающая в течение войны решимость властей замалчивать нацистские зверства по отношению к евреям. Эта тенденция достигла пика уже после войны, когда трагедия Бабьего Яра либо не упоминалась, либо трактовалась как акция нацистов против советских людей вообще».

В подростковой среде враждебное отношение к евреям приводило к актам насилия, причем зачастую именно они, как многократно бывало в еврейской истории Нового времени, возвращали

ассимилированных евреев к ощущению своей национальной принадлежности. «С самого начала войны еврейская тема быстро вошла в мое сознание, – пишет тот же Шляпентох. – Первое резкое соприкосновение со звериным антисемитизмом произошло на окраине Куйбышева в августе 1941 года, где мы поселились после месячного “путешествия” из Киева на Волгу. По улице я шел, почти всегда сопровождаемый шайкой ребят, угрожающе дразнивших меня “жидом”». «Многие местные жители эвакуированных не любили, считая, что это из-за них все дорожает, – вспоминает живший с матерью в Чебоксарах Кон. – А поскольку среди эвакуированных было много евреев, бытовая неприязнь оборачивалась антисемитизмом. Был он и у нас в школе, но до рукоприкладства не доходило. Моему школьному другу Борису Крайчику в уральском Березовске приходилось значительно хуже». «Впервые почувствовать, что значит быть евреем, мне пришлось во дворе, – рассказывает Фрумкина, жившая тогда с мамой в городе Молотове. – Мой друг Данька носил литовскую фамилию. Но в глазах уральских мальчишек он обладал классической еврейской внешностью: очень смуглый, черноглазый, кудрявый. Может быть, еще важнее было то, что в 1942 году он еще донашивал свою “заграничную” курточку. Так или иначе, его не просто обозвали “жиденком”, но всадили ему под лопатку финку. К счастью, он был в довольно толстом зимнем пальто, так что рана оказалась скорее порезом. Следующей известной мне жертвой был мой одноклассник Юзефович – тихий полноватый мальчик, который тоже “получил финку”. Я рассказала маме, мама была в ужасе, но что она могла сделать?» Нельзя сказать, что именно эти страдания, повсеместно переживавшиеся эвакуированными еврейскими детьми, «выковали» будущих выдающихся интеллектуалов, отнюдь нет. Однако то, что они повлияли на их становление, намертво запечатлевшись в памяти, сомнению не подлежит.

Победа в войне с нацизмом, как известно, не привела к исчезновению антисемитизма, совсем напротив. Бернштейн, которому «в том самом 1951 году, когда государственный коммунистический антисемитский интернационализм торжествовал повсеместно», с огромным трудом удалось устроиться на полставки на должность старшего преподавателя кафедры истории искусства Художественного института в Таллине (работы в Ленинграде невозможно было найти никакой, хотя в дипломе его стояли одни пятерки), в сердцах перефразировал Пушкина: «Черт догадал меня родиться в этой стране и окончить университет в тот год».

Так нацистская машина уничтожения евреев, с одной стороны, и антисемитизм позднего сталинизма – с другой возвращали еврейских интеллигентов к национально-религиозным корням. Отход от еврейского самосознания, ощущение себя человеком русской – и, шире, европейской – культуры разбивались о ворота Освенцима. Оказалось, что уйти от еврейства практически невозможно, что оно остается с тобой и в тебе даже тогда, когда ни на одном из еврейских языков ты не говоришь и не читаешь, когда ничто не связывает тебя с иудаизмом и когда мир местечка в бывшей черте оседлости тебе чужд и неинтересен. Беспрецедентная в истории человечества трагедия воссоздавала для тех, кому посчастливилось ее пережить, ход времен, казалось бы разорванный навсегда^[2].

[1] Гефтер М. Я. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. М.: НПЦ «Холокост», 1995; Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 1998; Померанц Г. С. Записки гадкого утенка. М.: Московский рабочий, 1998; Он же. О подлости, о доблести, о славе. Вестник Европы. 2008. № 22; Фрумкина Р. М. Внутри истории. М.: Новое литературное обозрение, 2002; Шляпентох В. Э. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. СПб.: Звезда, 2003; Бернштейн Б. М. Старый колодец. Книга воспоминаний. СПб.: Издательство им. Н. И. Новикова, 2008; Кон И. С. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008; Клейн Л. С. Трудно быть Клейном. СПб.: Нестор-История, 2010; интервью А. М. Пятигорского радиостанции «Эхо Москвы» 28 сентября 2008 года.

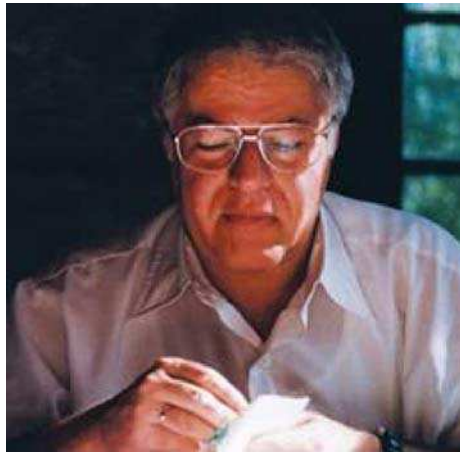
[2] Эта тема также рассматривается в моей статье «Русско-еврейские интеллектуалы первого советского поколения: штрихи к портрету» (Новое литературное обозрение. 2010. № 103).

БОРИС ШАПИРО:

«ПОЭТИКА ЦЕЛАНА – ПРЕОДОЛЕНИЕ ЗАДЫХАНИЯ»

Беседу ведет Елена Калашникова

Борис Шапиро окончил физический факультет МГУ. В 1975 году эмигрировал в Германию. Пишет стихи по-русски и по-немецки; лауреат нескольких литературных премий. Переводчик Ф. Гельдерлина, П. Целана, Г. Мюллер и др. Живет в Берлине.

Aíðēñ Oáí'èðñ

– Чем ваши переводы Целана отличаются от существующих?

– С Целаном все началось так. В Москве я познакомился с Елизаветой Мнацакановой, меня предупредили, что ее считают сумасшедшей. Но я понял, что она не сумасшедшая, а настоящая, что каждую минуту она живет в настоящей культуре. Она первая начала переводить Целана на русский и показала мне свои тогда не опубликованные переводы. Они меня совершенно ошаршили – это была новая поэтика, такую форму языкового существования я до того не встречал ни у обэриутов, ни у Мандельштама. Так Целан стал для меня опорной точкой в культурном пространстве. Потом вышел томик переводов австрийских поэтов, где и Целан был представлен. Хотя мне до сих пор непонятно, почему он австрийский поэт.

– Возможно, если бы его назвали немецким, то нельзя было бы опубликовать.

– Честь и хвала составителю той книги за то, что Целан появился по-русски. Времена были сильно иррациональные, так что нечего осуждать, можно только сетовать. Я чту коллег, не хочу сказать о них ничего плохого, но в тех переводах я не узнал Целана. И для меня он остался мнацакановским, а когда я дожил до своего собственного, мнацакановский оказался ему очень близок, хотя это был еще не мой Целан.

Если Мандельштам строит свою поэтику на дыхании, то Целан – на перебоях дыхания, на задыхании. В каком-то смысле поэтика Целана – преодоление задыхания. Все поэты преодолевают немоту, иначе они не поэты, а Целан преодолевает физиологическую невозможность дышать. Так я его понял. Это преодоление он делает костным мозгом своих стихов, когда непонятно, на чем они держатся. А они держатся на преодолении умирания. В конечном счете умирание победило Целана. Его самоубийство, думаю, было не безумием, а прямым следствием культа его поэтики как преодоления задыхания – ведь, в конце концов, и здесь действие равно противодействию.

На русском довольно много замечательных переводов его стихов, два-три десятка, наверное. Скажем, Алексей Парин переводил те же самые стихи Целана, что и я. В своей переводческой программе он исходит из ритма, он точнейшим образом воспроизвел ритм как музыкальную основу, но не воспроизвел умирания. Может быть, он не согласится с тем, что агония – главная структура в поэтическом процессе Целана. Я не собираюсь умирать, но это не значит, что у Целана нечему научиться: и его фантастической

языковой работе, и проникновению в психофизиологию стиха через пограничное состояние умирания, и борьбе с этим состоянием. Мне кажется, именно эти аспекты я в целановском духе воспроизвожу на другом языке.

– **Сталкивались ли вы в процессе перевода с какими-то непонятными местами в текстах Целана?**

– У Целана я не понимал целого ряда мест, но потом выяснялось, что это цитаты, аллюзии, перепевы, переключки, спор, антиассоциация. Он не утруждает себя примечаниями, поэтому переводчику нужно проделать огромное количество работы. У Целана, наверное, половина цитат из Гельдерлина, 10–15 процентов из Кафки, а еще из Шекспира, Мандельштама, Маяковского, Есенина... Нужно читать, читать, читать и иметь в виду непонятное тебе место. Мне очень интересно разговаривать с Татьяной Баскаковой, которая вкапывается в его житье-бытье, но сам я не изучаю его письма и дневники. Письма опубликованы, но о поэзии там мало. Поэтому я не знаю, как он работал, но я научился чувствованию и выуживанию. В одном и том же стихотворении он цитирует поэму «Рейн» Гельдерлина, пророка Иезекииля, Кафку и Салтыкова-Щедрина.

– **Что это за стихотворение?**

– «Tübingen, Jänner» – «Тюбинген, январь».

– **А должен ли переводчик обращаться с вопросами по тексту к тем, чьи стихи он переводит?**

– Я был бы счастлив, если бы мог поговорить с Целаном. Хотя разговор с ним вышел бы очень трудным, он был фантастически некоммуникативным, а уж о своих стихах и подавно говорить не хотел. Поэтому, думаю, у меня разговор с ним не получился бы. С ним была знакома моя жена, Хеллочка. Она очень страдала от этой некоммуникативности. Она его сопровождала, когда он дважды приезжал в Тюбинген. Показывала, куда идти, развлекала, когда другие не могли им заниматься. Одиночество он выносил с трудом.

– **Говорила ли она с ним о его стихах?**

– Пыталась.

– **Вы уехали в 1975 году, переводить начали в 1980-х. Кто был первым автором?**

– Заболоцкий, я перевел половину его «Столбцов». Это были мои шаги в немецкий язык. Изучить язык можно только активно, когда вы пишете, переводите. Недавно те первые опыты я посмотрел, хочу их переписать, надеюсь, руки дойдут. Поэтическую суть «Столбцов» – этот бьющий, танцующий ритм с вывороченными в чарльстоне ногами и руками, весь этот конфликт человека, общества, времени я правильно передал ментально, но идиоматически переводы не получились немецкими. Я это подозревал, поэтому не старался их публиковать. Сегодня, когда я овладел немецкой идиоматикой настолько, что пишу на немецком и перевожу на него, я понимаю, что те переводы – сплошные русицизмы.

– **Кого вы переводили на немецкий, кроме Заболоцкого?**

– Мандельштама, немного из «Камня», потому что был не согласен с другими переводами. Целан – хороший переводчик, но проблема, как правило, в том, что переводчик недопонимает или недочувствует текст оригинала. Ведь в стихах многое находится в идиоматической, а не в словарно адекватной форме.

Ἰὰ δάκ οὐαίε, ἰ ό-εὐόάϋῖῖ ὑέ ε ρίάέέέ,

В ίάί ίάά οὐί άίά ίῖῖçàῖῖ

«Ἄ-ῖῖ ίάε!» – ῖῖçàε ῖ ῖ ῖ εάέά

Ναὶ οῖῖ ίάάῖ ἄῖ ῖῖçàῖῖ

Α-αἰῖά ἐϊ ῥ, ἐὰε ἀίϵῖῖοᾶῖ ἰὸεὸᾶ,

Αῖεᾶὸᾶῖ ἐϋ ἰ ἰᾶε ᾶῖᾶε.

Αἰᾶῖᾶε ᾶῖᾶὸ ἰε ὀοῖ αἰ ἐεῖᾶεὸῖῖ,

Ἐ ἰᾶῖᾶῖ ἐεᾶᾶεᾶ ἰ ἰῖᾶᾶε.

У Целана получилось «Vor mir Dunst und Nebel, dichter». У Мандельштама густой туман клубится впереди, без уточнений, а по-немецки нельзя сказать, что просто впереди, нужно уточнить, впереди кого или чего. Целан сказал (перевожу обратно): «Впереди меня густой туман клубится / И пустая клетка позади меня». А на самом деле туман впереди вылетевшей птицы, и пустая клетка – грудная клетка – позади вылетевшей из нее птицы. А птица – это Б-жье имя. То есть я труп, потому что из меня вылетело Б-жье имя. Вот этот смысл Целан недопонял. Что мне с этим делать? Кричать, писать статью? Некрасиво как-то. Поэтому я перевожу это стихотворение, по моим понятиям адекватно, и публикую перевод.

Кстати, уже после меня это стихотворение переводил Ральф Дутли, замечательный человек и переводчик, посвятивший жизнь возрождению Мандельштама на немецком. Но у него получилось нейтральное, он не сделал резкого противопоставления, попал между моей версией и версией Целана. А у меня это место пуантировано, этот момент, что человек труп, если в нем не живет Б-жье имя. Это самое главное в мандельштамовском стихотворении.

– Что вообще для вас перевод?

– Прежде всего процесс чтения, вживания, интерпретации произведения на внеязыковом уровне, на уровне намерений души – социальных, культурных, индивидуальных, психологических. Расшифровать, выковырять, дожить, допонять, дочувствовать и, в конце концов, создать внутри себя такое супернамерение, будто я должен написать это стихотворение, но опускаю его в другой язык. Этот процесс происходит при переводе и с русского на немецкий, и с немецкого на русский.

Я не перевожу ни слова, ни фразы, ни ритм, ни метр, ни музыку, перевожу стихотворение как целое, а все остальное – аспекты, приемы, то, что я в той или иной степени учитываю. Если, согласно моей интерпретации стихотворения, нужно пользоваться другими словами, я пишу другие слова, которые лексически не соотносятся с теми, что в оригинале, но получается то стихотворение. Один милый и интересный художник рассказывал про своего коллегу из Мюнхена – Михаила Поладяна: «Мы с Мишей ходили на этюды. Я очень хороший рисовальщик, и он хороший. Вот мы сидим и в два этюдника рисуем один и тот же ландшафт. Я воспроизвожу куст, дерево, все правильно – а место не то. А у Миши все не так: и куст не тот и деревья не те, а место – то». То же самое и со стихотворением: слова и музыка в переводе могут быть не те, а стихотворение – то.

– Могут ли возникнуть какие-то специфические трудности при переводе женщин – Герты Мюллер, например?

– Могут, но связаны они не с тем, что она женщина, а с тем, что она румынская немка. В ее текстах румынский ландшафт, румынская ментальность, румынские взаимоотношения. Но это в принципе решаемо. У нее острые отношения с тоталитарностью, времена Чаушеску – ее базовый социальный опыт. Ее тексты пронизывает страх – она его зашивает, закапывает, зарифмовывает, а он все равно торчит. Возьмите что-нибудь мажорно-позитивное из любого советского поэта – если вы слышите поэзию, вы слышите социальный страх. Я это тоже слышу, я жил в Советском Союзе. А нормальным западным переводчикам незнаком экзистенциальный страх элементарного бытия в тоталитарной системе.

– Вы окончили физический факультет МГУ. А чем занимаетесь в Германии помимо перевода?

– Основаниями математики, придуманной мною теорией парадигм.

– Это главное ваше занятие?

– У меня все главное. Для меня литература главная. Дописываю книгу коротких рассказов, точнее, такой мозаичный роман, сочиняю, но пока не начал записывать, еще два романа. Все на немецком. Вместе с женой написал книгу «Рациональная теология иудаизма». Дал ей такое название, чтобы не получилось, что я, иудей, обучаю людей других религий, как им верить и что думать. На примере иудаизма рассказываю о том, как вера может быть построена без мистики. Хотя каждый обряд имеет магическое содержание, но одно дело обряды, другое – теология. Я считаю, что очищение теологии от гипноза – весьма богоугодное дело.

Кроме того, только что нашел финансирование на машиностроительный проект: уже построил девять действующих моделей принципиально новых машин и механизмов, которые сам придумал, найдя неточность в основаниях механики. Еще есть общественная работа, синагога, религиозная жизнь, воспитание внуков.

– **У ваших внуков родной язык – немецкий?**

– У них три родных – немецкий, русский, английский, а иврит идет как первый иностранный.

– **В Германии вы живете в русско- или немецкоязычной среде?**

– В немецкоязычной. Этого я и добивался.

– **А немецкий и русский языки для вас равноправны?**

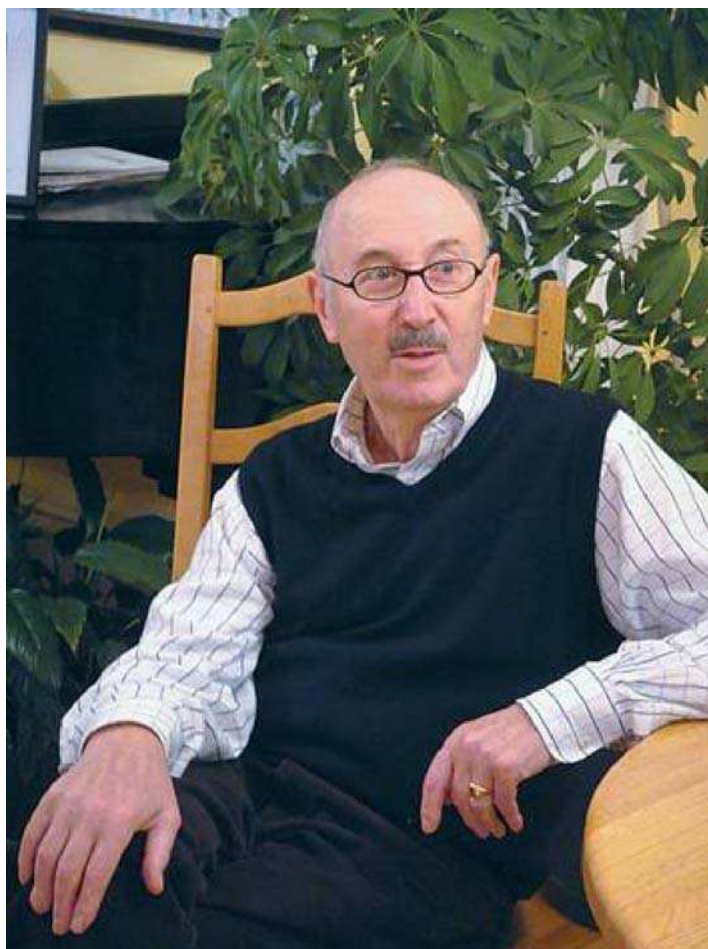
– С русским труднее. Я живу в немецком языке и первые пару дней в России переключаюсь на русский. С вами я говорю уже на полноценном русском. Тут я пробуду две недели и день-два в Германии буду обратно переключаться. Это мучительный процесс, у меня нет тумблера в голове.

СУДЬБА-СИНЕКДОХА

Ê 75-ëäðêð ÀÀÀÊÄÀ ØÐÀÀÐÀ-Ï'ÀÒÐÏ'ÀÀ

Ûààäà Ï' èäæéëãá

Ï' êñòü ï Àààëäà Øäàäà-Ï' àòäãá - çã: èð àìøëàñòü ïï éããá, èì ñàì èì ïãñãá-àííé. Ï' ï çãããòèéñü ï ñàìèð èñëããããàòæýã, ñàààëä èð àñü ïãããããéì ï ï àòäðæéë. Ààòäæéããðè-äëãý òãí à ñòàëà ïãíé çç ïñ ïãí óò à àñ ï òçã ï 1989 ããá, èíããá àìøãé ïãããé òñì àñì ï òçãéé Øäàäà-Ï' àòäãá - èíëãã «Áäòçü è òãíé: Ðñ ï àí ï ó-àñòéã ï àòäòä». Á 2007 ããò çòà èëéëý àúëà ïòããéãããá «òñì àíñ ï ïéããòæýì è» «Áããëà ï ïéòäæéíñ è» (ïòäæé àãããá - Áíãã Àòä àòäãá, Êñìèò Àòäããéé, Áààëä Ñãì ïééãá, Áãããé èé Ààòäøããéí). Ï' àéíãã, ñàñü ïãããããã ï çããéñü ïããé òñì ï àí óòäíé òðíééé - «Ï' òñòã ï à òñéããã àñüããéã: Ðñ ï àí ï èéòäæéíéññ è» (ñ. ääóãé çê á ïãíñ èç àëëããééòè ï ï àòäãá «Ëãããéè à»).

Судьба Шраера-Петрова настолько типична для столичного русско-еврейского интеллигента второй половины XX века, что на ум само собой приходит хрестоматийное пастернаковское: «Я говорю за всю среду». Давид Пейсахович Шраер родился 28 января 1936 года в Ленинграде в семье, ведущей свой род от литовских раввинов и подольских мельников. Во время войны он оказался в эвакуации в уральском селе, где влюбился в народные обычаи и крестьянскую речь. Впоследствии все увиденное и накопленное в эти годы даст мощный толчок писательскому воображению, растворится в словаре и фактуре прозы и поэзии Шраера-Петрова.

В 1953 году он поступает в медицинский институт. Дата здесь исключительно значима – вообразить себе советского еврейского юношу, пошедшего (а тем более принятого) в мединститут годом раньше, практически невозможно. Но к моменту вступительных экзаменов «холодным летом 53-го» дело «врачей-убийц» свернуто, массовая истерия стихла – можно следовать своему призванию, не особо

задумываясь о его совместимости с пятым пунктом анкеты. По окончании института и аспирантуры Шраер работает практикующим врачом, одновременно занимаясь исследованиями в области микробиологии (итог этих продолжающихся по сей день штудий – около сотни статей и англоязычная монография о стафилококковых инфекциях).

Но начинается «оттепель», физики, а вслед за ними и медики стремительно переквалифицируются в лирики. Давид Шраер и в этом оказывается един со своим поколением: он начинает публиковаться как поэт-переводчик, его лирические стихи («Ты любимая или любовница...», «Дарите девушкам цветы...», «Моя славянская душа в еврейской упаковке...» и др.) расходятся в списках, а в 1967 году в составе коллективного сборника «Переключка» появляется первая книжечка автора – «Холсты». За несколько лет до ее выхода Шраер, как многие представители ленинградской творческой интеллигенции в середине 1960-х, перебирается в чуть более свободную Москву. Тогда же, с «благословения» Бориса Слуцкого, возникает его литературный псевдоним Петров – производная от русифицированного отчества.

Не правда ли, все описанное выглядит как своего рода «синекдоха» судеб того круга евреев-шестидесятников, к которому принадлежал и принадлежит Шраер-Петров? Не менее типичным оказывается и следующий жизненный поворот: в 1979 году он подает документы на выезд и на восемь лет попадает в отказ. Его исключают из Союза писателей, «уходят» из Института эпидемиологии и микробиологии им. Гамалеи. Опыт жизни отказника в сочетании с размышлениями о судьбе смешанных семей, о неизбежности ассимиляции и одновременно внутреннего сопротивления ей лег в основу главного произведения Шраера-Петрова – романа «Герберт и Нелли», написанного в начале 1980-х, но опубликованного в России лишь в 1992 году. Наконец в 1987-м семья получает разрешение на выезд.

Четверть века, прожитая в Америке, оказалась для писателя исключительно плодотворной. Опубликовано лежавшее в столе, написано множество новых романов, рассказов, стихотворений, поэм, эссе. Не чуждый формальному поиску, прозаик разработал новый жанр – «фантеллу», который «сочетается» в его творчестве как с романом, так и с рассказом. К привычным уже для Шраера-Петрова поэзии и прозе в эмигрантские годы добавилась драматургия. В соавторстве с сыном, писателем и литературоведом Максимом Шраером, он написал монографию о Генрихе Сапгире и подготовил для серии «Библиотека поэта» томик его стихов. Реализовался он в Америке и как ученый – многолетняя работа на кафедре хирургии Брауновского университета, успешные занятия онкологической иммунологией...

Однако основным предметом его размышлений, основной темой его творчества остаются «эти странные русские евреи». И итог, подводимый Шраером-Петровым «двумстам годам вместе», увы, весьма и весьма неутешителен:

Èçáà àí èäàòùì íáí ðèääòñý :òùæèáù

Ï ðìðáí :òò ì fè ì fèòì áðòáñá áñáù

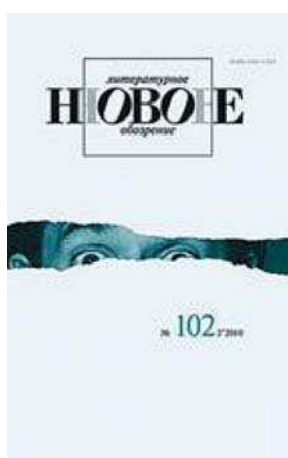
Ï ù ñòàèè :áæèì è ðìññèý :áæèì è

À áùèè ñáçèì è ñùíù Èääáùù...

ЛЕХАИМ ФЕВРАЛЬ 2011 ШВАТ 5771 – 2(226)
ВОСКРЕШЕНИЕ МЕСТЕЧКА

יֵעֹאֵעֵי יֵאֵעִיָא

Отношение к идишкайту и идишланду меняется. Штетл – понимаемый предельно широко – стремительно входит в моду. Когда 35 лет назад герой Фридриха Горенштейна объяснял бердичевским евреям, что их дома сложены «из обломков библейских камней и плит», те просто не понимали, о чем он говорит, а заезжие москвичи морщились. С тех пор все изменилось. Вот показательный пример, из недавних. В блоге писателя Олега Юрьева кто-то, в похвалу некоему еврейскому проекту, обронил: «Ни капли местечковости». На что хозяинотреагировал весьма жестко: «Почему же. Масса местечковости. В хорошем смысле слова. А в плохом это слово сегодня употребляют в основном московские гламурные журналисты, стыдящиеся своих бабушек и одновременно полагающие, что наличие этих бабушек (или мам, или пап и мам) позволяет им благодушно посмеиваться над жидочками».

В общем, тренд сменился. Местечко стало не только поводом для национальной гордости, но и престижным объектом исследования. Лишнее тому подтверждение, если какие-то подтверждения еще нужны, – огромный (без малого сто страниц) блок материалов «В поисках “настоящего еврейского штетла”» в исключительно чутком к интеллектуальной моде журнале «Новое литературное обозрение» (2010. № 102).

Раздел состоит из пяти публикаций. Михаил Крутиков предлагает краткий очерк менявшейся «репутации» штетла за последние два столетия, от романа Израиля Аксенфельда «Кокошник» до нынешних экспедиций по уцелевшим общинам Восточной Подолии.

Далее идет центральный материал блока – сокращенный перевод известной работы Дана Мирона «Литературный образ штетла». Исходная точка рассуждений Мирона примерно та же, что в хрестоматийном докладе Шкловского «В защиту социологического метода». Как Шкловский сравнивает исторические сведения о Белогорской (точнее, о ее прототипе – Чернорецкой) крепости с соответствующими главами «Капитанской дочки», так и Мирон сопоставляет описания Касриловки у Шолом-Алейхема и воспоминания его брата о Воронке (то есть «реальной» Касриловке). Но израильского литературоведа интересует не социологическая, а, напротив, сугубо эстетическая мотивировка того сдвига, который происходит в художественном тексте относительно документального (то есть относительно реальности). Анализируя важнейшие сюжетные мотивы «местечкового топоса» и выделяя ряд норм, которым подчинялось изображение штетла в литературе, Мирон показывает, что весь этот нормативный комплекс был направлен на вписывание местечка в континуум еврейской (в том числе библейской) истории и презентацию его как «маленького Иерусалима».

Удивительно, что эта работа – без сомнений, очень качественная в аналитической части, но тем не менее достаточно элементарная по основным положениям и выводам – стала поворотным моментом в изучении еврейской словесности XIX – начала XX века. Трудно поверить, но до середины 1990-х (а исследование Мирона, появившееся на идише еще в 1981 году, широкую известность получило лишь после английской публикации в 1996-м) чисто «миметический» подход к художественным описаниям штетла был делом совершенно обычным. Кажется, даже сам автор несколько смущен необходимостью формулировать

столь простые вещи и словно бы извиняется за это: «Утверждение, что литературный штетл является вымышленным пространством, может показаться банальным. Ведь любое литературное пространство <...> как бы реалистично оно ни было изображено, по определению, исторически недостоверно». Однако факт остается фактом: до Мирона расподоблением «настоящего» местечка и его литературной проекции никто не озаботился, так что работа израильского ученого вот уже лет 15 имеет статус «современной классики» и ссылки на нее постоянно встречаются в трудах не только литературоведов, но и историков восточноевропейского и российского еврейства.

Например, в публикуемой здесь же статье профессора университета Беркли Деборы Ялен «Так называемое “еврейское” местечко...», в которой описывается, как в 1920-х годах еврейский вопрос трансформировался из национально-религиозной проблемы в поиск путей «социоэкономической ассимиляции» мелкобуржуазной местечковой массы «на марксистской основе».

Идеология такой ассимиляции неоднократно менялась. Первоначальные планы переделки местечка на социалистический лад сменились идеей создания на целинных землях еврейских колхозов и массового переселения туда (в первую очередь в Биробиджан) населения из бывшей черты оседлости. Однако в годы «большого террора» руководители Еврейской автономной области вслед за своими кураторами из КОМЗЕТА и ОЗЕТА были уничтожены, и «биробиджанский проект» оказался под подозрением. Все эти колебания генеральной линии не могли не сказаться на концепции выставки «Евреи в царской России и в СССР», открывшейся в 1939 году в Ленинграде. О выставке и ее идеологическом контексте рассказывает Александр Иванов.

Наконец, Валерий Дымшиц на примере стихотворения Мани Лейба «Нежин» демонстрирует, как организован «местечковый» хронотоп в модернистской идишской поэзии. Основное его отличие от образа штетла в произведениях «отцов-основателей» комментатор видит в том, что взгляд «новых» поэтов не исключает из пейзажа нееврейские детали (в случае Мани Лейба – памятник Гоголю, нищих украинских бандуристов и даже свиней и церковь), уравнивая их в поэтических правах с сугубо еврейскими.

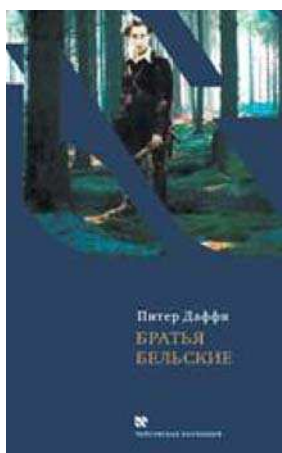
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ЛЕСНЫЕ ЕВРЕИ

Ī èòáĀ Áàóòè

ÁđàòüĀ Áăüŋèá

Ī .: Óáéŋò; Ēí èæí èèè, 2011. – 288 ŋ (Ňáđèŷ «x áéŋŋ áŋéäŷ èĪ èèáéöèŷ».)

Тема «Евреи и вторая мировая война» до последнего времени традиционно понималась почти исключительно как история Холокоста. Что при упоминании этой темы, какой вербальный ряд, какие ассоциации мгновенно всплывают в памяти? Гетто, концлагеря, газовые камеры, груды погибших, «окончательное решение еврейского вопроса», «как скот на бойню», шесть миллионов... Все это правда, но это не вся правда. Однако об организованном еврейском сопротивлении с оружием в руках материалов пока еще недостаточно. Есть книги о восстании в Собиборе, есть основанный на исторических реалиях роман Вардвана Варжапетяна «Пазл-Мазл» (см. Лехаим. 2010. № 12), есть еще кое-что, но все же написанного и изданного, особенно по-русски, до обидного мало.

В этом контексте такая книга, как «Братья Бельские» американского журналиста Питера Даффи, выглядит совершенно необходимой и долгожданной. Это документальный рассказ о еврейском партизанском отряде, созданном Тувьей Бельским в белорусских лесах специально, чтобы спасти убежавших из гетто евреев. Похоже, материалы об этом отряде использовал и Варжапетян для своего романа, и это очень хорошо. Потому что Даффи, хоть он и журналист, и литератор, писал все-таки для своих соотечественников, имеющих о второй мировой войне представление довольно смутное, путающих порой, на чьей стороне воевала Советская Россия, и вообще считающих, что мир от фашизма спас рядовой Райан. Так что комментарии Даффи о ходе военных действий и движущих мотивах главных политических статистов выглядят для нас все-таки несколько излишними и, пожалуй, наивными. А уж реально представить себе, что это такое – жизнь в лесу отряда численностью около тысячи человек, из которых боеспособных мужчин наберется едва ли двести, Даффи если даже и может, то изобразить это достоверно и убедительно у него ну никак не получается.

Поэтому автор ограничивается простым, даже простодушным, хотя и впечатляющим, перечислением событий, к тому же, увы, изложенным на удручающем канцелярите. Вряд ли это заслуга одного лишь переводчика, похоже, и в оригинале все примерно так же, хотя Даффи работал над этой небольшой по объему книгой несколько лет. Может быть, просто дело в том, что книга создавалась как хронологическая и фактологическая канва для будущего сценария (фильм, кстати, сняли). История отношений командиров отряда, то есть братьев Бельских, с центральным партизанским командованием описывается с позиций, близких к наивному психологизму (любит – не любит), так что и здесь «Пазл-Мазл»

Варжапетяна, при всей его беллетристичности, похоже, все-таки стоит ближе к исторической достоверности. Поэтому настоятельно рекомендую прочесть обе эти книги подряд.

«Братья Бельские», как уже говорилось, не блещут литературными достоинствами, но эта книга ценна как хроника, как документальное фактографическое повествование. К тому же в ней можно найти интересный материал об отношениях внутри отряда, в котором жесткие методы руководства порой были ближе к уголовщине, чем к литературно-кинематографической партизанской романтике, об интригах в партизанском движении, а также о послевоенной судьбе братьев Бельских. Им так и не нашлось места ни на родине, ни в Израиле, да и в Америке все шло не блестяще. Самым содержательным, самым значимым для них навсегда осталось то страшное время, когда они были угрозой для немцев, надеждой для евреев и головной болью для советского партизанского командования – «лесными евреями» Белоруссии.

Ї ёӱӱё Ёёіёі

ПЕЙТЕ САМИ

ÀèèòíðĬ æèæèĬ

ÀĬàĬàĬàĬ àĬàà àèÿ Ĭ ðàèðàĬàĬ Ĭé ààĬ à

Ĭ .: ŸèĬ Ĭ, 2011. - 352 Ĭ

Когда несколько лет назад сотрудники Генпрокуратуры совершили налет на издательство «Эксмо», критик Роман Арбитман предположил, что настоящий Пелевин в конце 1990-х окончательно удалился в нирвану, а новые его книги производит придуманный «эксмошниками» специальный компьютер: «Держа в электронной памяти корпус текстов Пелевина, добавляя в базу – посредством сканера – распечатки передач “Эха Москвы” и статьи из гляцевых журналов, а также задействовав простейший датчик случайных чисел, издатели теперь могут генерировать псевдопелевинские тексты и регулярно поставлять их на рынок. Раньше, чем читатель сообразит, что вновь и вновь читает одну и ту же книгу, издательство соберет с фанатов миллионные барыши». Наивные прокурорские, уверял Арбитман, надеялись заставить издателей «поделиться виртуальным писателем» – но те «свой главный компьютер с пелевинской начинкой в центральном офисе, разумеется, не держат, не на дураков напали».

Так это было или не так, мы узнаем лет через 10–20 из мемуаров гендиректора «Эксмо» Олега Новикова или бывшего генпрокурора Устинова. Но если версия Арбитмана соответствует действительности, то прошу считать нижеследующую рецензию открытым письмом в дирекцию «Эксмо»: господа, хорош экономить, пора менять приставленного к тому самому компьютеру программиста. Конечно, агрегат ваш барахлил и раньше, «Числа» или «П5: Прощальные песни политических пигмеев Пиндостана» уже были весьма и весьма нехороши собой. Но все же такой откровенной расслабленной халтуры, как нынче, машинка себе не позволяла.

Самая короткая рецензия на новый пелевинский (или «пелевинский») сборник может состоять из одного слова: «неизобретательно». Казалось бы, в чем, в чем, а уж в скудости фантазии ни «вагриусовского», ни «эксмошного» Пелевина никогда нельзя было упрекнуть. Но вот поди ж ты – на сей раз арбитмановский рецепт действительно реализован во всей полноте. В наспех переписанные философско-теолого-конспирологические пассажи из прежних книг мэтра (видимый мир неотличим от симулякра, так называемая «реальность» – продукт заговора спецслужб и финансовых воротил, человек и бог в равной мере являются проекциями самодостаточного и всеобъемлющего космического Сознания, и т. д.) вживлены наиактуальнейшие политические новости и персонажи: WikiLeaks, героический разведчик Васенков (у Пелевина – Скотенков), путинский заезд на «Ладе-Калине», тандемодократия, далее по списку.

И вроде бы ингредиенты в этом винегрете все те же, только раньше автор давал себе труд перемешивать их и следить за сроком годности – теперь же горошек отдельно, свекла отдельно, а морковка и вовсе подгнила в холодильнике. Фирменные пелевинские гэгги никуда не делись, и среди них попадаются преуморительные, как, например, придуманное Скотенковым новое «правило буровчика»: «любая либеральная экономическая реформа в России имеет своим предельным конечным результатом появление нового сверхбогатого еврея в Лондоне». Или еще: «Вечером москвичи наконец проявили себя с теплой человеческой стороны – протрескались в своей гостинице купленным в аптеке кетаминном, ветеринарным препаратом, переносящим сознание психонавта в пространство собачьего забвения, оно же измерение

чистого духа (ибо Атман везде)», и «странствовали в духовном космосе среди обрубков щенячьих хвостов и ушей». На месте и привычные наезды на недружественных критиков и писателей-конкурентов (чего стоит один «трехэтажный золотой унитаз в бархатной полумаске», который «усатые турки» устанавливают «для раскрутки романа одного из прозаиков рублево-успенского направления»).

Но вот в чем дело: в прежних пелевинских вещах подобные остроты вплетались в повествовательную ткань, образуя многослойные метафоры, работающие на движение фабулы и вообще так или иначе играющие. Не то в рассказах и повестях из «Ананасной воды» – здесь вялый сюжет тащится сам по себе, а хохмы торчат в нем чужеродными вкраплениями, как изюм в непропеченной булке. То же с пелевинским «богословием» – раньше оно худо-бедно растворялось в тексте, теперь же выдается непереваренными кусками, напоминающими студенческие конспекты по курсу «История религий».

Но, конечно, самое бессмысленное решение автора «Ананасной воды» – сделать героя-повествователя открывающей сборник повести «Операция “Burning Bush”» евреем. Пелевин попросту не знает, как обыграть его еврейство, и то заставляет своего Семена Левитана изъясняться сложноподчиненными предложениями с деепричастными оборотами, то вдруг, словно бы спохватившись, обильно умащивает его речь всевозможными «таки» и «ой-вей» – но лишь для того, чтобы немедленно вслед за тем вернуться к нормативному литературному языку.

В придачу ко всему усталость и ощущение истощенности обострили всегдашнюю пелевинскую мизантропию, и он решил сорвать зло на читателе. Уже в названии сборника он вполне прозрачно – с небольшой помощью Маяковского – объяснил, кому адресована его книга. Но хуже другое: если прежний Пелевин разговаривал с читателем как с равным, то новый, упомянув Славоя Жижека, непременно пояснит: «это такой модный философ из Евросоюза». Как будто в компьютер, продуцирующий пелевинские тексты, сисадмин по запарке ввел программу, предназначенную для соседней машины, работающей за кого-то из других «эксмошных» звезд – ну, скажем, за Александру Маринину.

Ī ēōāēē Yāāūōōāēī

МРАЧНАЯ КНИГА

ΑΙ ΟΕΝΑΙ ΕΘΕΣΤΙ :ΕΤΙ ΟΑΙ ΟΟΑΕΥΤ ΑΒ ΙΑΙ ΑΑΕΝΟΥ.

ΥΝΝΑ Α ΙΑΙ ΒΟΥΙ ΝΕΙ ΙΙΑ ΑΕΣΑΙ ΟΑΕΑ

*Ι τα δαδ Ε. Αεϋοι αι α,
Ο. Ναι οϋεϋρα, Ι. Ααεοι αι α*

Ι.: Οαι οδδ Οηια «Οηεηεηηο», 2009 - 456 η

Если охарактеризовать книгу «Антисемитизм: концептуальная ненависть» одним словом, то это слово будет «мрачная». И причина этого даже не в том, что книга, задумывавшаяся как приношение к 95-летию Визенталя, превратилась в сборник памяти. Дело в другом: несмотря на все внешние признаки благополучия и достигнутые успехи, Визенталь уходил из жизни разочарованным – разочарованным прежде всего возрождением массового антисемитизма, который, казалось, был раздавлен после падения нацистской Германии.

Различным проявлениям этого «нового антисемитизма», предстающего в облике «антисионизма», посвящена значительная часть очерков в книге. При этом практически все авторы указывают, что критика деятельности Израиля законна, но лишь до того момента, пока она не превращается в очернительство и попытки добиться ликвидации еврейского государства.

Профессор Роберт Вистрич замечает, что «антисионизм» с его систематической клеветой на Израиль стал одной из самых опасных и эффективных форм антисемитизма. Подобной пропагандой, излюбленный прием которой – приравнивание Израиля к ЮАР времен режима апартеида, занимается противоестественная красно-коричнево-зеленая коалиция из ультраправых, ультралевых и исламистов.

Не менее печальный факт – использование антисемитами псевдоправозащитной терминологии. В результате конференция против расизма, прошедшая в 2001 году в Дурбане, превратилась, по определению одного из ее участников, «в конференцию расистов против еврейского народа». Еще одна «новинка» последних десятилетий – антисемитские сайты в Интернете, количество которых исчисляется тысячами.

Никуда не делся и «традиционный» антисемитизм – так, в ряде стран Восточной Европы часть элит решила сделать уже исчезнувших там в результате Холокоста евреев ответственными за трудности, которые переживало население при переходе к рынку. Сюда же относится упорное нежелание привлекать к ответственности нацистских пособников, виновных в уничтожении сотен и тысяч евреев.

Свою специфику имеет антисемитизм в арабских странах, где он идет рука об руку с ненавистью к западной цивилизации. Здесь антисемитизм становится первой ступенькой на пути к потрясающим Европу и мир терактам.

Впрочем, нельзя сказать, что в книге ничего не сказано о борьбе с антисемитизмом. Представляет интерес разработанное Европейским центром по мониторингу расизма и ксенофобии при Евросоюзе подробное определение антисемитизма, вполне могущее претендовать на то, чтобы заменить множество старых, часто противоречащих друг другу. Рассказывается здесь и о различных «антиантисемитских» инициативах снизу – в основном в Германии, где этим занимаются социальные работники и протестантские пасторы.

Вторая основная тема книги – материалы о жизни и деятельности Визенталя. По большей части мемуаристами выступают сильные мира сего, чьи воспоминания вполне традиционны для жанра некролога. Но среди этих малоинформативных текстов находятся и вполне интересные заметки и статьи, позволяющие понять, что и как делал Визенталь. Отмечается, что ему приходилось сталкиваться не только с антисемитами (начиная от писем «еврейской свинье Визенталю» и заканчивая взрывом его офиса), но и с равнодушием, а иногда и с прямым противодействием высокопоставленных еврейских активистов.

Постепенно становится понятно, что Визенталь был не просто детективом-«охотником», как его иногда (из самых благих побуждений) пытаются представить, а человеком, предлагавшим «расширенную» трактовку Холокоста, согласно которой в число его жертв включались и другие народы. Это делалось в том числе и из практических соображений – если жертвами Холокоста считались и христиане, шансы получить поддержку властей при преследовании нацистов и их пособников увеличивались. Особое внимание в этой связи уделено спору Визенталя с Эли Визелем, который отстаивал понимание Холокоста как исключительно еврейского бедствия. И хотя формально точка зрения Визенталя не была принята, фактически она все больше используется в музеях Памяти, которые исповедуют концепцию «мозаичности жертв».

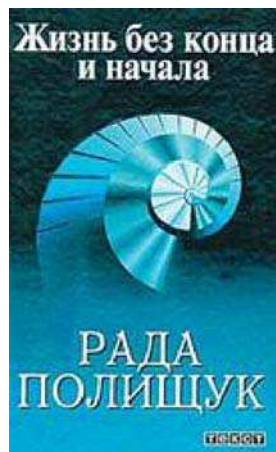
Nai ai xadi ue

БОРИС О ВРЕМЕНИ БОРУХА

Дàää Î îëëùóé

Æèçíü ááç èííóà è íà:àèà Î î ñéääàì ì îëëòâì ääää

Î .: Óàéñò, 2009 - 320 ñ

Сборник прозы Рады Полищук утягивает нас в прошлое, и от текста к тексту автор все более сосредотачивается на национальном вопросе. Лишь заглавная повесть про смертельно больную Соно выделяется из общего ряда своей «общечеловечностью». Героиня встречена нами в зимнем лесу – будто в подмерзшей заросли своих обид и напрасных жертв. Она изнемогает от жалости к себе и много-много радости принесла на алтарь пустых надежд – она думает, что несчастна. Это приближает ее к современному читателю и отличает от прочих героев книги.

Старьевщик Кислер, блудная Гретта, отважная Рахель – не перечислить всех персонажей, которые в книге олицетворяют великое горе, анонимное, народное. Люди, обреченные на смерть одной своей национальностью, – герои прошедшего века. Они и в книге принадлежат прошлому, из их судеб составляет автор новое священное предание – для таких, как она сама или ее героиня Соно, потомков эпохи глобализации, читающих эпос о еврейском мученичестве с теми же волнением и верой, с какими их предки умели читать Библию.

На фоне истово выраженного сострадания в книге звучит особая, мало отрефлексируемая автором боль: о своей чужеродности родовой и народной истории. Цикл рассказов «Бреду куда глаза глядят» написан с позиции человека, который вспоминает удивительное и страшное прошлое своей семьи по фотокарточкам и чужим откровениям. Есть и еще один остро актуальный подтекст: устами персонажей-предков автор цитирует молитвы, но ее восприятие священного действия ярче всего показано в образе дедушки Арона, который, «слегка покачиваясь взад-вперед, еле слышно бормотал какие-то непонятные слова». Предание о страданиях ее народа достоверней всякого завета – задумываясь об ужасе, ставшем семейной и национальной историей, автор задается вопросами, с которыми примирить ее могла бы только сильная вера: «в чем милость» Б-жья и «за что, Г-споди»?

Вот почему – поразительный и горький эффект – эти рассказы воспринимаются как переживания Соны, заболевшей от тоски. Они заперты в прошлом, ни автору, ни нам нет хода в их время и пространство. Отталкивание мира книги от мира читателя особенно сильно в последней части – повести-хронике «Семья, семейка, мишпуха», написанной для себя и своих, упивающихся звучанием национальных имен и словечек. И прошлое семьи, общины оказывается важнее попытки наследовать ему в настоящем: условный герой-потомок Борис выслушивает напутствия прадеда Боруха в условном загробном мире.

Не могу отделаться от мысли, что современную прозу о еврейском народе, истории, вере нельзя так писать, нельзя замыкать эту историю и эту веру в изоляции «мишпухи», прозы для своих. В образе «мишпухи» у Полищук – заряд на еврейский «Тихий Дон»: она умеет заставить героев в моменты невозможного выбора, насыпать на них рок. И любовь тут есть, великая, огневая, смертельная. Только

Григорий и Аксинья, оставаясь казаками, переросли свой род, а вот Арон и Шира, Геня и Борис будут притчей во языцех только для «семьи, семейки, мишпухи».

Еврей не в истории, а на фоне современности – кто он? Решить такую художественную задачу, углубляясь в свидетельства о прошлом, невозможно. Отсюда и очевидный разрыв между заглавной повестью и остальными произведениями в книге. Герои Полищук – люди маленькие, но они титаны в сравнении с Соней, выросшей в эпоху, когда испытанием, переломившим душу, становится не война, не голод, не оккупация, не преследования властей – а «жизнь земная со всеми ее нескончаемыми хлопотами и заботами». И чтобы выдержать это испытание, нужна решимость иного рода – не жертвенная, не национальная.

Вот два повода для размышления, две сцены повести. Первая: Соня после смерти бабушки и мамы сама принимает родню на семейном празднике и хочет достать глубоко чтимые в «мишпухе» мамины панно: мама хорошо вышивала, но бабушка всегда показывала только грамоты за ее работы, а не сами картины. Впервые Соня получила возможность узнать мать ближе – но нитки сгнили, и панно разлезается в ее руках. Вторая сцена: после смерти бабушки одна из завсегдатаев семейных посиделок отказывается вновь прийти в гости, мотивируя это тягостью прошлого, нежеланием тащить его в новую жизнь.

Горькое отчаяние и неизбывная обида – вот очевидные реакции на описанные ситуации, и Соня отчаянию и обиде отдает всю себя, всю радость, молодость, здоровье. Можно ли было отнестись к ним иначе? Посмеяться над собой, сохранившей бумажки и не уберегшей самую красоту? Понять родственницу, которая так долго шла к своему счастью – к жизни в реальности, а не на бумаге? Для этого нужна нравственная сила, которую история в нас не воспитала. На краю смерти человеку некогда думать, зачем жить, – но вот его оставили в покое, и он заскучал. Эти наблюдения эпохи постистории уже банальность, но проблема-то по-прежнему не решена.

Напоследок хочется обратиться от публицистики к критике. Тут тоже есть над чем подумать – автору. И прежде всего о стертых, обезличенных заглавиях. «Да упокоятся с миром их души», «Бреду куда глаза глядят», «Семья, семейка, мишпуха» – это, по сути, шапки ко всей мировой литературе. Именные, в бабелевском духе, названия вроде «Кривой Сруль и рябая Броча» не спасают ситуацию.

Умерить ложно понятую литературность, выпренность хотелось бы и в иных выражениях автора. Бесхитростный стиль Полищук трогает, позволяет легче входить в положение ее героев. Зачем же отпугивать наше доверие пустой игрой слов («Бред? Бзик? Безумие? Бравата?») или неловкими красотоми вроде «семейный круг, возможно, имел шестиугольную форму звезды Давида», «из пресных объятий мужа после третьего аборта, через нездоровый секс со вторым любовником забила к Осе под крыло»?

И наконец, излишки сентиментальности: при чтении порой физически ощущаешь, как автор выжимает из тебя слезу. До пяти раз повторенный стон об Осе, который с детства мечтал раздавать мороженое, звучит не по-хорошему жалко на фоне трагедии, которой увенчались его взрослые мечты. Навязчива на все лады разыгрываемая параллель котятки и ребятки в рассказе «Дед Кузьма и баба Наташа», вообще-то произведении интересном, с внятной динамикой и правдоподобной выдумкой. Сентиментальность действует на читателя скоро, но не всерьез, наше внимание и сердечное участие переключаются с существа ситуации на ее случайное, побочное следствие. Мы плачем над мороженым – а не над сгоревшим домом, над сгнившими панно – а не над тем, что не имели смелости жить по-настоящему. Сентиментальный человек рыдает над тем, что ему по плечу, о чем не слишком страшно думать и знать. Сентиментальный человек жалеет себя. Но ведь в заглавной повести сборника Полищук сама показала, что подобные сожаления бесплодны и не отдаляют смерти.

Аааааааааааааааа

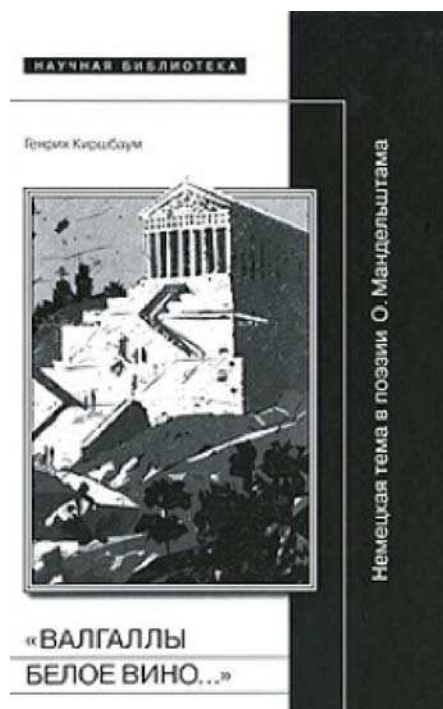
ВИНО ВАЛГАЛЛЫ И МУСКУС ИУДЕЙСТВА

ГЕНРИХ КИРШБАУМ. «ВАЛГАЛЛЫ БЕЛОЕ ВИНО ...» НЕМЕЦКАЯ ТЕМА В ПОЭЗИИ МАНДЕЛЬШТАМА

Алексей Мокроусов

Понятию «еврейского» у Мандельштама посвящено несколько специальных работ — прежде всего, Кирилла Тарановского, а также Патрика Кегеля, Хольта Майера и Леонида Кациса.

Книга Киришаума формально посвящена анализу немецкой темы в творчестве Мандельштама. Но автор не может не работать со множеством других пространств. Ведь «немецкий текст» является лишь частью общего целого, которое для акмеиста определяется хрестоматийной «тоской по мировой культуре», а для Мандельштама еще и исходными обстоятельствами. «Мандельштам был выходцем из провинциальной еврейской семьи и поэтому изначально не ощущал себя прямым наследником русской и европейской культур» — так характеризует Киришаум эту ситуацию. Немецкое влияние стало едва ли не решающим в его развитии как русского поэта, но еврейское никуда не исчезло — Мандельштам рефлексировал по его поводу на протяжении всей жизни, переживая в связи с ним и драматические, и светлые минуты.

Брат поэта утверждал, что в протестантизм Мандельштам крестился под давлением обстоятельств: с его неважным аттестатом и при наличии ограничений для поступления евреев в университеты крещение представлялось единственным выходом. Киришаум склоняется к этой версии, подчеркивая в анализе «Шума времени», что «вместо Талмуда отец Мандельштама читал Шиллера» и что именно Германия и «немецкое» были для него «возможностью выхода из “иудейского хаоса”». Отсюда и противопоставление поэтом «настоящих» еврейских домов, вроде домов их прибалтийских родственников, дому своих родителей. Он не вполне еврейский, хотя в «Шуме времени» «еврейскому началу, метонимически воплощенному в кабинете отца, противопоставляется строй Петербурга». О том, что родительский дом не воспринимается как полностью еврейский, Киришаум пишет в том разделе главы о «Шуме времени», который посвящен оппозиции «еврейский хаос — немецкий строй». Отец, отправлявший сыну письма на немецком и предпочитавший всему на свете

немецкую культуру, и мать, сделавшая выбор в пользу культуры русской, — эта парадигма определила развитие самого Мандельштама.

Местом встречи всех трех элементов, «немецкого», «русского» и «еврейского», оказывается музыка. Именно она, вместе с немецкой и русской литературой, а также строем Петербурга, олицетворяет «европейский императив еврейства мандельштамовского поколения» — не случайно она занимает совершенно особое место в мандельштамовской поэтике, и на страницах книги «Валгаллы белое вино...» ей уделено достаточно много внимания. Музыка Баха как воплощение риторико-эстетических принципов протестантизма, дионисийство Бетховена, разочарование в Вагнере... мало у кого из поэтов внутреннюю биографию можно разбить на музыкальные части, где кодой выступает прощубертское «Жил Александр Герцович...».

Особый интерес вызывают страницы, посвященные Гейне. Казалось бы, замечает исследователь, «Мандельштам мог идентифицироваться с Гейне по многим параметрам: еврейство, крещение — у обоих — в протестантизм, скитальческая жизнь, изначальное положение поэта, принимающего и осваивающего русскую поэтическую культуру (в случае Гейне — немецкую) не по наследству, а в результате сознательного выбора. Наверняка Мандельштам знал и об особом положении Гейне в немецкой поэтической среде». А при этом — не только заявленное отождествление себя с Гете, но и вообще последовательное избегание самой темы Гейне в собственных произведениях, за исключением одного шуточного стихотворения и упоминания в прозаическом тексте о Блоке. Остальное — лишь скрытые отсылки, оборачивающиеся «непроговоренностью мандельштамовской связи с Гейне». Именно она позволила в свое время Сергею Аверинцеву обратить внимание на последовательное игнорирование Мандельштамом этого поэта. Киришбаум полемизирует с такой точкой зрения, высказывая, в частности, гипотезу, что «Мандельштам мог опасаться проецирования-идентификации себя и своего места в русской поэзии с ролью Гейне в немецкой»; не последнюю роль в таком проецировании могло сыграть еврейское происхождение обоих поэтов.

ЛЕХАИМ ФЕВРАЛЬ 2011 ШВАТ 5771 – 2(226)

ВОЗВРАЩЕНИЕ АГЕНТОВ

Жанна Васильева

На Гоголевском бульваре, 10 открывается выставка «ОНИ» Виктора Пивоварова, подготовленная Московским музеем современного искусства и галереей XL. За последние семь лет это третий проект Пивоварова – после выставок «Шаги механика» в Третьяковской галерее и Русском музее в 2004 году и «Едоки лимонов» (Юлия Качалкина. Лисомилы монаха Рабиновича // Лехаим. 2007. № 3) в ММСИ в Ермолаевском в 2006-м, показанный в России.

Ἀέεοῖο Ἰεαῖααδῖα Ἐστῖδεε «Νοαεῦῖῖῖα».

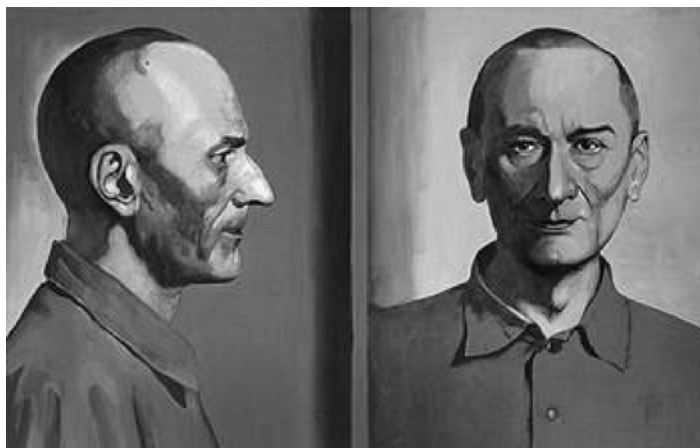
2010 ἄἄ

Кажется, что «предел вневременной», в том числе искусств, Пивоварова интересует больше, чем пересечение земных границ, а память детства и тени прошлого живет в его работах, чем персонажи настоящего. Его трудно назвать еврейским художником, но, по его признанию, еврейские корни, традиции, судьба для него безразличны. Он вспоминает чье-то наблюдение, касающееся еврейской диаспоры: «Ее присутствие заставляет вибрировать окружение». «Это, конечно, поэтический образ, – замечает Пивоваров.

– Но при этом довольно точный. Он подразумевает, что еврейский элемент художника, поэта интенсифицирует поле, в котором существует».

Самому Пивоварову «вибраций» не занимать. Колебания внутреннего маятника художника мало похожи на вычисленную траекторию.

Одну из главок своей книги «Влюбленный агент» Пивоваров назвал «Возвращение беглеца». Речь в ней шла о том, как, перебравшись из Москвы в Прагу в 1982 году, художник вернулся к живописи. Для одного из отцов московского концептуализма (а Пивоваров, конечно, занимает почетное место в ряду прародителей этого романтического создания) возвращение к холсту и масляной краске, палитре и мольберту, короче, к классической картине в те годы выглядело примерно таким же отчаянным жестом, как сдача Кутузовым Москвы после Бородино.

Ἐς ἡδὴ «Ὀεῖτῆρός, εἰς Διὸς ἱεῖ»

2010

Ἄτῃ εἰς Ἀττικὰ (αἰὶ ὀέθ), Ἀεῖ εἰς ἔθ' Ἰδρῆς

Разве не Пивоваров воспевал радости «открытой» картины, не притворяющейся окном в мир, а остающейся плоскостью, как какой-нибудь противопожарный стенд или плакат? Разве не он в 1970-х заговорил на новом языке, запустив на плоскость холста и альбомного листа невиданных персонажей с длинной-длинной рукой или синим ухом, обрывки слов и фрагменты супрематических и прочих миров? Словно вырвавшись за пределы земного тяготения, они парили в невесомости на полотне. А потом начали дрейф в сторону «пустой» абстракции. И вот этот-то художник в Праге вдруг принялся, словно школяр, ставить натюрморты с привезенными из Москвы алюминиевой кастрюлькой и старой синей чашкой или рисовать вагончик старьевщика, давно исчезнувший со столичных улиц... Короче, вытащил забытый за

ненадобностью скрипучий «деревянный велосипед реализма» и даже попробовал на нем проехаться по проспекту современного искусства. Эксперимент, кстати, оказался вполне плодотворным. Свидетельством тому – «Шаги механика» в Третьяковской галерее и Русском музее и «Едоки лимонов» в Московском музее современного искусства.

Но дело не только в повороте на 180 градусов. А в том, что с Пивоваровым никогда нельзя быть до конца уверенным, отъезжает он прочь или возвращается. Точнее, он умудряется это проделывать одновременно. Сам он как-то сравнил эту траекторию с движением по спирали. Иначе говоря, чем дальше он уезжает, тем вернее возвращается. И наоборот – если в новом альбоме 2010 года он декларирует «Они вернулись!», то есть вероятность, что вы встретитесь с незнакомцем.

Впрочем, для начала неплохо бы выяснить, кто такие, собственно, «они»?

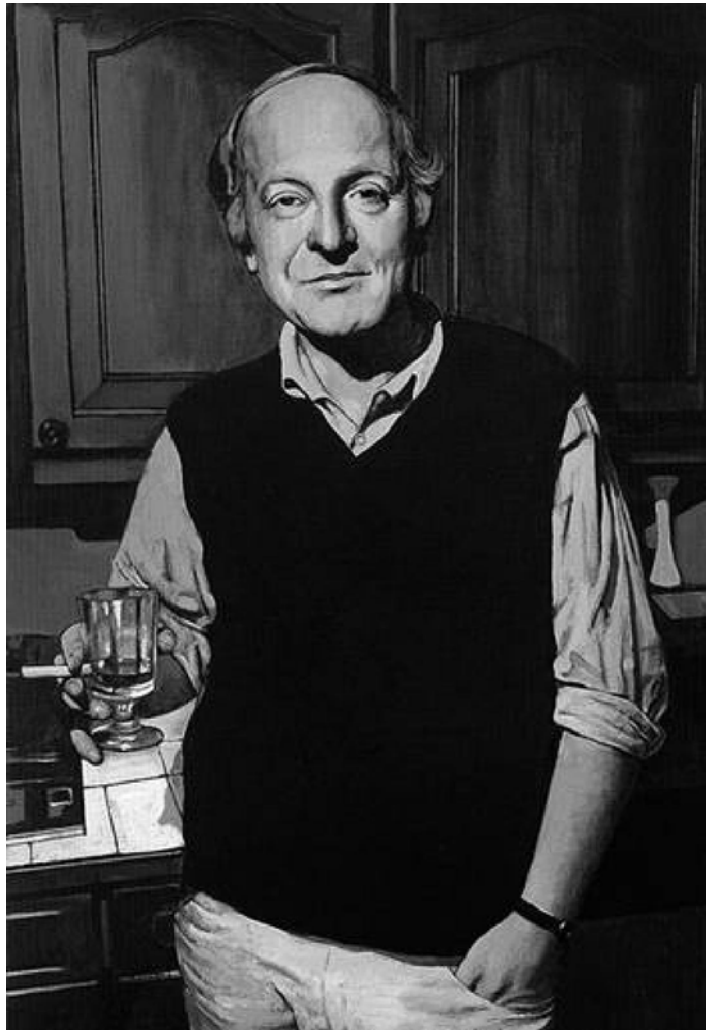
Ī è:āā èè:īīā?

Сам художник на этот счет высказывается вполне определенно: «Они – это те герои и персонажи, которые рождаются в сознании художника. Получив воплощение, они живут самостоятельной жизнью. Меланхолики и Отшельники, Совершенные и Бессмертные – все те, кто дал название разным сериям, представляют космос авторского сознания».

Очевидно, что этот хор персонажей – вроде множащихся отражений в зеркалах. Это те другие, в которых себя, как в зеркале, мы видим. Диалог с «другими» – единственный способ выяснения, что за птица «я». Какого семейства и какого полета... Уж не об автопортрете ли речь? Если так, то новая выставка Пивоварова может показаться лирической серией.

Надо сказать, самому автору эта идея не кажется привлекательной. «Мне стало крайне неприятно употреблять местоимение “я”, – признается художник. – В большинстве моих работ всегда были сильны очень личные, автобиографические мотивы. Но пришло время, когда заикливание на сугубо личном для меня стало невозможным. Так возник цикл “Философы, или Русские ночи”, где нет моего портрета и вообще вроде бы ничего личного нет».

Что правда, то правда. Личное в серии «Философы...» надо искать днем с огнем. Более того, в них трудно обнаружить «знакового» Пивоварова. Черно-белые портреты ученых Александра Пятигорского и Мераба Мамардашвили, писателей Эдуарда Лимонова и Владимира Сорокина, поэтов Даниила Андреева, Иосифа Бродского и Игоря Холина написаны по... фотографиям. Можно сказать, что на велосипеде реализма Пивоваров добрался до самой дальней его границы – фотореализма.

Έξ ηδέε «Οεείπύού, εεε Δυήέα ίί:ε»

2010

Έππéé Αδράηέεé

Такие дальние путешествия случайными не бывают. «Для меня это был очень интересный опыт отказа от авторского “эго” в художественно-рукописном виде, – говорит Пивоваров. – Потому что рукопись художника в данном случае отсутствует. Его индивидуальность находит проявление, во-первых, в общей концепции, во-вторых, в выборе. В остальном он почти автомат. Почти повторяет фотографию».

Но и в выборе своих героев Пивоваров стремился избежать субъективности. «Я выбирал персоналии, опираясь на свою интуицию. Выбирал тех людей, которые, на мой взгляд, оказали самое существенное влияние на формирование московского культурного поля», – говорит художник. В результате в серии и появились портреты Александра Дугина, Мераба Мамардашвили, Даниила Андреева... Более разных мыслителей трудно представить. Да и Пивоваров ни с одним из этих трех не был знаком.

Нельзя сказать, что это бегство не только от лирического, но и авторского «я» совсем необычно для Пивоварова. Почти тридцать лет назад, переезжая в Прагу, он решительно подводил итоги московской жизни: «Я ищу новый язык, который бы не говорил, язык, который бы молчал». Тем интереснее, что человеческое, теплое, личное проступает, словно тайнопись, в работах, написанных скупым слогом оброненных цитат, геометрических контуров и плоского цвета доски объявлений. И – как выясняется – даже в картинах, писанных по фотографиям. Даже в портрете Даниила Андреева, о котором никаких личных воспоминаний не могло быть.

Ёсїѣѣ «Њоѣѣїїїѣ».

2010 ѣѣ

Воспоминаний нет, но общее пространство неожиданно обнаружилось. Им оказался не только духовный пейзаж Москвы, который, по убеждению Пивоварова, невозможно представить без прозрений Андреева, но и мир тихих издательских коридоров и редакторских комнат, заставленных столами-шкафами с рукописями... «Оказалось, что Даниил Андреев был членом Горкома графиков, – рассказывает Пивоваров. – Он зарабатывал на жизнь как шрифтовик. Сейчас это утраченная профессия. А в 1950-х годах и раньше на обложках книг не использовали наборный шрифт. Там буквы рисовали художники, которые на этом специализировались. Обложку – картинку или композицию – делал художник. А надписи – шрифтовики. За работу они получали абсолютные гроши. В художественной иерархии ремесло их считалось самым скромным, маргинальным. Шрифтовики были такими Акакиями Акакиевичами книжной иллюстрации. Но не в том суть. Получается, что я ходил по одним и тем же издательским коридорам, что и Даниил Андреев. И может, даже по тем же редакторам».

Пространство стало накопителем времени. Но кроме неожиданности параллелей траекторий движения людей из разных времен есть и другое сближение. Образ забитых шрифтовиков, среди которых жил духовидец, рифмуется с любимыми маргиналами Виктора Пивоварова, путешествующими с ним по жизни. С соседом-баянистом Григорием Сергеевичем Татузовым, который писал стихи в самодельные тетрадки. С тихим пьяницей, резчиком по мрамору Овсеем Овсеевичем Дризом, чудесным поэтом, чьи стихи «Хеломские мудрецы» (Леонид Кацис. Овсей Дриз // Лехаим. 2006. № 5) переводил Генрих Сапгир, а Пивоваров иллюстрировал (Жанна Васильева. Пивоваров и другие мудрецы // Лехаим. 2008. № 12). «Как все настоящие поэты, а Дриз им был, он был ясновидящим», – мимоходом сообщает Пивоваров о своем старом друге. И вслед за тем приведет его стихотворение «Эпитафия», в котором при желании можно обнаружить свернутый в клубочек сюжет «Загадочной истории Бенджамина Баттона». Режиссер Дэвид

Финчер ставил свой фильм по рассказу Фицджеральда, но трудно предположить, что Овсей Овсеевич Дриз, кроме идиша, владел еще и английским.

Из альбома «Лисы и праздники».

2005 год

Иначе говоря, сложно отделаться от мысли, что серия «Философы...» переключается не только с «Русскими ночами» романтика Владимира Одоевского, но и с «Хеломскими мудрецами» Овсея Дриза. Впрочем, для художника в данном случае, похоже, важнее акцент не на национальном, а на сакральном. «Цикл “Философы” сделан в ночной, сумеречной гамме. Это черно-серые портреты, – говорит Пивоваров. – Для меня этот момент был очень важен. Ночь я понимаю как время, открытое всему сакральному».

Но если так, то перед нами возникает знакомое напряжение между аскетизмом средств и энергией смысла, который так любил Пивоваров. Чем более обыденными выглядят «реалистичная» стилистика портретов и сумеречная гамма черно-белого фото, тем «объективнее» и монументальнее ночной пейзаж лиц, отсылающий к сновидениям и яви грез.

«Āđāi ŷ Dīcī» ē äđūāā ĩāēđāō ū

Цикл «Философы, или Русские ночи» – один из ключевых в экспозиции на Гоголевском бульваре, но не единственный. Среди самых больших неожиданностей – появление... скульптур. В нелюбви к скульптуре Пивоваров неоднократно признавался. Как он говорит, «это личные дела – я учился на скульптурном отделении». Но, посмотрев залы будущей выставки, художник «просто физически ощутил», что ему не хватает пространственных объектов. Так возникли «Стеклянные». Головы и бюсты, отлитые по заказу художника, абсолютно прозрачны. Их содержимое открыто всякому любопытному взгляду. Рукописи и стрелки, буквы и цифры – бурная внутренняя интеллектуальная жизнь, можно сказать, налицо.

Первым вспоминается Даниил Хармс, один из изблюбленных собеседников художника, наряду с Малевичем, Хлебниковым, Платоновым. У Хармса была идея «устройство человеческого лица отмечать знаками, буквами и цифрами». У Пивоварова эта хармсовская программа шифровки-дешифровки лиц выглядит взломанной и спутанной. Словно компьютерный вирус все своротил и перепутал в тесноте прозрачных голов. В результате «Стеклянные» объекты, по замыслу художника, «напоминают дадаистские вещи, правда, в отличие от тех они ужасно беспомощные, жалкие, и очень смешные».

*«È èòæ è í à ääí ðà / È íàèàèí à òòàèáí à» (í îíòòàèí à).
Èç àèüíàí à «Í í è ääí èèèíí!».*

2010 ä ä

Впрочем, внутри самой экспозиции тоже есть близкая параллель. Я имею в виду цикл «Время Розы». Написанный в 1988 году и впервые сейчас показанный в Москве, этот цикл тоже имеет непосредственное отношение к стеклу. Поскольку отсылает к «секретикам», которые дети делали во дворах еще в 1960-х годах. Не то чтобы серия напрямую была связана с этой детской игрой, тем не менее Пивоваров описывает ее очень подробно в своей книжке: «В земле делается небольшая ямка, на дно которой кладутся какие-нибудь маленькие предметы: коробочки, пузырьки от лекарств, яркие фантики от конфет, бусины, обломки игрушек. Ямка прикрывается кусочком стекла, а стекло засыпается землей. После этого земля слегка разгребается, чтобы получилось круглое оконце, и в это окошко, за которым мерцают загадочные сокровища, можно смотреть».

Игрушечное сакральное – невзаправдашнее, ненастоящее, но все же таинственное, влекущее – при свете дня и взрослом трезвом взгляде выглядит смешным и бессмысленным. Чепухой, одним словом. Но маленькие солдатики, стоящие на часах у домашнего будильника, все же остаются «Стражами времени». Их слабость и малость не отменяют игрушечной отваги, пожалуй, даже подчеркивают ее.

Нынешние стеклянные бюсты похожи и на продолжение «Времени Розы», и на детские «секретики», которые выставили на обозрение взрослых. Они прозрачны, беспомощны, комичны. Но даже в своем жалком бессилии напоминают об исчезнувшей тайне, недоступной тем, кто забыл о детстве – времени Розы.

Для Пивоварова вообще слабость, нелепость, беспомощность – сигналы маргинального бытия – обладают особой привлекательностью. Самое невероятное, что он умудряется это находить даже в таких монументальных фигурах, как Малевич.

Когда Пивоварова спрашиваешь, почему его так интересует именно поздний Малевич, из которого явно вышли все пивоваровские «Эйдосы» и «Эйдетические пейзажи», он вспоминает знаменитый автопортрет Малевича. «Малевич – такая волшебная фигура, которую ни перешагнуть, ни объехать совершенно невозможно».

«Дух Феникс возрождающийся» из альбома «Милена и духи» (внизу).

2009 год

Что касается позднего Малевича, то одно обстоятельство меня очень задевает. В его позднем автопортрете есть элемент беспомощности, какой-то жалкости. Малевич стоит в торжественной позе, но живопись очень неуверенная. И это очень подкупает, я должен сказать. Это лучше, интереснее рассчитанных супрематических форм. Когда появляется слабость, то появляется человечность. Особенно у очень сильных личностей, типа Малевича. В его супрематических вещах человечность отступает на задний план. А здесь она очень откровенна, ощутима».

Случайно или нет, но проступающая человеческая беспомощность великана связана с возвращением к картине. «Поздний Малевич нашел связку с классическим искусством, – замечает Пивоваров. – Не он один. Есть в истории искусства ручеек, небольшой, но постоянный. Ручеек поисков абсолюта. Поисков абсолютного тела, абсолютного человека, энергии. Он, конечно, связан с платонизмом и неоплатонизмом, с именами Леонардо, Пьетро делла Франческа... Я стараюсь войти в этот ручеек. Это не имеет ничего общего с мистикой. Скорее, с осознанной постройкой чего-либо. Я бы назвал это культурной работой».

*Ёс ёёёё «Уёаїїї пїао деаіоаї ё» (2009): «Уёаїїї даёаіо ёї ё» (ёдаёі үү пїааа),
«Уёаїїї -ади ёёіі ёоаё» (ёдаёі үү пї дааа)*

Искусство переключения оптики

«Они вернулись!» – альбом, нарисованный Пивоваровым в 2010 году, – завершает экспозицию. Этот альбом – встреча с еще одним «незнакомым» Пивоваровым.

Во-первых, снова неузнаваем рисунок. Вместо фирменной пивоваровской ясности – экспрессия, экстатический восторг... Во-вторых, серия пронизана радостью.

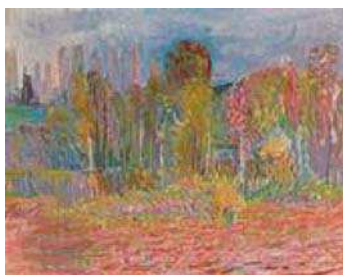
Этот альбом возник вопреки очевидности. «Когда я приезжаю в Москву (это бывает редко, но тем не менее), я впитываю в себя все: воздух, идеи, голоса, настроения и так далее, – говорит художник. – Вряд ли вас удивит, что мои впечатления были очень тревожны. Но в этом альбоме я даю позитивный взгляд. Я как бы хочу показать, что все всегда происходит одновременно. Достаточно чуть-чуть изменить нашу оптику, и мы увидим весь этот город, и жизнь, которой живем, совершенно по-другому. Любовь, поэзия, природа – они вне времени.

Мы не можем не переживать актуальные политические события, страшные природные катаклизмы. Кто не переживает, значит, просто мертвый. Но если бы мы могли эту оптику переключать хотя бы на секунду, было бы замечательно».

Не знаю, как насчет других способов, но один проверенный способ переключения оптики существует. Чтобы он начал работать, достаточно прийти на выставку Виктора Пивоварова.

ЛЕХАИМ ФЕВРАЛЬ 2011 ШВАТ 5771 – 2(226)
ПРЕМЬЕРА КОЛЛЕКЦИИ 2010

Î îîéâ, äëáäý Áàéáää, äî 1 î àðò à

Òàíáí ð Í äüçí äð Í äéçàæ. 1930-á äîäü. Ñíáäáí è á Ñ. È. Í èéüéí à, Î îîéâ

Одна из самых интересных московских галерей, расположенная в Большом Козихинском переулке, специализируется на графике довоенного времени, как печатной, так и оригинальной, в том числе книжной. Новая выставка интересна тем, что в ее основе – коллекции членов Московского клуба коллекционеров, а также молодых собирателей. Сто с лишним работ российских и западноевропейских мастеров представляют 38 коллекций. Показывают, в частности, мифологический сюжет Льва Бакста из собрания М. А. Боксера, а также пейзаж Теодора Певзнера (1904–1942) из собрания С. К. Никулина.

Ðèüàäü Øòäüü 100 èäò «Èäâèäüð õíçü»

Ááí à, Í àèèîí äëüü äý äéäéèî äéà Áäüððèè, äî 6 î àðò à

Áèéèè Áèðõíí.

Ðèüàäü Øòäüü è Áüü õíí Áíòí àíðò äëü

Ñèéüò. 1918-á ä ä

Èçäàò äéüüð àí èí èáíí èèòäðàòüäí Õ. Á. õíí Áèéáäí àí à

Î þí õáí

Самая популярная опера из созданных в XX веке удостоилась персональной выставки – небольшой, но очень содержательной. Здесь показаны оригинальная партитура, подаренная автором Национальной библиотеке в обмен на участок земли в Вене, переданный ему под строительство villas австрийским правительством, эскизы костюмов к первой постановке в Дрездене в январе 1911 года, фотографии певцов и либреттиста Гуго фон Гофманстала (1874–1929). В сотрудничестве с ним Штраус создал лучшие свои творения – от «Саломеи» до «Женщины без тени». После прихода к власти нацистов у Штрауса начались трудности с защитой авторских прав умершего к тому времени друга. Имя еврея не могло появляться на афишах, даже у композитора, столь любимого Гитлером. Что же делать? Немецкие музыковеды либо просто опускали имя либреттиста, либо делали вид, что он не еврей. Либреттистам Штрауса посвящен особый раздел выставки, здесь рассказывается и о его сотрудничестве со Стефаном Цвейгом, результатом которого стала опера «Молчаливая женщина». Имя Цвейга нацисты попытались снять

признаку или творческим принципам, причем преследования коснулись и авторов, скончавшихся еще до открытия «выставок дегенеративного искусства» (как Ловис Коринг), и уехавших в эмиграцию (как Лионель Файнингер). В Зальцбурге представлен и образец реституции – пастель Берты Моризо «Жанна Понтийон в шляпке» (1884), хранившаяся в Музее модерна и происходящая из разграбленной нацистами в 1940 году коллекции Давида Давида-Вайля. Недавно городской суд постановил вернуть ее наследникам коллекционера.

À la mémoire I re

к началу 1930-х принял эстетику соцреализма. После закрытия выставки его барельефы были подарены французскому профсоюзу металлургов, а тот разместил их для всеобщего обозрения в замке Байе. В 1940 году петеновцы разрушили композицию, остатки барельефов складировали в леднике замка, о них забыли и лишь случайно нашли в 2004 году. Барельефы отреставрировали и выставили в музее Гири-ан-Вексен; фрагмент же показали и в «Городе музыки».

Специальные разделы выставки посвящены музыке в спектаклях ГОСЕТа (этот раздел оформлен, в частности, эскизами Анатолия Гусятинского и Марка Шагала) и истории еврейской музыки в СССР. Здесь рассказывается, в частности, о судьбе Мечислава Вайнберга (представлен его фотопортрет работы Наппельбаума 1946 года; см. Лехаим. 2010. № 11), а также Михаила Гнесина. Сын раввина, он был одним из пионеров научного изучения еврейской музыки в дореволюционной России, много работал как композитор, в частности, для театра Мейерхольда. Международной известности достиг и Александр Веприк (1889–1958), представитель так называемой Новой еврейской школы – его «Песни и пляски гетто» были в репертуаре многих оркестров мира, в частности, Артуро Тосканини исполнял их в 1933 году в Нью-Йорке. Но уже в 1930-х в СССР начались репрессии в отношении еврейской музыки, пишет в каталожной статье Фридрих Гайгер. В 1950 году Веприк был арестован и отправлен в концлагерь, освободили его лишь после смерти Сталина, когда здоровье композитора было окончательно подорвано. ГУЛАГу посвящено немало материалов на выставке «Ленин, Сталин и музыка», – не только рассказывается о судьбах арестованных композиторов и музыкантов, но здесь представлены и фотографии музыкальной мастерской Беломорканала, и оригиналы инструментов, на которых играли в местах заключения. Среди арестованных был 19-летний композитор и скрипач оркестра Ленинградского радио Михаил Носырев, приговоренный в блокадном Ленинграде к смерти за антисоветскую пропаганду; в каталоге утверждается, что его участие в исполнении «Ленинградской симфонии» Шостаковича привело к замене расстрела на 10 лет лагерей. Носырев играл в оркестре в Воркуте, а после освобождения дирижировал в театре Сыктывкара. Автора четырех симфоний, его приняли в Союз композиторов лишь в 1967 году по личному настоянию Шостаковича.

Музыкальная элита не могла избежать ролей в пропагандистском театре. Снимок 1936 года запечатлел поездку на Беломорканал Хренникова, Шабалина, Хачатуряна, Кабалевского и Мясковского (последний был одно время учителем Веприка). Историю музыки невозможно отделить от истории страны. Фарс и трагедия шли рука об руку, и большинству этот союз жертв и палачей казался вечным.

АНДРЕ КЕРТЕШ: ПАРИЖСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Андрей Рогачевский

В эти дни в парижском «Зале для игры в мяч» (Национальный центр фотографии в саду Тюильри) завершается обширная ретроспектива выдающегося венгерско-французско-американского фотохудожника еврейского происхождения Андре (Андора) Кертеша (1894–1985).

Ár ádó Éádó áe.

*Í rā Yéóááááé ááóí áé.
1929 áá*

Кертеш купил свой первый фотоаппарат ICA в 1912 году, будучи клерком на будапештской фондовой бирже. В то время массовое любительское фотоискусство делало лишь первые шаги. Правил и стереотипов почти не существовало, что создавало широкие возможности для поиска и экспериментаторства. Ранние работы Кертеша предвосхищают сюрреалистическую, абстрактную и конструктивистскую технику, хотя формально он всегда оставался в стороне от этих движений.

Первые публикации фотографий Кертеша относятся к периоду первой мировой войны, когда венгерские периодические издания объявили конкурс на лучший солдатский любительский фотоснимок, и Кертеш-военнослужащий попал в число тех, чьи работы появились в печати. Но возможности для настоящей карьеры фотохудожника – к чему Кертеш издавна стремился – в Венгрии были ограничены. Не смущаясь незнанием французского, в 1925 году Кертеш переезжает в Париж, где в течение следующего десятилетия создает себе репутацию фотографа-модерниста с неповторимым изобразительным языком, запечатлевающим, по словам самого Кертеша, «не то, что я вижу, но то, что я чувствую». В конце 1920-х в галерее «Sacre du Printemps» проходит первая индивидуальная выставка Кертеша, его фотоэссе начинают появляться в престижном иллюстрированном журнале «VU», в 1933 году выходит его первая книга фотографий под названием «Дети» («Enfants»), а в 1936 году по приглашению агентства «Keystone» Кертеш с женой Эржебет Саломон переезжает в Нью-Йорк, где, вновь преодолевая языковые трудности, становится одним из многих именитых американских фотографов с еврейскими корнями – таких, как Ман Рэй, Ричард

Аведон и Гарри Виногранд (не говоря уже о венгерских евреях Мохой-Наде, Роберте Капа и иных, бежавших в Соединенные Штаты от Гитлера).

Ī:ēē ē òðááēā Ī ēòà Ī ĩíäðēāí à

1920-á ããü

Есть ли, впрочем, что-либо собственно еврейское в фотографиях Кертеша, равно как и у других его секулярных соплеменников? Можно было бы отшутиться чем-то вроде: «Говорят, что и Ман Рэй / В детстве тоже был еврей». Тем не менее в 2002 году в Нью-Йорке в составе каталога «New York: Capital of Photography» вышло исследование критика Макса Козлова, в котором утверждается, что специфически еврейский взгляд еврейских фотографов, снимающих нееврейские сюжеты, проявляется в фиксации промежуточного состояния между чувством отчуждения и чувством принадлежности, объясняющегося тем, что в нееврейской среде еврей никогда не ощущает себя до конца своим. Не знаю, насколько справедливо это наблюдение в целом, но оно, похоже, имеет непосредственное отношение к Кертешу, чье недостаточно свободное владение французским и в особенности английским (который он, кажется, так и не освоил в должной мере) не могло не усугублять чувство отчуждения, отдаленности, а подчас и ничтожности (ср. изображения неизвестного за балконной перегородкой, а также Эйфелевой башни и железнодорожной станции Паукиспи в штате Нью-Йорк).

Î îîò êíêúíîîá

Î áðêæ.

1963 ãä

Хочется добавить, однако, что, с моей точки зрения, данным обстоятельством еврейскость творчества Кертеша, по-видимому, не исчерпывается. Кертеш занимался фотографией более семидесяти лет, перепробовав изрядное количество подходов и техник (последние его снимки сделаны «Поляроидом»), и был для фотографов не только чем-то вроде библейского патриарха, но и во многих отношениях первопроходцем. (Вос)создавая на снимках окружающий мир как бы впервые (потому что подражать на раннем этапе развития фотоискусства было, по существу, почти некому), Кертеш до известной степени культивировал взгляд Творца, проявляющийся, в частности, в особой точке зрения на Время – изнутри циферблата часов (будто бы желая отождествить Время и самого себя, поскольку фотография – это распределение свето-теневых масс, т. е. отделение света от тьмы, а стало быть, в том числе и чередование дня и ночи по воле Создателя); а также в зеркальных искажениях форм женского тела, воспринимаемого как податливый строительный материал; или в воспроизведении целого по его части (очки и трубка голландского художника Пита Мондриана) – подобно Еве, возникающей из ребра Адама; или в изображении других евреев как богов, пусть даже языческих (см. шуточную фотографию брата Кертеша в роли Пана, которую можно интерпретировать с точки зрения трансформации Завета между Б-гом и еврейским народом в проведение знака равенства между Б-жественной и человеческой субстанциями).

Óðái ööççéáý áéääái éý.

1931 ãã

Пусть моя интерпретация кому-то покажется спорной. Важно помнить, что народ Израиля не воспринимает искусство Кертеша как чужеродное. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что выставка его фотографий состоялась в 1980 году в Музее искусств в Иерусалиме. Впрочем, сам Кертеш явно предпочитал всем другим странам Францию, где в 1983 году он был награжден орденом Почетного Легиона. Именно французскому государству фотохудожник (ставший американским гражданином еще в 1944 году) завещал свой архив и негативы, на основе которых была подготовлена нынешняя экспозиция.

Те, кто не успел посмотреть выставку Кертеша в Париже, смогут увидеть ее в Цюрихе (Winterthur Fotomuseum, 26 февраля – 15 мая), Берлине (Martin-Gropius-Bau, 11 июня – 11 сентября) и Будапеште (Национальный музей, 30 сентября – 31 декабря 2011).

ВОЗВРАЩЕНИЕ РВАНОВОГО БАШМАЧНИКА

Майя Волчек

Ḍāēēṛīāḏ Ḳ āḏēī ā Ḳ āēāōīāā
Āāōīḏ ṛōāī āḏēy Ḳ āōāēyṛ Ḳ ēēīṛāḏāīāā
Āīḑāḏāūāī ēā Ḳ āḏāḏēōū Āāḏḥēē
Ḍīṛḥēy, 2010

«Шлюха-судьба перепутала роли. Я как комик, попавший на трагические котурны, с которых никак не могу соскочить». Написавшая эти слова Маргарита Барская в неполные 30 лет стала классиком советского кинематографа, в 34 была отлучена от профессии, в 36 покончила с собой. Барская – автор самого нестандартного детского фильма за всю историю кино. (Она, собственно, один из первых русских режиссеров, обратившихся к этому жанру.) Сами понятия «детская кинематография», «студия детского кино» появились благодаря Барской. Ее талант, новаторство признавали Горький и Роллан.

На последнем фестивале «Сталкер» фильм «Возвращение Маргариты Барской» получил приз Гильдии кинокритиков, и это абсолютно предсказуемая награда: картина сделана по материалам архива Барской, до последнего времени считавшегося то ли потерянным, то ли уничтоженным. (Беседу ведет Афанасий Мамедов. И Мастер, и Маргарита // ЛеХаим. 2010. № 4) Однако, как выяснилось, все эти годы архив хранили сначала младшая сестра Евгения, а затем племянник Маргариты Дмитрий Барский. Он разрешил сценаристу фильма киноведущей Наталье Миросердовой использовать сохраненные им материалы – и в фильме зазвучали отрывки из писем Барской (замечательная закадровая работа Инги Оболдиной), появились неизвестные прежде кадры из ее архива.

Видеоряд получился эффектным: фотографии семейного альбома сменяет официальная хроника, а там – ослепительно улыбается «золотоволосый бог» Александров, хмурится Довженко, нервничает Эйзенштейн. И тут же Мара Барская – никому не известная еврейская девочка из Баку, дочь шляпницы, безотцовщина, бывшая жена знаменитого еще до революции режиссера, красавца Петра Чардынина. От Чардынина она сбежала в Москву – делать детское кино. Луначарский, к которому она как-то пробилась, уговорил начать с агитпропа: в 1930 году Барская выпустила «Кто важнее – что нужнее» – легкий и остроумный микс анимации и хроники на тему вечного спора города и деревни. Фильм признали комплексным учебным пособием, эталонным по исполнению. А спустя три года появились «Рваные башмаки», первый в мире (!) звуковой фильм для детей.

Собственно, с «Башмаками» Барская и вошла в историю – ее следующей ленте «Отец и сын» не суждено было выйти, из профессии ее выдавили (при «активном» попустительстве коллег – Мара умела наживать

врагов). Близкий друг Макаренко умер, друга Радека убили в тюрьме, бывший гражданский муж Милькин погиб в лагере. Личная жизнь в очередной раз не сложилась, денег не было ни копейки. 23 июля 1939 года Мара выбросилась из окна.

Как видно даже из краткого пересказа, жизнь Мары Барской была удивительно кинематографична – потянет хоть на художественный фильм, хоть на сериал. Но вот для документальной ленты простой реконструкции биографии (все равно неполной) недостаточно. Потому что при избытке Мары-женщины в «Возвращении» сильно не хватает Барской-художника. Нет контекста: внятной нарезки из фильмов Барской, сопоставления их с фильмами, выходящими параллельно, будь то опусы авангардистов (Эйзенштейн, Пудовкин, Довженко) или чаплиновский «Мальш». В результате зрителю не понять, что имел в виду Ромен Роллан, когда говорил, что на Западе будут интересны две советские ленты: «Потомок Чингисхана» Пудовкина и «Рваные башмаки». Повисает в воздухе вопрос Горького: «Как это вы сделали, что у вас маленький мальчик перед витриной дает такую гамму эмоций, которые доступны только большому актеру?» А ведь действительно, как? Вот, например, киновед Евгений Марголит убежден, что даже Ролан Быков не умел работать с маленькими (2–4-летними) детьми так, как работала Барская. И что ее фантастический успех и случившаяся затем трагедия – следствия одного факта: Барская – «человек ниоткуда», «ничейная». Вначале ей это сыграло на руку: ворвавшаяся в Москву провинциальная девочка ничего не боялась и не признавала авторитетов – не знала об их существовании. У нее не было опыта работы в немом кино, поэтому она не мандражировала перед звуком, в отличие от мэтров. На которых, кстати, Мара от души «наезжала». Ее бесконечно раздражали эти парни, спустившие с лестницы в Эйзенштейновой коляске принципы традиционного монтажа, которым обучил ее Чардынин. Конечно, когда гнобить начали саму Барскую, именитым коллегам и в голову не пришло вступить за нее.

В результате имя Барской, как имена многих, кто был рядом с ней (например, ее гражданского мужа драматурга и журналиста Афанасия Милькина), оказалось вырванным из истории кино. А вместе с именем исчез и декларируемый Барской подход к детскому фильму: без сахарных соплей и сюсюканий – часто случающихся, увы, выделений взрослого, желающего изобразить детство. Между прочим, в детском фильме Барской на глазах зрителей погибал трехлетний мальш. И спустя сорок лет в статье о «Рваных башмаках» киновед 1970-х укорял покойного режиссера: дескать, не стоит показывать смерть в детском фильме. Прав ли он? Права ли Барская? Фильм «Возвращение» нам не подскажет. А стало быть, время, когда зритель сможет судить об отечественном детском кино 1930-х не только по сказкам Роу–Птушко, еще не пришло.

ПОПАВШИЕ В ЭТУ СЕТЬ

יְעֹאֲבֵד יִצְחָק בְּרַחֲמֵינוּ

Режиссер Дэвид Финчер

Социальная сеть

США, 2010

В середине декабря стало известно, что влиятельный американский журнал «Time» назвал «Человеком года» создателя социальной сети Facebook Марка Цукерберга. Основания для такого решения очевидны: капитализация Facebook за прошедший год выросла до 50 млрд долларов, годовая прибыль компании составила, по некоторым данным, 2 млрд, а число зарегистрированных пользователей превысило 500 млн (то есть свой аккаунт в сети имеет практически каждый десятый житель планеты). Тем не менее до последнего считалось, что «Человеком года» будет объявлен идеолог скандального сайта WikiLeaks австралиец Джулиан Ассанж, победивший с огромным отрывом в читательском голосовании. Однако редакция журнала сделала иной выбор.

Такое решение можно только приветствовать. Ассанж, этот новый кумир сетевых и оффлайновых леваков, безусловный мерзавец, тогда как Цукерберг хоть особой пользы обществу и не приносит, по крайней мере безвреден. Если аудитория Ассанжа изживает фрустрацию через агрессию, то аудитория Цукерберга выбирает старый добрый эскапизм, что на диагноз влияет мало, зато несравненно приятнее для окружающих.

Однако журналисты, выбирая «Человека года», едва ли руководствовались моральными или медицинскими соображениями. Решающей гирькой на весах, где взвешивались два претендента, по мнению большинства комментаторов, стал вышедший в прокат осенью 2010-го фильм Дэвида Финчера «Социальная сеть» и последовавшая дискуссия, превратившая Цукерберга в символ поколения, живущего в Интернете.

По некоторым внешним признакам «Социальную сеть» принято классифицировать как байопик, но на самом деле это вовсе не жизнеописание основателя Facebook. Достаточно сказать, что в фильме не упоминается ни один эпизод из догарвардской жизни компьютерного гения. Среди прочего элиминированы папа-дантист и мама-психиатр, вложившие, как и положено любящим еврейским родителям, на заре становления Facebook в эту игрушку сына с сомнительными перспективами скромные 85 тыс. долларов.

Финчера интересует другое: специфика интернет-бизнеса и сам феномен популярности социальных сетей, виртуального общения, властно вытесняющего «реал». По первому пункту вердикт режиссера прост: интернет-бизнес – такая же грязь, как и любой другой, и так же густо замешан на обмане и предательстве. Американский кинокритик Джонатан Розенбаум остроумно заметил по этому поводу, что

«Социальная сеть» – это, по сути, осовремененная версия «Крестного отца», любимая Голливудом со времен «Гражданина Кейна» притча о том, как большой бизнес пожирает душу и приводит героя к краху. Не слишком оригинален и авторский ответ на второй вопрос: повальная увлеченность социальными сетями – это та же социопатия, вид сбоку.

Цукерберг, по Финчеру, соединяет в себе черты гениального игрока, просчитывающего партию на много ходов вперед, циничного дельца и фрустрированного подростка. Всю историю с Facebook он затеяет исключительно для того, чтобы доказать свою состоятельность всем им: богатым однокурсникам, завсегдашним привилегированным студенческим клубам, куда ему доступ закрыт, но в первую очередь девчонке, отказавшейся с ним встречаться, потому что он «полный придурок». С девчонкой, впрочем, так ничего и не склеивается: аккаунт в Facebook она заводит, но френдить отца-основателя отказывается. В последнем кадре мы видим Цукерберга, который как самый что ни на есть рядовой юзер каждые пять секунд обновляет страницу в ожидании ответа от непреклонной Эрики. Паук, сплетший всемирную паутину, сам попал в свою сеть.

Впрочем, несмотря на очевидную банальность месседжа, финчеровская картина очень хороша. Достаточно сказать, что все более или менее влиятельные американские издания дружно откликнулись на нее – редкий случай – безоговорочно положительными рецензиями. Она заняла первое место во всевозможных опросах критиков, получила четыре «Золотых глобуса» в основных номинациях и теперь, как ожидается, соберет изрядный урожай на «Оскаре». При этом объяснить, в чем именно ее прелесть, не так-то просто. Это тот самый случай, который лишний раз доказывает, что кино – это в первую очередь не что, а как. Динамичный монтаж, продуманная композиция, когда линейное повествование в середине ленты осложняется флэшбеками, фирменный финчеровский приглушенно-мрачноватый колорит, быстрые и остроумные диалоги, удачный кастинг – и простенькая история приобретает символическое звучание. Особо следует отметить выбор исполнителя главной роли – Джесси Айзенберг при весьма отдаленном внешнем сходстве со своим «прототипом» сообщает киношному Цукербергу такую психологическую изощренность, которая Цукербергу реальному, судя по всему, и не снилась.

Не случайно основатель Facebook, даром что выведен персонажем не слишком положительным, фильм Финчера в целом одобрил – кому не хочется, заглянув в зеркало, увидеть себя тоньше и значительнее, чем по эту сторону стекла? Вот только версия, что он затеял все это ради девушки, его насмешила.

Впрочем, что говорить о Цукерберге, если даже его соученики по Гарварду гребцы-близнецы Уинкловоссы, до сих пор доказывающие в судах, что это они первыми придумали идею Facebook, признались, что получили от фильма удовольствие. И это притом, что в картине они выведены мало того что непроходимыми лузерами, так еще и изрядными дуболомами! Волшебная сила искусства, не иначе.

СМЕРТЬ НЕГЕРОЯ

Àéàéàé Ì íèðíàíá

Òíí àíí Ááðí òáðä

Ì èí ù ááü ááðí áá

Èí ñáðé, Òèðí èüñéé Èáí ááíð ááòð

Èíáíá-òí íðáí ùáðá íüñü Òíí àíí Ááðí òáðä áíçááéá á Ááíððéé ñéáíááé, íí ñáááíý íáííí èíáíéá í òáí íúð ñòðáíéòáð èíòíðéé, íá áíçéðíí è áíðéñü èðéçí á óéá íá èáçéòíý èðáí íéüííí.

Огромная комната в стадии то ли разрухи, то ли переезда. Чемоданы, сундуки, дверцы с открытыми шкапами. Рояль без ножек, лежащий на полу.

Молодая женщина тянется на цыпочках, чтобы выглянуть в огромное окно. За ним расстилается Хельденплац – Площадь героев, одна из красивейших в Европе, главная площадь австрийской столицы. Здесь стоит дворец Габсбургов Хофбург, здесь памятники победителю турок принцу Евгению Савойскому и эрцгерцогу Карлу, разгромившему Наполеона. Гитлера на балконе Хофбурга 15 марта 1938 года восторженно приветствовала толпа венцев. Аншлюс состоялся, Австрия вступила в самую черную полосу своей истории.

Действие пьесы Томаса Бернхарда (1931–1989) «Площадь героев» происходит полвека спустя после речи Гитлера. Семья профессора-еврея Шустера собирается уезжать в Оксфорд. Однажды она проделала этот путь, но после войны, так и не став своими людьми в Англии, профессорская чета вернулась домой. Как выяснилось, дома тоже уже не было. Обстоятельства изменились, но что-то в атмосфере осталось неуловимое от прежних времен, когда, «как евреи, они обладали правом жертвы. Как австрийцы, они говорили на языке преступника», – пишет Биньямин Хенрикс о людях, чьи страхи перед нацистами могли бы «показаться бредом, гротескным преувеличением, но их собственная жизнь показала им, как быстро действительность может обогнать любое безумие».

В послевоенной Вене Шустер чувствует себя настолько одиноким, что решает на эмиграцию. Накануне отъезда он выпадает из окна своей квартиры. Было бы удобнее думать, что это

несчастный случай. Кажется, разговор родных, собравшихся по такому печальному поводу, не выйдет за рамки благопристойности. Тем более что на поминках не только евреи, – доброжелательные австрийцы, коллеги и знакомые Шустера. Но дочерям Анне (Юдит Келлер) и Ольге (Янине Вегенер) хочется докопаться до правды, ведь их мать (Элли Висмюллер) не может забыть тот давний шум толпы на площади, который порою словно набат разрушает ее сознание. Да и у брата покойного, Роберта (Герд Ригауер), слишком скептический ум, чтобы забыть происходившее. Прошлое не знает прошедшего времени, оно готово обернуться и настоящим, и будущим, настичь поздним ответом в самый неподходящий час.

Двадцать три года назад премьера «Площади героев» в венском Бургтеатре вызвала немыслимый скандал. Постановку Клауса Пеймана называли антиавстрийской, перед театром еще до премьеры неопубликованной пьесы проходили митинги тех, кто возмущался Бернхардом, и тех, кто спектакль поддерживал. Автор был на особом счету у тех, кто говорил об истории с обаянием маразматика, ведь Бернхард позволял себе высказывания и действия, грозившие гедонистическому обществу слишком многим, шел на конфликты, которых благонамеренные старались избежать любой ценой.

Спектакль, поставленный руководителем Тирольского Ландестеатра Клаусом Рормозером, демонстраций не собирает. Австрия изменилась за два с лишним десятилетия; то, что составляло для страны фрейдовскую фигуру умолчания – антисемитизм, соучастие в нацистских преступлениях, поддержка чудовищного режима, – перестало замалчиваться.

Но не изменилось значение Бернхарда, прозаика и драматурга, все меньше выглядящего провокационным, все больше – обращенным к вечному в человеке и истории, создателем архетипических форм в искусстве.

В одной из российских рецензий начала 2000-х его назвали мизантропом. Это эффектно, но неверно. Драматургов-мизантропов не бывает: литература хоть и остается искусством формального, но занята людьми и создается ради них. Случай Бернхарда, правда, особого рода. Он любит родину, но странную любовью: скепсиса и горечи здесь больше, чем оптимизма; последнего, впрочем, нет и в помине.

То, в чем некоторые готовы были видеть даже ненависть к родине, обернулось славой драматурга и породившей его литературы. Бернхард стал классиком уровня Музиля; с другой стороны, нынешние *enfants terribles* австрийской словесности Эльфриде Елинек и Петер Хандке словно находятся под его защитой: инакомыслие не является больше преступлением, хоть и уменьшает число поклонников. Поняв это, Австрия позволила себе то, что в ином случае вряд ли бы выглядело извинительным: она не выполнила последнюю волю драматурга. В завещании тот запретил публикацию и постановку своих текстов на родине. Хорошо, что этого не произошло.

НА КАССАНДРОВОМ МОСТУ

Ирина Мак

Джордж Пан Косматос снял свой «Перевал Кассандры» в 1976-м. Фильму, которому в этом году исполняется 35 лет, не суждено было войти в списки оscarовских или каннских номинантов. В отличие от многих известных западных картин, недоступных советским зрителям, эта почти сразу после выхода на экраны была показана по телевидению в СССР. И тогда же мной увидена. В ранней юности, узнав среди исполнителей главных ролей Софи Лорен и Берта Ланкастера, я понятия не имела, что эти двое – не главные в «Перевале Кассандры». Только увидев этот фильм снова десятилетия спустя, я поняла, на кого там надо было смотреть.

**Кадр из фильма «Перевал Кассандры».
Режиссер Джордж Пан Косматос.**

1976 год

Как и подавляющее большинство моих соотечественников, я не узнала в роли пожилого польского еврея, пережившего Холокост, великого Ли Страсберга, создателя самой знаменитой в Америке актерской школы. Он очень редко появлялся на экране сам. Но если появлялся – его нельзя было не заметить.

А уже упомянутый Берт Ланкастер сыграл в этом фильме полковника американской армейской разведки, прикомандированного к Всемирной организации здравоохранения. В пару к нему приставлена Ингрид Тулин – в роли врача ВОЗ – одна из самых прославленных бергмановских актрис. В здании ВОЗ в Женеве, собственно, и начинается действие: террористы, безуспешно пытавшиеся устроить взрыв, в попытке скрыться от охраны, проникают в секретную лабораторию, где американские сотрудники ВОЗ хранят штамм возбудителя легочной чумы.

Здесь, видимо, и кроется разгадка чуда: фильм на удивление быстро показали в нашей стране. Европейцы сняли кино про кровожадных американцев, хранящих, в нарушение конвенции ВОЗ, смертельный вирус, которым чуть было не заразили Европу, – советской цензуре это было кстати. Но о заокеанско-континентальном противостоянии не думаешь, пока смотришь фильм, тем более что основной сюжет разворачивается не в Женеве, а в поезде, следующем оттуда в Стокгольм, но приезжающем совсем в другую страну.

Местом действия «Перевал Кассандры» напоминает другой знаменитый фильм – «Убийство в Восточном экспрессе» Сидни Льюмета, где тоже занято с десятком первоклассных актеров. Одна из важных пассажирок первого класса – звезда фильмов нуар Ава Гарднер в роли жены крупного промышленника, торгующего оружием. Стареющая красавица путешествует по Европе и таскает за собой жиголо, которого играет молоденький Мартин Шин. Тот, в свою очередь, оказывается наркокурьером, за которым в поезде тоже следят...

Наконец, как уже было сказано, здесь задействована Софи Лорен – энергичная красавица, которая охотится за своим дважды бывшим мужем, знаменитым нейрохирургом доктором Чемберленом, – его играет блестящий ирландский супермен Ричард Харрис. Присутствие Лорен не должно удивлять, ведь в качестве продюсера картины выступил ее муж Карло Понти. И, как всегда, украсил своей женой фильм. Отлично понимая, что если длинный список звезд, занятых в фильме, и не гарантирует его качества, то во всяком случае повлияет на зрительский интерес. И дело не только в радости узнавания знакомых лиц. Часто бывает, что, собравшись вместе, блестящие артисты, даже следуя букве сценария, разыгрывают свою историю, в которой угадывается больше, чем сказано на словах. В этой чудной компании каждый – персона первой величины, которой никто не запретит придумывать себе реплики и импровизировать на ходу. Это только на словах все любимо в кино новые лица. В действительности же персонаж вырастает в наших глазах, если его играет настоящий герой экрана. За каждым таким героем стоит история, зная которую несложно угадать в сюжетных ходах второй, третий смысл. А иногда и угадывать не нужно – имя и жизнь артиста скажут о его роли больше, чем ее текст.

Все это в полной мере относится к 75-лет-нему Ли Страсбергу, для которого эта роль – старого еврея, чудом уцелевшего в Катастрофе и добравшегося до вождельного американского берега, растеряв по пути всю семью, – оказалась только второй его заметной работой в кино.

У Ли Страсберга таких ролей всего три. В 1974-м он сыграл еврейского мафиози в «Крестном отце – 2» Фрэнсиса Форда Coppoly и едва не получил тогда «Оскара» за лучшее исполнение роли второго плана. Награду у Страсберга перехватил Роберт де Ниро, его ученик, сыгравший в том же фильме. А уговорил Страсберга сниматься у Coppoly другой его протеже, Аль Пачино, с которым потом мастер снялся еще раз, в 1979-м, в «Правосудии для всех» Норманна Джуисона. И там с ними вместе сыграл главную роль Пол Ньюмен, тоже вышедший из плодovitого Страсбергова «гнезда»...

Это правда: все или, по крайней мере, многие выпускники Театральной студии Страсберга, преобразованной им в 1966 году в Actors Studio West в Лос-Анджелесе, а в 1969-м в театральный институт, от Джеймса Дина до Дастина Хоффмана, так или иначе считали и считают себя его учениками, справедливо полагая, что без него американское кино было бы другим. Микки Рурк, Питер и Джейн Фонда, Энн Бэнкрофт, Мэрилин Монро, завещавшая Страсбергу и его институту большую часть своего состояния, – вот далеко не полный список его выпускников. Именно преподавательская, а не актерская карьера вознесла на голливудский олимп Ли Страсберга, сына эмигрантов и последовательного проводника актерской системы Станиславского на американскую сцену. Роль в «Перевале Кассандры» явно была написана специально для него, а во многом и про него. По сути, именно Ли Страсберг, с которым зрители мгновенно отождествляют его персонажа, оказался в фильме главным действующим лицом. Об этой выдающейся личности стоит сказать отдельно.

Строго говоря, Страсберг и сам был эмигрантом – за океан в 1908-м его вывезли из австро-венгерского, а теперь украинского Буданова семилетним. В 1930-х годах начинающий артист, не имея шансов со своими внешними данными – щуплый очкарик ростом 1 м 65 см – сделать карьеру на сцене и в кино, создал театр сам. Его нью-йоркский Group Theater в 1930-х ставил в основном политические пьесы. Временами Страсберг отвлекался от своего детища – в частности, в 1930–1940-х ставил и играл в «Габиме». Но не столько режиссура, сколько преподавание оставалось делом его жизни. У него играл и учился в студии при театре Элиа Казан, будущий знаменитый режиссер, сыгравший потом со своим педагогом дурную шутку. В начале 1950-х Казан, в прошлом член Компартии, пошел на сотрудничество с печально известной Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности и «сдал» им восемь своих бывших коллег по студии, в том числе жену своего учителя, актрису Полу Страсберг, попавшую в «черный список».

Похоже, это был единственный неблагодарный ученик Ли Страсберга. Остальные боготворят его по сей день. Джек Николсон, закончивший студию последователя Страсберга Мартина Ландау, тоже считает себя его птенцом. Очевидно, что в жизни Страсберг был успешным педагогом и отличным бизнесменом, умевшим вести дела.

А в «Перевале Кассандры» он – тщедушный маленький человек, торгующий часами. Он не к месту вступает, не к месту говорит, не очень к месту живет... Сумев спастись во время войны, но потеряв всех, этот странный персонаж по имени Герман Каплан так и остался лишним человеком на земле.

Когда поезд, в котором спасается от преследования смертельно больной террорист, изолируют от окружающих и пускают по другому пути, сообщая пассажирам лишь то, что цель их – город Янов в социалистической Польше, этот старик становится главным действующим лицом. От него мы узнаем, что во время войны в Янове был лагерь смерти. И слова Каплана, смотрящего, как забивают цитами окна

прокаженного поезда: «Теперь за нашими окнами будет вечная полночь» воспринимаются как Кассандрово пророчество.

– Я не могу туда вернуться... Мои жена, мои дети... Рахель, Илья... – шепчет он, и невозможно смотреть в эти влажные, слегка навывкате, глаза, в которых вся скорбь...

Èè Nò dàííàdà (nè-ááá) á ò-è-è-è á «Í ádàááè È-á-á-á-á-á-á-á-á-á».

1976 ãã

Страсберг, по сути, единственный в фильме, кто действительно играет судьбу. Его герой меняется на глазах. Он больше не тщедушный никчемный старикан, он мобилизован, он помогает раненым и больным, чтобы ближе к финалу принять последнее в своей жизни, единственно верное решение...

И никого не волнует, что фильм изобилует огрехами и неточностями, – такое случалось со многими, даже очень известными режиссерами, ступавшими на незнакомую почву. Пусть станция на польской границе выглядит по-швейцарски опрятно, и мост якобы в Янове – это и есть высоченный Кассандров мост, который вот-вот рухнет в реку под тяжестью поезда, – в действительности оказывается знаменитым виадуком Гараби во Франции, построенным Густавом Эйфелем. И сам Янов, напоминающий нам об одноименном лагере смерти, на самом деле располагался ближе к Львову...

Мы-то не сомневаемся, что речь идет о том самом Янове, где заключенных расстреливали под знаменитое «Танго смерти» в исполнении лагерного оркестра под управлением довоенного дирижера львовского кабаре. И понимаем, что жертва была выбрана не в 1970-х, о которых идет речь, а много раньше. И теперь она просто вернулась к месту казни. В отличие от других пассажиров злосчастливого поезда, которым на роду было написано – жить.

РИЧАРД ХОЛБРУК:

ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ ДИПЛОМАТИИ США

13 декабря 2010 года в Нью-Йорке после операции на сердце скончался специальный представитель США в Афганистане и Пакистане, известный дипломат Ричард Холбрук, ставший широко известным в международной политике после того, как в 1999 году доставил Слободану Милошевичу ультиматум НАТО перед началом бомбардировок Югославии.

Ричард Чарльз Альберт Холбрук родился в Нью-Йорке 24 апреля 1941 года в семье еврейских эмигрантов. Отец Ричарда, Дэн Холбрук, был врачом и происходил из семьи русских евреев: он переехал в США из Польши или Белоруссии в 1930 году. После второй мировой войны работал врачом при делегациях в ООН. Бабушка Ричарда по отцовской линии служила медсестрой в Российской императорской армии. Его мать была немецкой еврейкой из Гамбурга: она уехала оттуда в 1933 году сначала в Аргентину, а затем переехала в США. Родители Ричарда были атеистами, сам он также не был религиозен, хотя в зрелом возрасте проявлял интерес к своим еврейским корням и иудаизму.

Холбрук посещал школу Scarsdale High School в пригороде Нью-Йорка. После ее окончания увлекся журналистикой: летом работал в газете «The New York Times», а также был главным редактором университетской газеты.

Перед окончанием университета Холбрук решил, следуя призыву Джона Кеннеди, поступить на государственную службу. Он был отправлен в Южный Вьетнам, где в районе дельты реки Меконг занимался распределением гуманитарной помощи в рамках программы Агентства США по международному развитию. Затем был переведен на работу в посольство США в Сайгоне.

В 1969 году Холбрук занимался исследовательской работой в Школе Вудро Вильсона Принстонского университета. В 1972 году он обрушился с критикой на международную политику США и, оставив дипломатическую службу, ушел работать в журнал «Foreign Policy», где сотрудничал с политологом Збигневом Бжезинским.

Параллельно, в 1974 и 1975 годах, Холбрук был консультантом президентской комиссии по внешней политике США. В 1974 году журнал «Time» включил Холбрука в список «200 лиц будущего». А в 1977 году он стал самым молодым заместителем госсекретаря в американской истории. В 1981 году Холбрук выступает с резким заявлением, в котором обвиняет руководителей внешнеполитического ведомства в некомпетентности и в разладе внешней политики и внутренней.

После победы Билла Клинтона на президентских выборах в 1993 году Холбрук был назначен послом США в объединенной Германии. Через год он вернулся в Вашингтон, чтобы вновь стать заместителем госсекретаря. На этом посту Холбрук занимался разрешением вооруженного конфликта в Боснии и Герцеговине и был номинирован на Нобелевскую премию мира. В августе 1999 года Холбрук был

назначен послом США в ООН. После своей отставки в 2001 году занялся бизнесом, став вице-председателем инвестиционного фонда Perseus LLC.

Во время войны в Южной Осетии в августе 2008 года Холбрук стал одним из первых американцев, прилетевших в Грузию, чтобы поддержать грузинского президента. Холбрук тогда заявил, что Россия спровоцировала Грузию на начало боевых действий и в будущем готовится напасть на Украину. По решению президента Грузии Михаила Саакашвили Ричарда Холбрука наградили одной из высших государственных наград Грузии – орденом Победы имени Святого Георгия. Ныне известно, что именем американского дипломата назовут одну из улиц в Тбилиси.

Последнее назначение Холбрука состоялось в январе 2009 года: он стал спецпредставителем США в Афганистане и Пакистане.

Аცაქრაი ად ზოჯი აბია

АВТОРЫ НОМЕРА

Жанна Васильева журналист, обозреватель журнала «Итоги». Также сотрудничает в изданиях: «Литературная газета», «Сегодня», «Искусство кино», «Кинопроцесс», «Персона».

Юлия Винер писатель и поэт, переводчик, сценарист. Печатается в литературных журналах России («Новый мир», «Дружба народов») и Израиля («22», «Зеркало»).

Майя Волчек журналист, кинокритик. Публиковалась в изданиях «Цветной телевизор», «GQ», «Труд».

Матвей Ганапольский (р. 1953) журналист, телеведущий. Лауреат многочисленных журналистских премий: трижды финалист «Тэфи», премии ФЕОР «Человек года – 2009».

Галина Зеленина историк, литератор, переводчик. Доцент РГГУ и ИСАА МГУ, редактор сайта «Booknik.ru». Автор монографии «От скипетра Иуды к жезлу шута. Придворные евреи в средневековой Испании», переводов и статей по средневековой еврейской истории, истории Испании, гендерной проблематике.

Александр Иличевский (р. 1970) прозаик, поэт: «Случай», «Не-зрение», «Волга меда и стекла», «Нефть», «Ай-Петри», «Гуш-мулла». Лауреат премий им. Ю. Казакова (2006) и «Русский Букер» (2007) за роман «Матисс».

Анна Исакова журналист, прозаик (роман «Ах, эта черная луна!»). Литературный обозреватель газеты «А-арец».

Елена Калашникова журналист, филолог, автор книги «По-русски с любовью. Беседы с переводчиками».

Аркан Карив (р. 1963) писатель, автор трех книг об израильском сленге, триллера (вместе с Антоном Носиком) и романа «Переводчик».

Марина Карпова преподаватель, переводчик, автор учебно-методических пособий по преподаванию еврейской традиции и классических текстов.

Борис Климан (р. 1970) журналист, обозреватель газеты «Известия». Лауреат премии ФЕОР «Человек года – 2006».

Аркадий Ковельман (р. 1949) историк, заведующий кафедрой иудаики ИСАА МГУ. Основные работы: «Риторика в тени пирамид: массовое сознание римского Египта», «Эллинизм и еврейская культура».

Зоя Копельман филолог, переводчик с иврита (Ш.-Й. Агнон, Й. Амихай, Й.-Х. Бреннер) и английского. Автор работ по ивритской литературе, преподаватель Открытого университета Израиля.

Евгений Левин (р. 1973) журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

Михаил Липкин (р. 1966) переводчик с английского и иврита, преподает иврит в московской школе «Месивта».

Ирина Мак журналист, обозреватель газеты «Известия».

Афанасий Мамедов (р. 1960) писатель, журналист. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам». Финалист Букера-2003, премии им. Льва Толстого (2005), лауреат премии им. Ю. Казакова (2007).

Давид Маркиш (р. 1938) писатель, сценарист, журналист. Автор романов «Стать Лютовым», «Белый круг», сборников рассказов. Лауреат израильских и международных литературных премий.

Алексей Мокроусов (р. 1965) литературный и художественный критик, печатается в журналах «Синий диван», «Теория моды».

Синтия Озик американская писательница, автор романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в том числе премией Бернарда Маламуда, премией О. Генри.

Валерия Пустовая литературный критик, сотрудник журнала «Октябрь». Публиковалась в журналах «Новый мир», «Октябрь» и др. Лауреат «Новой Пушкинской премии» (2008).

Андрей Рогачевский (р. 1965) культуролог, преподаватель Университета Глазго, автор книг «Риторические традиции в творчестве А.С. Пушкина», «A Biographical and Critical Study of the Russian Writer Eduard Limonov».

Николай Сванидзе (р. 1955) тележурналист, историк, политический обозреватель, ведущий телевизионных программ «Исторические хроники с Николаем Сванидзе», «Суд времени» и др. Член Общественной палаты Российской Федерации. С 2009 года член Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Человек года.

Борис Фрезинский (р. 1941) историк литературы, специалист по биографии и творчеству Ильи Эренбурга. Автор ряда работ и книг, посвященных истории советской литературы.

Семен Чарный (р. 1977) журналист, историк, член международного общества «Мемориал».

Сусанна Черноброва художник, поэт, прозаик. Лауреат премии им. Давида Самойлова за книгу «Электронная почта» (2009). Публикуется в журналах «Звезда», «Даугава», «Иерусалимский журнал» и др.

Михаил Эдельштейн (р. 1972) филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Печатается в «Русском журнале», «Новом мире», «Знамени», «НЛО», газетах «Русская мысль», «Ведомости» и др.

Алек Эпштейн (р. 1975) историк, социолог и востоковед. Автор монографий, научных и публицистических работ.